

АВТОБИОГРАФИЯ
ТИМУРА
И БОГАТЫРСКИЕ СКАЗАНИЯ
О ЧИНГИС-ХАНЕ
АКСАК-ТЕМИРЕ
АКАДЕМГА

**АВТОБИОГРАФИЯ
ТИМУРА**

**БОГАТЫРСКИЕ СКАЗАНИЯ
О
ЧИНГИС-ХАНЕ
И
АКСАК-ТЕМИРЕ**

Перевод
с тюркского и джагатайского языков.
Вступительная статья и комментарий
В. А. Панова

**А С А Д Е М И А
1 9 3 4**

*Супер-обложка и переплет
по рисункам Н. П. Дитревского*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В основу перевода „Автобиографии Тимура“ положена тюркская рукопись, найденная в Бухаре и представляющая перевод с персидского, сделанный Наби-джан-Хатыфом в 1251 г. хиджры (1835 г. христианской эры). Первый русский перевод с рукописи был сделан Нилом Лыкопиным, под заглавием: „Автобиография Тамерлана (родился в 1333 г., умер в 1405 г.)“, Ташкент 1894. Перевод, хотя и близкий к подлиннику, по тяжелый и устарелый в ряде мест. В настоящей книге предлагается попытка нового перевода с той же рукописи.

„Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире (Хромце Железном)“ переведены с джагатайской рукописи XVII века, хранящейся в Британском музее (шифр: *atdd II 725*); рукопись эта дает варианты сравнительно с рукописью Оренбургской ученой архивной комиссии, с которой был сделан перевод А. В. Васильевым и Г. Г. Балгимбаевым.

Во введении к переводу даны общие сведения о средневековье Востока, историческом облике Чингисхана и Тимура, научно-исторической ценности и литературно-художественной морфологии „Автобиографии“ и „Сказаний“.

В примечаниях переводчик старался по возможности подробно осветить основные проблемы ислама, особенности „военно-магического“ уклада эпох Чингис-хана и Тимура, а также проследить на ряде конкретных примеров судьбу обоих джехангиров.

В переводе в квадратных скобках даны необходимые дополнения к старинному тексту; в круглых— пояснения к нему.

*Посвящается
светлой памяти В. В. Бартолда*

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Задача вводной статьи к переводам „Автобиографии Тимура“ и „Богатырских сказаний о Чингисхане и Аксак-Темире (Хромце Железном)“ — показать научно-историческую и литературно-художественную ценность этих произведений.

I

Основные предпосылки средневековья Востока

1

Современного читателя больше всего, вероятно, поразит необычайный, но очень ярко выраженный стиль эпохи, когда появились „Сказания“ и „Автобиография“.

С первых же страниц попадаешь в благоухающий сказочный мир, который как-то незаметно, полутонами и причудливыми нюансами, переплетается с серым миром обыденной жизни. И в „Автобиографии“ и „Сказаниях“ царит какое-то неуловимое сочетание реального и фантастического; легкое веяние мечты и гирь самой прозаической реальности то-и-дело смешаются на весах рассказа, только в „Сказаниях“ фан-

тастика вставлена в оправу реальности, а в „Автобиографии“, наоборот, реальность выступает в окружении сверхъестественного.

Говоря общо, перед нами — блестящий стиль средневековья (как он удивительно сходен и на Востоке и на Западе!): *симбиоз мистики, вернее магии, с феодально-племенным укладом жизни.*

Война — основная стихия жизни; на наших глазах, как в калейдоскопе, мелькают в самых разнообразных комбинациях крупные и мелкие амиры, точная копия феодальных сеньёров Запада, окружённые богадурами-рыцарями; амиры то-и-дело вступают между собой в союзы, изменяют друг другу, составляют заговоры, хитрят и непрерывно воюют, берут крепости, сражаются...

На кого пали стрелы судьбы, тот нередко из амира, крупного феодала, превращается в атамана шайки бродяг-разбойников, скитается по степям, грабит проходящие торговые караваны, а то просто стада своих же подвластных людей. Но ему может снова улыбнуться счастье: громкие подвиги, богатая добыча привлекают много сторонников, шайка разбойников растёт, и атаман снова превращается в амира. Между амиром и атаманом, между регулярной армией и шайкой удалцов-разбойников — различие только количественное, а не качественное.

В редкие минуты, когда почему-либо нет войны, амиры забавляются охотой, устраивают пиршества и праздники и очень редко занимаются своим хозяйством: конями, верблюдами, баранами и рабами.

На принудительном, рабском труде зиждется блестящая военная стихия амиров; где-то внизу, очень далеко, под горизонтом наблюдателя, двигаются и работают хозяйственные пружины жизни; их не различить и не заметишь за сверкающей военной сутоло-

кой; создается невольное впечатление, будто эта сутолока — нечто самодовлеющее, является не только фасадом, но и фундаментом всей тогдашней жизни.

Конечно, авторы наших произведений очень хорошо знали незаметную, как бы мнимую для них сторону своей жизни, но стоило ли обитателям „верхних этажей“ говорить про обыденное и потому скучное среди блеска и шума слишком заметного, говорить про грязь и убожество подвалов? Своеобразная периферийность наблюдателя и читателя той эпохи, конечно, обусловлена своеобразной познавательной призмой наших авторов. Пословицу „Не все то золото, что блестит“, усвоили лишь последующие поколения наблюдателей.

Другая стихия жизни — постоянное *передвижение* населения. Если бы мы могли взглянуть с высоты полета аэроплана или дирижабля на тогдашнюю Монголию, на области Джете (теперешний Восточный Туркестан, Джунгарию и Семиречье) и Мавераннехра (область между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей), на Персию, Афганистан, Ирак, Малую Азию, Сирию, мы увидели бы непрерывно движущиеся взад и вперед человеческие точки в больших или меньших количествах: то передвигаются амиры с богадурами и воинами, то рабы с косяками коней, с верблюдами и овцами, то изредка среди бушующих волн войны пройдет купеческий караван; все течет и движется, кочует, идет походом или бежит от врага; *хозяйство движется так же, как и война*; кибитка, юрта, лагерьный стан равнозначны городам и укрепленным рвом, валами и стенами крепостным пунктам.

Итак, *кочевое рабовладельческое хозяйство, питающее войну и питающееся войной, одетое в блестящую военную оболочку,—главный тонус той эпохи.*

2

Война порождала героев, людей, выдававшихся своими физическими качествами—в условиях поединков или рукопашных боев той эпохи—или хитростью, цепкими, изворотливыми, эластичными качествами воина-дипломата, как сказали бы мы сейчас; на верхних этажах жизни вырабатывались индивидуальности; каждый амир—молодец на свой образец, личность с очень определенными и характерными чертами, с чеканным именем; за ним тянутся богадуры, фигуры менее яркие, и остальные сородичи, большая серая масса, только оттеняющая в глазах писателя и читателя той эпохи личность вождя. Общество той эпохи похоже на остроконечный конус с ярко выдающимся шпиком и обширным основанием, составленным из родовых и племенных групп; эти группы—основные клетки и хозяйственного и военного уклада той жизни.

Но наши „Богатырские сказания“ и „Автобиография“ дают нечто большее, именно феодальное общество в процессе *объединения и экспансии*, они рисуют яркие образы „джехангиров“—покорителей и владык мира. „Джехангиры“ ведут за собой десятки и сотни тысяч вооруженных людей в разные концы мира, на далекие тысячеверстные пространства и опустошительным смерчем сносят все на своем пути; мать-сыра-земля дрожит от несметных полчищ, самые прочные крепостные стены рушатся при появлении необозримых войск человека, который находится под особым покровительством судьбы, родился и живет, как говорили тогда, под счастливой звездой.

Какова их судьба, как возможна такая необъятная власть, зачем нужны миру такие владыки? Такова воля какого-то высшего „мира тайн“... Вот тут-то мы

и соприкасаемся со вторым главным тоном эпохи, диалектически сопряженным с первым,—*мистикой и магией*.

3

Для людей той эпохи движущие силы человеческой жизни и человеческой истории скрыты не здесь, на земле, в очень реальных, подчас очень низменных сторонах человеческой природы, а в каком-то ином мире, который тем не менее тесно соприкасается, а то и сплошь переплетается с нашим, земным. Между двумя мирами не существует непроходимых граней; наоборот, мир высший и низший — земной, образуют очень цельный и прочный комплекс и при этом в такой форме, что *наш мир является очень отдаленной периферией и смутной эманацией* другого...

Суровые и жестокие войны, амиры и богадурь, покорно подчиняются воле своих прозорливых духовных наставников, шейхов, „кутбов“ и пиров, непрерывно обращаются к ним за советами и гаданиями в трудные минуты жизни и без их разрешения не начинают сколько-нибудь трудного предприятия, мало-мальски сложного дела. Шейхи и пиры, по представлениям людей той эпохи, вхожи в „мир тайн“, хорошо знают пути высшего мира и потому смело могут руководить людьми, которые знают одни только смутные дороги этого мира: ведь эта дорога — лишь слабая и бледная тень путей иного мира, и непременно должен заблудиться тот, кто без руководства тайновидцев осмелится один ходить по тропкам земли.

Кроме провиденциальных людей, шейхов и пиров, из „мира тайн“ являются и другие посланники: вещие сны, неведомо откуда раздающиеся голоса, пророчества Корана, священной книги, прочитанной самим

Аллахом своему последнему и самому главному посланнику на земле, Мухаммеду, наконец, своеобразная, загадочная конфигурация небесных светил.

Вещие сны открывают неизвестное, полное загадок будущее: они — светочи путей иного мира для здешних темных людей. Бродишь по мрачным пустыням или роскошным, полным благоухания садам, видишь ужасных духов, странных животных и птиц, слышишь удивительные звуки и получаешь самое точное знание о будущем, словно перелетаешь на крыльях сна, как на машине времени, по неведомым далям жизни, которая еще не наступила, но непременно наступит после той, которая идет сейчас; сны прилетают нивесть откуда, но как раз в самую нужную минуту к особым, отмеченным перстом Аллаха людям, чтобы раскрыть судьбу незрячим глазам.

Такой же силой обладают и голоса из „мира тайн“, вещающие в самых запутанных казусах жизни, какой дороги нужно держаться „джехангиру“. Оттого-то он и „джехангир“, что только ему одному послан дар слышать эти голоса, и потому-то он всегда поступает удачно и верно, захватывает первые, самые лучшие места на арене жизни, далеко впереди серой, ничего не слышащей массы средних людей.

А когда не снятся сны и не слышно голосов, а нужно непременно знать, как идти по запутанным, извилистым линиям, как выбраться из лабиринта непонятной жизненной обстановки, тогда берут священную книгу и открывают место как будто наудачу, а на самом деле руководствуясь тайным голосом судьбы: открывающееся место из Корана непременно укажет истинный выход из лабиринта.

А то наблюдают расположение и движение небесных светил и по звездной книге читают самые

запутанные чертежи в книге земной жизни. Та или иная комбинация звезд дает в качестве своих неизбежных функций те или иные ряды будущих событий.

4

Окруженный магическим орнаментом, „джехангир“, главный герой наших „Сказаний“ и „Автобиографии“, занимает свое особенное место в стиле эпохи. Он — дверь, через которую проходят гости иного мира, он — маг, который насаждает на земле волю судьбы, он — видимый руководитель человеческой жизни и человеческой истории, он — живое воплощение самых высоких нравственных качеств, он — идеальный воин и военачальник, дипломат и хитрец, хозяин и администратор, первый служитель Аллаха, привратник и ключарь его дарства, он — объединитель мелких, разрозненных феодально-племенных кусков жизни в великую мировую „империю“, он — представитель великой семьи „джехангиров“, которые таинственно сменяют друг друга на протяжении всей человеческой истории, не дают людям замкнуться в тесноте своего муравейника, выводят на широкую мировую арену. В глазах писателей и читателей той эпохи он как бы прерывает обычный, нормальный ход жизни с тем, чтобы возвести ее на неизмеримо высшую ступень развития. *Сама эпоха в целом* в „Богатырских сказаниях“ и „Автобиографии“ взята в особом аспекте *какого-то приспособления к небывалым, чрезвычайным задачам жизни мира!*

5

Читатель наших дней привык начинать с хозяйственной структуры жизни и от нее как бы *подни-*

матъся к социальным отношениям, политическому укладу и к идеологии; писатели тех дней *нисходили* от „джехангира“ к амирам, богадурам и совсем уже под горизонтом жизни и наблюдения—к рабам,—*instrumentis vocalibus* хозяйственного фундамента истории.

Вот эту предпосылку „*перевернутого мировоззрения*“ нужно всегда иметь в виду при оценке „Богатырских сказаний о Чингис-хане и Аксак-Темире (Хромце Железном)“ и „Автобиографии Тимура“, как исторического источника. Не мешает, однако, помнить, что в „Богатырских сказаниях“ былинно-сказочные эпические волны заливают почти сплошь реальное ядро, между тем как в „Автобиографии“— на первом месте очень жизненные мотивы феодального, военно-магического уклада.

II

Исторический облик Чингис-хана и Тимура

Каков исторический облик, реальная канва жизни и деятельности двух главных персонажей наших произведений — Чингис-хана и Тимура?

1

Чингис-хан и Тимур создали (первый в XIII веке, второй в XIV и начале XV века) большие политические объединения мириад людей — будем условно называть их „империями“. „Империи“ в этом смысле непрерывно являются в истории человечества в качестве надстройки над самыми разнообразными социально-экономическими образованиями. Они носят то длительный характер, то эфемерный, особенно когда движение возглавляется крупной личностью; наконец, „империи“ бывают то сплошными, то „лоскутными“;

составленными из самых разнообразных историко-этнических кусков.

„Империи“ Чингис-хана и Тимура падают на эпоху феодализма, носят лоскутный характер; „империя“ Тимура — эфемерна, „империя“ Чингис-хана — более длительна.

2

Ход жизненной деятельности Чингис-хана на основании ряда источников можно нарисовать в таком виде.

Его первоначально звали Темучином; родился он приблизительно около 1155 г. христианской эры на берегу Онона, в Монголии, его отец Исугей-богадур пользовался некоторым влиянием среди окрестных племен, но после его смерти семья вынуждена была скитаться по лесам, питаясь кореньями и дичью.

Темучин, выдававшийся физическими и умственными силами среди своих сверстников, набрал из них шайку удалцов и сначала занимался мелкими разбоями-набегами на соседние племена; число его приверженцев, привлеченных удалством, постоянными удачными набегами и обильной добычей, все росло.

Дальнейшую деятельность Темучина, как завоевателя, можно разделить на два далеко не равноценных периода: до великого „курултая“ (собрания племенных вождей) 1206 г. и от „курултая“ до смерти в августе 1227 г.

Первоначальный улус Темучина состоял из земель на верховьях рек Талы, Керуляна и Онона с их притоками. До 1206 г. он не задавался определенными завоевательными целями; он только искусно маневрировал среди окрестных враждебных племен: пользуясь центральным положением своего улуса, он нападал по отдельности на сильные племена, пре-

душеждая их возможные набеги, и то хитростью, то подарками не допускал соединяться против себя большим отрядам чужих воинов. Неизбежным, хотя и малосознательно достигнутым результатом было к 1203 г. объединение Восточной Монголии и к 1205 г.— объединение Западной Монголии.

1206 г.—год великого перелома в жизненной деятельности Темучина; великий „курултай“ наглядно показал Темучину, что он владеет всеми племенами Монголии, что ему подчиняются все ханы; он принимает имя Чингис-хана (хана ханов) и первым делом сбрасывает суверенитет нючжей (владык Северного Китая). С этого момента он начинает все более сознательную деятельность по завоеванию окружающих государств.

Помимо нючжей и государства Сун (Южный Китай), срединная полоса Азии от Тихого океана до Каспийского моря слагалась из трех больших государств: 1) *Тангутское* (Тибет), 2) *Кара-Китайское* (Восточный Туркестан и западная часть пустынь Гоби и Шамо) и 3) *Хорезмское* (Мавераннехр, Туркменистан, Таджикистан, Хорасан). Чингис-хан начал свои сокрушительные удары с государства тангутов; до сих пор он удачно воевал с кочевыми народами, противопоставляя свою лихую конницу коннице соседей; теперь ему пришлось вести войну с оседлым народом, бороться с пехотой, брать штурмом крепости. В ранних тангутских походах (1206, 1207 и 1209 гг.) он приобрел недостающие ему навыки, выковал войско, способное на дальние предприятия, на борьбу с разными видами пеших воинов, лучников и копейщиков, научился при помощи лестниц и стенобитных орудий штурмовать и брать крепости.

С 1211 г. Чингис-хан начинает знаменитый поход на своего прежнего союзера, владыку Северного

Китая, чтобы окончательно утвердить свой суверенитет в глазах народов мира. В июне 1215 г. под его ударами пал Пекин; к 1218 г. было завоевано Кара-Китайское государство, и на „курултае“ 1218 г. Чингис-хан решил идти на Запад, предоставив закончить завоевание Северного Китая своим военачальникам. С 1220 по 1224 г. длится ожесточенная борьба с владькою Хорезмского государства, Мухаммедом. Чингис-хан последовательно захватывает все хорезмские улусы вплоть до степей Южной России (знаменитая битва при Калке в 1224 г., где монголы одержали решительную победу над русскими князьями).

Последние годы своей жизни (1226 и 1227) Чингис-хан посвятил окончательному сокрушению государства тангутов. Таким образом, Чингис-хан, начав с маленького, бедного улуса в Монголии, объединил всю Монголию, свергнул иго китайцев, сам покорил Северный Китай, объединил в своих руках Среднюю Азию и теперь уже ставил задачу овладеть всем миром, сделаться „джехангиром“.

Было уже решено, передают, на великом „курултае“ в восемнадцать походов овладеть миром, прежде всего Европой; на долю Батые выпал первый и, к счастью для Европы, последний поход на дальний Запад.

Завоевание Азии и трения между преемниками „Великого хана“ отвлекли внимание монголов от Западной Европы. Только восток Европы на долгие годы подпал под монгольское иго.

Как некогда Александр Македонский своим неслыханным по масштабу походом в Азию запечатлел свое имя в памяти бесчисленных народов на долгие века, так и Чингис-хан навеки запечатлелся в памяти

народов, населявших Азию. Двигавшийся непрестанно вперед, неумолимый, как судьба, всегдашний победитель, не стеснявшийся в средствах, истребитель бесчисленных мириад людей, сокрушитель славных и могучих городов, а вместе с тем искусный организатор своих бесчисленных полчищ, мудрый правитель необъятной азиатско-европейской „империи“ и великий законодатель!

Его преемники с великим благоговением хранили и соблюдали правила искусства воевать, выработанные великими походами при Чингис-хане; они жили его мудрой наукой истреблять или ослаблять покоренные сильные народы, чтобы избежать впоследствии восстаний, ассимилировать кочевников и эксплуатировать оседлых, выжимая в качестве дани все соки народа, как это было на Руси; его сборник законов, известный под именем „Яса“, остался навсегда основой права азиатских кочевых народов, успешно конкурируя с Кораном и юридическими нормами, выработанными буддизмом.

Со времен Чингис-хана на долгие годы утвердился особый социально-хозяйственный тип государства: феодально-племенной уклад жизни в могучих рамках обширной централизованной „империи“ с правильно налаженной администрацией и судом, с жестко и планомерно устроенным войском, с мастерски организованным симбиозом между кочевниками-владыками и оседлыми подданными.

3

Другой „джехангир“—„сахиб-уль-кырам“ (рожденный под счастливым сочетанием планет), „великий амир“, Аксак-Темир (Хромец Железный), Тимур-

Ленг, Тамерлан, как называли его народы „Рума“ (европейцы),—разрушал и строил наподобие Чингиса, только прикрываясь тяжелой мантией ислама. Ислам придал своеобразный колорит политическому оформлению нового „джехангира“, создал новую теорию власти, дал парадоксальное оправдание всем уловкам и изгибам умного и хитрого деспота, который создал в XIV веке в Средней и Передней Азии „империю“ на обломках прежней — Чингис-хана.

В начале своей жизненной карьеры Тимур (он родился 9 апреля 1336 г. христианской эры) испытал немало превратностей судьбы. В его детстве и юности Мавераннехр, его родина, распадался на множество феодальных сенбёрий, владельцы которых, тюркские амиры, вели ожесточенную войну всех против всех. Тимур основательно выварился в котле этих непрерывных боев и хитростей, прикрытых знаменем посланника Аллаха Мухаммеда и возведенным им Кораном.

Сначала Тимур с добродетельным видом маленького человека, всем обязанного великому, был вассалом Казгана, главы тюркских амиров, женился на его внучке, по крохам собирал феодальные объедки, падавшие со стола Казгана; тут он проходил первую практическую школу военно-политических и дипломатических наук той эпохи, выучился распознавать людей и умело ими пользоваться в самых сложных обстоятельствах феодальной анархии и дезорганизованности.

Казган пал жертвой заговора своих амиров, но Тимуру удалось выплыть на поверхность бурлящего политического моря в роли одного из триумвиров, владевших Самаркандом, будущей столицей „джехангира“. Теперь его манит мечта избавиться силой или

хитростью от других сеньёров Мавераннехра и сделаться „справедливым и милостивым“ единовластцем.

Мечты были прерваны нашествием в Мавераннехр потомка Чингис-хана, хакана Джете Туклук Тимура. Местные сеньёры не решились бороться с грозным нашествием; они или спасались бегством в соседние страны или спешили униженно подчиниться. Тимур, рассчитывая использовать уроки прошлого при Казгане, немедленно подчинился хакану и задумывал далекую хитроумную комбинацию — войти в полное доверие в Туклук Тимуру и с его помощью сделаться владыкою Мавераннехра. Его планы потерпели крах: Туклук Тимур передал полноту власти своему сыну Ильяс-Ходже, а Тимура сделал только главным амиром воинов Мавераннехра.

Честолюбивый Тимур не снес жестокого удара по самолюбию и попробовал самовластно распорядиться в Мавераннехре, прикрываясь благочестивыми намерениями защитить потомков Мухаммеда от насилия пришельцев Джете, узбеков-язычников. Но Тимур был слишком еще слаб для борьбы с Джете. Он сразу лишился власти и почета, с небольшой кучкой своих родичей и приверженцев, отчаянных головорезов, должен был бежать из Самарканда и скитаться по степям Туркменистана и пошел в тюрьму к одному туркменскому сеньёру. Отсюда, из смрадной ямы, начинается сначала медленное, потом все ускоряющееся движение к власти над миром. Он собирает своих сторонников из всего Мавераннехра и после ряда удачных и неудачных боев изгоняет воинов Джете. Конец шестидесятих годов XIV века наполняется борьбой с амиром Хусайном, внуком Казгана; в 1370 г. Хусайн убит, и Тимур делается единовласт-

цем Турана. Еще десяток лет уходит на борьбу с Джете и непокорными феодалами внутри страны.

С начала восьмидесятых годов Тимур, собрав Туран, как в свое время Чингис-хан Монголию, устремляется на Иран, захватывает Персию и Афганистан, а потом приступает к завоеванию мира в походах *трехлетнем* (с 1386 г.), *пятилетнем* (с 1392 г.) и *семилетнем* (с 1399 г.).

Трехлетний поход Тимура был прерван нашествием в Мавераннехр другого завоевателя, стремившегося стать „джехангиром“,—хана Золотой Орды Тохтамыша, который заручился союзом с амирами Джете и Хорезма. Тимур прогнал Тохтамыша, разгромил его союзников и сам предпринял в 1391 г. дальний поход на Тохтамыша по средне-азиатским степям в низовье Волги.

Пятилетний поход начался покорением Западной Персии и Ирака во главе с Багдадом и прикаспийских земель, но скоро перешел в новую борьбу с Тохтамышем, который атаковал Тимура в Закавказье; Тимур разбил своего грозного врага на Тереке и, преследуя его, докатился до Ельца, разгромил Золотую Орду и Черноморское побережье и в 1396 г. вернулся в Самарканд.

Приготовляясь к семилетнему походу против второго великого соперника—„джехангира“, султана османских турок, Баязида Молниеносного, грозы и победителя западно-европейских рыцарей, Тимур совершил подготовительный поход в Северную Индию, где разгромил (1398—1399 гг.) Дели, дошел до Гагга и с богатой добычей (жалованием своим богадурам за семь лет вперед) вернулся для короткой передышки в Самарканд, чтобы оттуда двинуться на дальний Запад.

Тимур разгромил египетского султана Фараджа, союзника Баязида, захватил Сирию и вторгся в Малую Азию; он выбрал позицию, крайне удобную для маневрирования своей лучшей в мире конницей и неудобную для действий лучшей в мире пехоты Баязида, при Ангоре (теперешняя столица Турецкой республики), и в 1402 г. нанес решительное поражение непобедимому султану османов. Отделавшись от последнего крупного соперника, Тимур стал готовиться в поход на Китай, чтобы получить формальное право на владычество над миром, и во время похода умер в феврале 1405 г. После его смерти громадная „империя“ быстро распалась: Тимуриды не были так счастливы, как потомки Чингис-хаана.

Удивительный, но безумно жестокий, хотя и очень набожный, воин и военачальник, организатор открытой знаменем „правой веры“ огромной феодально-племенной „империи“, он представлялся потомству любопытным философом-моралистом, развивавшим очень интересные теории о природе власти правителя, о единстве человеческого рода, нарисовавшим блестящий образ, теоретический и практический, владыки мира. Громадной эрудицией он привел в восторг своего современника, знаменитого историка Ибн-Халдуна, своими постройками в Самарканде, художественным вкусом удивил не только современников, но и далеких потомков.

Некоторые знатоки истории военного искусства утверждают, что знаменитая наполеоновская стратегия и тактика, казалось бы, не имеющие предшественников, на самом деле заимствованы у Тимура; знаменитый „джехангир“ Запада будто бы удачно копировал и развивал теорию и практику Железного Хромца XIV века.

III

Научно-историческая ценность и литературно-художественная морфология „Автобиографии Тимура“

1

Были ли автором „Автобиографии“ сам Тимур, или она принадлежит другому автору, написавшему ее, быть может, по данным „Истории подвигов“ Тимура, официальной летописи, которая велась — так утверждает сама „Автобиография“ (стр. 59)—при его дворе?

„Автобиография“ пыгается опровергнуть тезис о неграмотности Тимура, о его необразованности: он учился в школе, был старшим учеником; с большой охотой сидел у ног „улемов“, впитывал в себя тогдашнюю мудрость, был очень начитан в Коране, энциклопедии религиозно-философских знаний той эпохи, его историческим знаниям, его широкому умственному кругозору дивился Ибн-Халдун, великий ученый XIV в. Значит, дан ряд предпосылок для тезиса, что „Автобиография“ могла исходить от самого Тимура.

Далее, тонкость душевных переживаний, в точности соответствующая многообразию житейских казусов, уверенность в распоряжении логическими выкладками, своеобразными силлогизмами, свободное передвижение и комбинация различных сюжетов и мотивов в первой (без хронологических разрывов) части „Автобиографии“, эпизодичность записей в ранних хронологических разрывах и тонкая, изысканно точная (кроме трех-четырех отдельных случаев) последовательность — в поздних, говорят с большой степенью вероятности за то, что „Автобиография“ могла быть в существенных чертах записана со слов Тимура, но впоследствии она, вероятно, получила хронологическое

и генеалогическое оформление, насквозь пропиталась моральными поучениями и рассуждениями со стороны „улемов“ и таким образом получила *сложный, словесой характер*.

2

Как бы в конечном счете ни решался вопрос об авторе „Автобиографии“, остается в полной силе проблема о научно-исторической ценности нашего источника. Каковы важнейшие объективные моменты, которые определяли расстановку фактов, их окраску, а иногда и самое их существование?

Общие предпосылки, определяющие содержание „Автобиографии“, даны в главе I Введения; здесь мы остановимся только на специфических особенностях данного произведения.

Основная тенденция, основной пафос „Автобиографии“ — „джехангирство“; подобраны и внесены в книгу только факты, рисующие восхождение „джехангира“ к основной цели своей жизни, или, если иногда даны обратные факты—удары судьбы, то исключительно для того, чтобы поучительной антитезой оттенить диалектически развертывающийся процесс „джехангирства“. Любопытно, что отрицательные стороны „покорителя мира“ не всегда скрываются, не всегда исчезают из поля зрения книги, но они тщательно перетолковываются в пользу „сверхгероя“, или же „сверхгерой“ отбрасывает факты вроде дурных вещей снов или дурного их истолкования, раз они мешают ему двигаться вперед и делать по-своему...

Интересно взглянуть на самую *композицию* „Автобиографии“. Автор сначала собирает всю квинт-эссенцию „джехангирства“: он дает теоретические трактаты о „справедливом и милостивом пастыре на-

рода“, о природе власти правителя, а затем подбирает фрагменты практического выполнения „джехангиром“ своей провиденциальной миссии в мире, вставленные в магическую оправу из разных видов оккультного знания. Из первой части „Автобиографии“ читатель уходит уже вполне обработанным; когда он читает вторую, погодную часть „Автобиографии“, он уже сам заранее толкует факты, которые перед ним раскрываются последовательно год за годом; но автор не успокаивается и здесь: он всюду дает понять, как нужно толковать то или иное событие, как не ошибиться в оценке того или иного поступка.

Нельзя, конечно, слишком перегибать палку в эту сторону; личность героя—действительно исключительна по своим физическим и умственным дарованиям; ее подвиги—верх храбрости, ловкости и хитрости; нельзя поэтому всякое выходжение за уровень среднего человека сводить к субъективным моментам, к искажению реальных данных. Читатель наших дней не может свести все содержание „Автобиографии“ только к аретологическим моментам, то-есть к сюжетам и мотивам, восхваляющим „сверхгероя“, в ущерб богатому реальному содержанию рассказа. Но что непременно следует откидывать—это нестерпимый *морализирующий* тон или привкус в речах автора; становится часто досадно, когда после очень живого авантюрного эпизода, который так и требует кисти художника, приходится выслушивать сухое поучение автора о том, что хорошо и что плохо, что следует делать и чего не следует делать, с ссылкой на авторитеты шейхов и пиров. Пиетизм и морализм прямо убивают хорошего рассказчика.

Говоря общо, *магический орнамент и морализм—элементы, которые необходимо устранить, чтобы*

получить реальное ядро деятельности Тимура в первый, мавераннехрский период, и эти же элементы следует строго учитывать, когда нужно вникнуть в идеологию той эпохи и понять особенности „Автобиографии“, как книги о „джегангире“.

3

Каковы литературные формы, в которые отлито содержание „Автобиографии“?

С первого же взгляда можно нащупать несколько главных форм: 1) магически-окультурные сюжеты и мотивы; 2) авантюрные; 3) астрологические; 4) агиографические; 5) моральные заповеди и 6) продукты устного творчества: а) сказочные сюжеты и мотивы и б) пословицы.

Приводим дальше приблизительный перечень сюжетов и мотивов по группам с большой и серьезной оговоркой, что многие сюжеты *многокрасочны* и принадлежат к той или иной группе лишь в очень условной степени.

И. Магическо-окультурные сюжеты и мотивы

1. Подарок шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабди (стр. 54).
2. Сон сайида Паттаха и белое знамя (стр. 59).
3. Гадание на могиле шейха Ясави (стр. 60).
4. Магическое четверостишие (стр. 60).
5. Гадание по Корану (стр. 145).
6. Гороскопы астрологов (стр. 71, 98, 102).
7. Вещий сон хазрета Убайдуллы (стр. 58).
8. Вещие сны Тимура и его отца амира Тарагая (стр. 77—85).
9. Вещие голоса Тимуру (стр. 74, 160).

Вступительная статья

10. Явление Хызра Тимуру (стр. 75).
11. Пророчания амира Куляля (стр. 93—95).
12. Гадания и пророчания в долине Арсаф (стр. 159—160).
13. Клятва на Коране и мече (стр. 197).
14. Магические числа: 1) семь; 2) семьдесят; 3) четыре.

II. А в а п т ю р н ы е

1. Разрушение языческих капищ (стр. 76).
2. Педерастия в школе и изнасилование женщины турком (стр. 89, 90).
3. Охота за козой (стр. 96).
4. Болезнь и лечение (стр. 104—105).
5. Ливень на охоте (стр. 107).
6. Амир Бакыр в Герате (стр. 110).
7. Хитрость при захвате Хорезма (стр. 114—115).
8. Тимур понадевает вловушку к Хаджи-Барласу и Баязиду-Джалаиру (стр. 136).
9. Бой шестидесяти с тысячей (стр. 146—148).
10. Приключения в степях Туркменистана (стр. 148—149, 151).
11. Тюрьма у Джашы-Курбаны (стр. 150—151).
12. Тимур-„каляндар“ (стр. 152).
13. Концентрация союзников в долине Арсаф (стр. 159—162).
14. Войны Джете застают Тимура врасплох (стр. 166—167).
15. Хитрость отрядов Тимура у Кеши (стр. 174).
16. Бой с войсками Кичик-бега (стр. 175—176).
17. Пленные амиры Ильяс-Ходжи у Тимура (стр. 177—178).
18. Коварство амира Хусайна в долине Кичик-бега (стр. 194—195).

19. Рекогносцировка Тимура у Карши (стр. 201).
20. Штурм Карши (стр. 202—203).
21. Поединок Гази-Бугана и Узбека (стр. 205).

III. А р е т о л о г и ч е с к и е

1. Двенадцать моральных качеств Тимура (стр. 49—52).
2. Трактат о природе власти правителя (стр. 53—54).
3. Сон Убайдуллы (стр. 58).
4. Белое знамя (стр. 59).
5. Тимур — советник хакана Туклук Тимура (стр. 62—63).
6. Освобождение семидесяти сайидов (стр. 65)
7. Кара-Джар-нойон (стр. 101).
8. Прорицание амира Куляля (стр. 93—94).
9. Великодушие к амиру Казгану (стр. 106).
10. „Фетва“ жителей Самарканда и Мавераннехра (стр. 67).
11. Долина Арсаф и амиры Тимура (стр. 160—161).
12. Пасифизм Тимура (стр. 163—164).
13. Великодушие Тимура и пленные амиры Ильяс-Ходжи (стр. 177—178).
14. Великодушие к амиру Хусайну (стр. 189).
15. Великодушие к пленным женщинам и юношам (стр. 203, 206).
16. Тимур и доверие его амиров (стр. 197).

IV. А г н о г р а ф и ч е с к и е

1. Двенадцать моральных качеств Тимура (стр. 49—52).
2. Паломничество к шейху Заин-эд-дину (стр. 54).
3. „Кутб“-кошох (стр. 55—57).
4. Амир Куляль (стр. 93—95):

V. Моральные заповеди

1. Двенадцать моральных качеств Тимура (стр. 49—52).
2. Советы Тимура хакану Туклук Тимуру (стр. 62—63).
3. Четыре правила шейфа Заин-эд-дина (стр. 68—69).
4. Завещание амира Тарагая Тимуру (стр. 91—92).

VI. Сказочные сюжеты и мотивы

1. Ключ и число „три“ в эпизоде о „кутбе“-коныхе (стр. 55—56).
2. Счет зерен и хлебов в эпизоде об амире Куляле (стр. 93—94).
3. Три кучки золы в сновидении перед битвой с Кайсаром (стр. 80).

VII. Пословицы

1. Тюрки говорят: „Для тысячи ворон достаточно одного комка глины“ (стр. 137).
2. „Две головы рогатых баранов нельзя сварить в одном котле“ (стр. 184).

Детальный перечень различных сюжетов и мотивов в „Автобиографии“ приводит к очень интересным выводам.

1. Преобладают авантюрные, магическо-окультурные и аретологические сюжеты и мотивы.
2. Очень мало моментов устного творчества и агиографических.

Если говорить очень общо, „Автобиография Тимура“ — книга, воспевающая героя, его приключения, его оккультно-магическое покрывало, то-есть книга о „джехангире“, но автор, как человек высокого со-

диального полета и тонкий для своего времени моралист-диалектик в теории и практике, далек от устного творчества, от его сказочных мотивов, песен, загадок и пословиц,— творчества и философии общественных низов. Агиографические же мотивы вводятся лишь постольку, поскольку нужно окружить „джехангира“ сверхъестественным сиянием.

Перед нами — *хороший образец мемуарной литературы феодальных* (отсюда преобладание авантюрных и магических мотивов!) *высших* (отсюда малое внимание к фольклору!) *кругов Востока, послуживший основой для морально-политического трактата о „джехангире“.*

4

Уже а priori ясно, что здесь нельзя искать изящных рифмованных строк, мощного, животворного веяния ритма, сталактитовой красоты троп и фигур и других драгоценностей устного творчества, раз это книга социальных верхов.

Но здесь не отразилось и „верхнее творчество“ придворных поэтов и певцов-музыкантов. Автор книги, фигура слишком серьезная, с нередкими аскетическими уклонами, маниак идеи „джехангирства“, слишком занят военными делами и дипломатическими хитростями, чтобы уделять много внимания поэзии и музыке; он знаком с былинами о древних богатырях, но они только средство похвастаться удачей своих богадуров; он знает прекрасное стихотворение, но оно служит лишь магическим талисманом для выигрыша на поле брани.

Итак, в „Автобиографии“ нет *сознательной* художественной орнаментировки! Но все же художествен-

ная натура автора бессознательными потоками пробивает кору ханжества, морализма, военно-политической занятости. Эти потоки прежде всего—ведущие сны Тимура. Здесь щедрой рукой разбросаны и реальные, подчас самые прозаические, и фантастические образы в самых причудливых и неожиданных комбинациях.

Интересен диапазон символических образов сновидений. Говоря грубо, их можно разделить на две группы: а) реальные и б) фантастические.

И. Реальные образы

1. *Птицы*: сокол, черный ворон.
2. *Животные и звери*: корова, конь, львы, скорпионы, мухи.
3. Фруктовые деревья, цветы.
4. Сад, пустыня, гора.
5. *Оружие*: меч, праща, батик.
6. *Утварь*: блюдо серебряное; сосуды для вина; чашка с водой.
7. *Сооружения*: башня, трон.
8. Музыка.
9. Метеорологические и космические явления: луч света с востока, тучи свинцовые, туман мгlistый, ливень, пары, обратившиеся в воздухе в капли и упавшие на землю дождем.

II. Фантастические образы

1. Люди, ведущие в книгах записи человеческой жизни.
  2. Гении (джинны).
- Художественность заостряется в комбинациях и способах расшифровки сновидений.

*1) Клинок меча осветил своим блеском весь мир...
Невод вытащил из большой реки всех населявших
ее рыб и животных...*

*Дерево раскинуло развесистые ветви и заслонило
солнце...*

Здесь сила художественного образа — в искусной
антитезе между малым объектом и гипертрофически
увеличенным центром приложения сил этого объекта.

*2) Луч света с востока упал на голову, потом
потух и погас...*

*Свинцовые тучи и туман рассеялись после про-
ливного дождя...*

*С ветвей большого дерева Тимур спустился на
землю.*

Чашка с водой упала на землю, и вода разлилась...

Тут художественность скрыта в моменте динамики,
перехода от одного состояния в другой, в метамор-
фозе действия; один образ потухает, чтобы сме-
ниться другим по форме, равноценным по значимо-
сти, решающим по силе действия.

3) Ужасные призраки гениев...

Роскошный сад, полный всяких усад...

Тучи и туманы...

Благодетельный дождь...

Здесь образы, ассоциированные по законам кон-
траста, даются, как форма сравнения для отрицатель-
ного и положительного, для дурного и хорошего!

С другой стороны, художественные образы про-
рываются в самую цитадель „Автобиографии“, вкли-
няясь в моральные поучения и советы Тимура.

Тут художник оперирует непрерывно, но очень
удачно приемом сравнения.

*Мир подобен золотому сундуку, наполненному
змеями и скорпионами...*

Вступительная статья

*Четыре дурных качества амира Хусайна подобны
четырем стихиям мира...*

*Всякая власть подобна громадному шатру, крыша
которого опирается на столбы...*

Автор берет очень возвышенные и серьезные объекты и очень искусно конкретизирует их, отделяя в сравнимом и сравнительном внешнее от внутреннего, существенное от деталей.

Мир устроен диалектически по самой своей природе; сравнительный объект дает единство конкретных противоположностей: золотой внешности и гнусной внутренности.

Характер Хусайна понятен по сходству с четырьмя стихиями, из которых сложен мир.

Организация власти подобна организации большого шатра, отдельные качества правителя соответствуют в точности отдельным частям шатра.

Сундук, скорпионы, четыре стихии мира, шатер—предметы близко знакомые всему кругу читателей „Автобиографии“; тонкой координацией этих конкретных предметов с абстрактными идеями достигается большая художественность изображения.

Художественная стихия прорывается и в самой гуще авантюрных мотивов интригующей тематикой, соблазнительной ситуацией, неожиданностью эффектов, выпуклостью формы; каждый сюжет подан так, что непременно вырастит былинку или песню, создаст сказку, потребует кисти художника или резца ваятеля; каждый мотив так и просит созвучных ритмов и образов.

Так большая художественная натура автора „Автобиографии“ требует своих больших прав наряду с серьезным и важным, войной и претизмом, дипломатией и морализмом, хочет или не хочет этого

автор. Больше того, автор в своих художественных образах и композициях суверенен, не заимствует их откуда-либо извне и не нуждается в посторонней помощи, он такой же самостоятельный художник слова, как и военачальник, и правитель, и философ, и суевер.

И художественное нисколько не мешает серьезному и важному, не звучит контрастно, не отпугивает читателя, наоборот, оно, не унижая высокого, не вульгаризируя серьезного, дает какую-то приятную законченность и цельность всем героям и всем картинам и всему целому „Книги о джехангире“!

IV

Научно-историческая ценность и литературно-художественная морфология „Богатырских сказаний о Чингис-хане и Аксак-Темуре (Хромце Железном)“

1

Составляют ли „Богатырские сказания“ *цельное* произведение *одного* автора?

Перед нами в „Сказаниях“ волнуеться иная стихия, чем в „Автобиографии“, стихия сказочных и легендарных сюжетов, то переплетающихся, то эволюционирующих, то контрастных; эта стихия прерывается кое-где островками — то генеалогическим и хронологическим орнаментом, то философскими и моральными поучениями. Эти островки создают впечатление маргинальных заметок читателя, вдумчивого и внимательного, но по духу отличное от сказочных мотивов большинства „Сказаний“. Кажется, что кем-то раньше были подобраны (удачно или не совсем, это другой вопрос) фрагменты сказок и легенд, а кто-то другой дал им ученое окружение в стиле своей эпохи: подо-

брал генеалогиию главных персонажей, прибавил кое-где хронологические даты и покрыл их постушки моральными характеристиками.

Вот что принадлежит последнему автору или редактору:

1. *Генеалогия* от Ноя до Бурхана и замечание о Бурхане.

2. „Домострой“ Бодентай и Болектай.

3. Поучение Тимуру Бортакшин—сорокасаженные косы.

4. *Геральдика* биев Чингис-хана.

5. *Хронология* Чингис-хана.

6. Поучение и хитрости Аксак-Темира в Инду-стапе.

7. *Хронология* захвата Болгар Аксак-Темиром.

8. Трактат Аксак-Темира о происхождении зла.

9. *Генеалогии* Ихсан-бега и Инсан-бега.

10. Проповедь ислама на урочище Кыйа.

11. Поучение о деятельности „джехангира“ Аксак-Темира.

12. Перечень походов Аксак-Темира.

Личность последнего, окончательного редактора до известной степени ясна — это „улем“, пропагандист ислама, близкий к кругам феодальной знати Востока, знаток и мастер по части генеалогии и геральдики, по хронологической расценке событий. Это—работа человека, близкого одновременно и к монастырю и к замку феодального сеньёра. Быть может, в своих архивах нашел он раннее произведение и его обработал, к счастью, не очень глубоко!..

Но откуда идет первоначальная редакция наших „Богатырских сказаний“?

У калмыков (ойратов Западной Монголии) развит богатый героический эпос „Джангариада“—цикл былии,

поэм вполне самостоятельных, связанных между собой единым центральным персонажем, Джангар-ханом, которому служат все богатыри, герои отдельных поэм. Наподобие того, как русские богатыри группируются около Владимира Красное Солнышко. На пирах, на свадьбах, на общественных празднествах соперничали между собою „джангарчи“, певцы „Джангариады“, под аккомпанемент домбры (двухструнный инструмент), знавшие по несколько песен поэмы, а часто и целиком всю поэму.

Наши сказания, конечно, не входили в состав „Джангариады“, но они составляют две самостоятельные поэмы о Чингис-хане и Аксақ-Темире, скомпонованные какими-то неведомыми, вольными художниками степей по тематике „Джангариады“ из отдельных сказочных мотивов, легенд и былин; догадываться, кто были эти „вольные художники степей“, для нас не так уже существенно в конечном счете.

2

Какова научно-историческая ценность „Богатырских сказаний“?

Начнем с верхнего, более научного, более историцизирующего слоя. Хронология, генеалогия, геральдика — цепные вспомогательные дисциплины для современной исторической науки в ее микроскопическом разрезе; для микроскопических измерений требуется особенная изощренная точность и тонкость, и мы, люди XX века, особенно избалованы по этой части; тем труднее говорить про работу феодального средневековья.

Хронология — для Чингис-хана довольно правильная, для Аксақ-Темира нелепая, заменяется „много-

годием“ — отражением долголетних походов реального Тимура.

Генеалогия — реальная для потомков Чингис-хана, легендарная для предков и совершенно фантастическая (но вполне в духе монастырско-рыцарских генеалогических разысканий средневековья) в части прикрепления родословного древа Чингиса к родоначальнику последопотопного человечества, Ною, и его ближайшим потомкам — сыновьям.

Геральдика может иметь высокую степень вероятности, если только она опирается на предания, хранившиеся и передававшиеся по наследству в родах военачальников Чингис-хана, и совершенно призрачную, если она — только очень искусная, хитроумная комбинация самых разнообразных легенд и сказочных мотивов. Какая версия более соответствует истине, нельзя решить с полной уверенностью.

Компановка „Сказаний“. Не будем говорить о „Сказании о Чингис-хане“; там незаметно, кроме немногих переходных фраз, никаких ученых усилий создать композицию „Сказания“. Но она довольно рельефно выступает во второй половине „Сказания об Аксак-Темире“, когда вычерчивается путь Аксак-Темира в „джехангиры“. У автора два громадных минуса: 1) он совершенно не обращает внимания на фантастичность многих сюжетов (Миср, Стамбул, Владимир и др.) и 2) совершенно произвольно вытягивает все походы Тимура в одну сплошную пространственно-временную линию, не чувствует никаких прорывов и перерывов.

Морализм в „Сказаниях“. Его ценность очень своеобразная, она характеризует совсем не „Сказания“, а только мировоззрение ученых ханжеских кругов; которые, повидимому, желали пропустить „языческие“

вещи сквозь свою цензурную призму, создать из них орудие для изготовления рецептов благочестивой житейской морали...

Значит, „улем“ просто-напросто испортил своей „ученостью“ то, что он получил из „языческих“ источников!

Следует ли говорить о научно-исторической ценности древнейшего, подлинного пласта „Сказаний“? Вряд ли. „Сказания“, нужно думать, пикогда не претендовали на такую значимость, и не следует насиловать их праздными вопросами.

3

Более реальна проблема о *литературной морфологии* „Сказаний“.

Здесь нельзя давать резких разубов по видам сюжетов, как в прозаической „Автобиографии“ (и там-то не всегда легко удавалось классифицировать эпизоды по их литературной окраске, приходилось довольствоваться условным и относительным ярлыком), здесь сливаются в одно многогранное целое почти в каждом эпизоде и аретологические, и сказочные, и авантюрные, и оккультно-магические сюжеты.

Вот примеры сюжетов.

Эпизод „Писаная красавица Гулямалик-Курукти“. Доблесть „писаной красавицы“—умницы, которую не только любит, но и уважает богатырь-мужчина. Здесь настойчивой струей льются приключения героини то в темном дворце, то в золотом корабле, то в палатке у Тумакул-Мергена, то в заботах о старшем сыне, рожденном от солнца.

Эпизоды „Уход Чингиса на Черную гору“ и „Добывание Чингиса биями“. Центральная фигура чудесного

человека (пока еще не „джехангира“), таинственный уход на неведомую гору, удивительная подача вестей от ушедшего, потаенная охота, поиски героя среди странных дворцов, зверей и пугающих звуков,— приключение сменяется приключением, и непрерывно движется бесконечно богатый ряд сказочных форм, зрительных звуков, магических чисел.

Эпизод „Аксак-Темир хитростью берет Стамбул“. В фокусе — личность „джехангира“, его доблесть и хитрость; напряженно вводятся авантюрные моменты: дальний поход к мировому городу, сражение около него, „многогодная“ осада, переговоры врагов и дьявольски ловкий захват Стамбула; напряженный авантюризм облечен в сказочную мантию—добывание хитростью, когда нехватает сил, какого-нибудь очень ценного приза.

Эпизод „Игры Аксак-Темира с мальчишками-сверстниками“ насыщен скорее легендарными мотивами; здесь центральная фигура носит несравненно более реальный характер, чем в предшествующих эпизодах; приключения героя окрашены в более реальные жизненные цвета, они вытекают из стремления всякой легенды уже с колыбели, с детства наделить героя чертами необыкновенной сметливости и чрезвычайного ума.

Эпизод „Аксак-Темир на урочище Кыйа“ дает ряд любопытных живых сценок из народного быта (если угодно идиллий), любопытных социально-психологических моментов, но все они вставлены в легендарную оправу рассказа о нашествии несметных полчищ Аксак-Темира; эти сценки постольку и живут, поскольку являются любопытными микроскопическими деталями, реакциями на сверхъестественное шествие „джехангира“.

Не будем умножать примеров. Ясно, что литературная амплитуда „Богатырских сказаний“ колеблется между сказками, сказочной оправой, легендами и эпизодами, вставленными в легендарную оправу.

Что сказать о *композициях* наших произведений?

„Сказание о Чингис-хане“ носит *децентрализованный* характер: первая половина его занята очень самостоятельными, сильно изолированными эпизодами с различными предками Чингис-хана; индивидуальный аромат эпизодов настолько силен, что порой невольно забываешь про их привязанность к какому-то центральному сюжету, что они только — до-история главной темы. Вторая половина „Сказания“, правда, целиком связана с личностью Чингиса, но ее отдельные эпизоды, можно сказать, лишь сцеплены между собой динамикой рассказа, панизаны, как бусы на нитку: вынешь нитку, и они покатаются в разные стороны.

Перед нами, таким образом, *выкованная по тематике „Джангариады“ цепь из сказочных рассказов* (в преобладающем числе) *и из легендарных и окутанных легендарной дымкой эпизодов* (в меньшей степени) *о предках Чингис-хана, обстоятельствах его рождения, молодости, избрания ханом и об его ближайших соратниках-биях.*

Сказание об Аксак-Темире (Хромце Железном) более централизовано, сжато в более крепкий узел около личности Аксак-Темира: он нигде и никогда не остается в забвении, в тени. Здесь легенды и легендарные рассказы преобладают над сказками и сказочными мотивами, здесь больше реальных сюжетов, лишь вставленных в рамки легенды. *Археологическая мантия покрывает сплошь „Сказание“ и придает известную цельность и стройность теме о „Джехангире“.*

4

Вопрос о художественной ценности „Богатырских сказаний“ не представляет больших затруднений.

Изобразительность изложения достигается прежде всего частым многообразным применением *диалогов*. Особенно богато ими „Сказание о Чингис-хане“, в своей „языческой“ части почти сплошь слепленное из диалогов (тире отделяют составные части данного диалога):

1. Гулямалик—Уртхан (стр. 245).
2. Алтын-хан—Курляуш (стр. 246).
3. Тумакул—Мерген — Шяба—Сокур (стр. 246—247).
4. Гулямалик — Тумакул (перед совокуплением) (стр. 247—248).
5. Гулямалик — Тумакул (после рождения младших сыпшовой) (стр. 248—249).
6. Бодентай и Болектай—парод-беглец (стр. 251)
7. Бии—Чингис (стр. 262—263).
8. Бортакшин—Чингис-хан (стр. 266—267).

Тут диалоги не надуманы, естественно развиты, многосторонни, сильных темпов и очень удачно отображают свою тематику. „Сказание“, словно живое существо, буквально дышит ими!..

Меньше диалогов в „Сказании об Аксак-Темире“:

1. Аксак-Темир—сверстники-мальчики (стр. 222).
  2. Старики-мальчишки (стр. 222—223).
  3. Джудай-хан Индустанский — разбойники Аксак-Темира (стр. 225—226).
  4. Аксак-Темир — посол Шах-Султана под Стамбулом (стр. 230).
  5. Аксак-Темир—народ „Бараж“ (стр. 234).
  6. Аксак-Темир—ханы урочища Кыйа (стр. 239).
- Они занимают здесь меньше пространства и частью

(особенно первые три) характером схожи с диалогами первого „Сказания“, а частью носят несколько искусственный, как бы надуманный, книжный характер; оттого-то „Сказание об Аксак-Темире“ во второй своей части не так живо, не так красиво по своему общему колориту.

Далее, изобразительность обусловлена блестящим спектром художественных образов. Диапазон их тематики—могуч; здесь то „мир Аллахов“ (широкое пространство, озаряемое днем лучами солнца, ночью—лучами месяца), то чарующая природа (речка, гора, пустышность, тишина, неясный шорох), то красота неописанная, мужская и женская, то дела рук человеческих (сорокасаженный темный дворец, куда ни днем не проникают лучи солнца, ни ночью не заглядывают лучи месяца; золотой корабль без выходов с забеременевшей от солнца ханской дочкой, ее прислужницами, голубками и попугаями, блуждающий по необъятному морю), то мир звериный (медведи рычат, львы ревут), то человеческое убранство (у Чингиса и Бортакшин) и много другого...

Еще любопытнее ряд зашифрованных в эти образы мотивов и сюжетов, интересна скрытая в них, влекущая к себе магическая сила.

На первом месте образы *героя* и *героини*, окруженные многоцветными предикатами: таинственным рождением, неописанной красотой, сверхъестественной силой, удальством и хитростью, необыкновенной удачливостью, жестокостью, но и великодушием, непосредственностью, но и пылким умом—олицетворение человеческого идеала у кочевников, жителей вольных степей.

С героем непосредственно связана символика *творческого производительного процесса* (у писаной

красавицы Гулямалик-Курукти) и *полового акта* (луч солнца проникает в абсолютно темный дворец и производит оплодотворение заключенной там красавицы-девицы).

Дальше следуют характерные для героя мотивы *добывания*, умычки, приобретения, захвата, расширения в двух вариантах: 1) *умыкание девицы* и 2) *добывание ценного приза*.

Для первого варианта характерно добывание Гулямалик-Курукти из золотого корабля при помощи стрел остроконечных, для второго—добывание Чингиса биями, добывание Стамбула Аксак-Темиром, добывание первенства в состязании Аксак-Темира с мальчишками.

Сверхъестественную хитрость героя выражает мотив *оборотничества*: появление Дуюн-Баяна после смерти в образе света и волка величиной с лошадь; Аксак-Темир притворяется больным у Стамбула; метаморфоза разбойников в купцов.

С хитростью гармонируют *чудесные талисманы*—главные орудия героя в его добывании, таковы стрелы Тумакул-Мергея, попадающие на золотой корабль Гулямалик-Курукти, перстень Алангу с печатью у Майкы-бия для добывания Чингис-хапа и т. д.

Иногда герой выступает в качестве *младшего сына* в семье, которого мать любит больше всех детей, которому то-и-дело бабушка ворожит; вот, например, эпизод со спором сыновей Алангу о драгоценном золотом луке, причем лук преисправно достается самому младшему сыну, Чингису.

Героя и его окружение, его действия одевают *магические числа*:

три (три старших сына Алангу; три стража, представленных к Алангу);

четыре (четыре сына и четыре дочери Ноя; чет-

веро убитых биев; четверо мальчиков, спрятанных у Бортакшин);

семь (семь провожатых Бодента и Болектая);

сорок (сорок служанок—сверстниц Гулямалик-Курукти; сорок голубок и попугаев; сорок сверстников Тумакул-Мергена).

Нужно еще остановиться на *гиперболе и сравнении* в „Богатырских сказаниях“.

Гипербола—самый любимый прием автора, особенно когда дело касается непосредственного окружения героя или героини. Вот несколько примеров:

1. Красота Гулямалик-Курукти дана в гиперболической форме ее магического воздействия на природу.

2. *Сорокакасаженные* косы Бортакшин.

3. Число вошнов Аксак-Темира: *один Аллах его ведает; мать-сыра-земля дрожит*, когда его полчища двигаются.

4. Аксак-Темир у Владимира схватил жеребенка и бросил в сторону города; брошенный жеребенок сломал каменную башню и упал за версту.

5. „Избавлю тебя от *ста смертей*“,—говорит Чингис-хан красавице Бортакшин.

Гипербола является наилучшим равноценным выражением идеала, заостряет внимание читателя на беспредельных возможностях героя; она придает и особую силу другому любимому приему автора—*сравнению*. Вот несколько примеров:

1. *Люди, что дьяволы* (стр. 246).

2. *Сердце — обширное, как море* (стр. 267).

3. *По красоте похожей на Джабраила* (Гавриила) (стр. 261) и т. д.

Характерно, что тут не только гипертрофия образа, с которым сравнивают, но и само сравнение построено

на ином базисе, чем в „Автобиографии“: здесь сравнения исходят из конкретного и знакомого, чтобы прийти к отвлеченному и неведомому: от людей — к дьяволу, от сердца — к морю, от человека — к ангелу, а там, в „Автобиографии“, от идеи власти нисходили к палатке, от мира — к золотому сундуку и т. д.

И гипербола и сравнение одинаково утверждают здесь, как и в „Автобиографии“, непрестанную диалектическую динамичность художественных образов!

Литературно-художественная морфология „Сказаний“ есть результат очень своеобразной реакции человеческих масс на травму, нанесенную появлением в феодальной среде реальных „джехангиров“. „Аксак-Темир перевернул все вверх дном; оттого-то и слава о нем сохранилась до наших времен“ — такими словами заканчивает автор свое „Сказание“.

Прав ли старинный автор в своей оценке „джехангира“, пусть покажет перевод „Автобиографии Тимура“ и „Богатырских сказаний о Чингис-хане и Аксак-Темире (Хромце Железном)“.

В. Панов

АВТОБИОГРАФИЯ ТИМУРА

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!²
Пусть знают все мои рожденные в счастье дети, исполненные могущества родные³, султаны, амиры⁴ и визири⁵, что Аллах своей волей поставил меня пастырем народов, венчал меня на царство, укрепил мой трон. Так мне послано Аллахом в награду за двенадцать качеств моего характера.

[Двенадцать моральных качеств Тимура⁶]

Первое. Всегда я считал беспристрастие первым своим качеством: и к бедным и к богатым безразлично относился всегда с одинаковой справедливостью и строгостью.

Второе. Всегда строго хранил ислам, всегда чтил и уважал людей, которых возвеличил своей милостью Аллах.

Третье. Всегда щедро раздавал бедным милостыню, всегда с большим терпением разбирал всякое дело, всегда тщательно вникал во все обстоятельства дела.

Четвертое. Всегда старался делать всякое дело для блага подвластных мне народов, никому не делал зла без серьезных причин, не

отгонял никого, кто обращался ко мне за помощью. Я твердо помнил слово Корана, что слуги Аллаха должны творить лишь одну его волю и от одного него принимать милости [*Коран*⁷, *XLII сура, аят 18 и 22*], и в течение всей своей жизни придерживался этих слов.

Пятое. Всегда предпочитал делать то, что касается ислама, прежде всего остального, что касается обыденной жизни; только закончив дела Аллаха, я принимался за дела обыкновенные.

Шестое. Всегда старался я говорить правду, всегда отличал правду среди того, что мне говорили о жизни здешней и жизни будущей.

Однажды мне рассказали, как Аллах сотворил первого человека, Адама⁸; ангелы⁹, которые видели творение, стали роптать на Аллаха: ничего не выйдет хорошего из создания человека,—говорили они творцу; человек на земле непременно будет говорить ложь другим, не исполнять своих обещаний, убивать подобных себе людей,—словом, творить всяческие беззакония; Аллах непременно расскажет в том, что создал человека. Аллах отвечал ангелам, что он давным давно предвидел злобу и неправду людскую, что в свое время он пошлет людям меч, который будет карать всех злых и лживых и истребит всякую неправду.

Я так понял рассказ, что меч, карающий неправду, который Аллах посылает людям,—это правители народов. Я потому и старался из всех сил быть во всем справедливым и по правде решать во всех делах моей жизни.

Седьмое. Всегда давал лишь такие обещания, какие мог исполнить: я думал, что если

точно выполнять обещания, то всегда будешь справедливым и никому не причинишь зла.

Восьмое. Всегда считал себя первым и самым ревностным слугой Аллаха, всегда творил волю Аллаха, или его Посланника (Мухаммеда), без воли Аллаха не чинил вреда ни одному из народов этого мира. И знатым и незнатым я одинаково старался делать добро; я никогда не желал овладеть чужим имуществом, не думал о богатстве; не завидовал богатым. Поучительна судьба амира Хусайна¹⁰, жадного до добра подвластных ему людей, он и погиб из-за своей жадности.

Девятое. Всегда старался в точности исполнять веления Аллаха и откровения его Посланника, в своих делах я руководился исключительно указаниями шариата¹¹ и всегда уклонялся от дурного. Посланник Аллаха и „мусlime“¹² были моими единственными и наилучшими друзьями.

Десятое. Всегда старался высоко поднять во вселенной знамя ислама¹³: я слышал, что правая вера и великая власть рождены как бы из одного чрева, что только та власть сильна, которая основана на правой вере, поэтому в распространении ислама видел прочное основание своего величия в мире.

Одиннадцатое. Всегда относился с великим уважением к сайидам¹⁴, почитал улемов¹⁵ и шейхов¹⁶; всех их я неизменно призывал в свой совет, внимательно выслушивал их указания по делам веры и исполнял их советы. Народ меня особенно любил за это.

К этим лицам, облеченным особыми дарами Аллаха и его Посланника, я старался отно-

ситься так же, как это делал царь Константин¹⁷.

Царь Константин однажды собрал воинов и двинулся войной на султана Рай¹⁸. По пути Константин узнает, что в совете султана¹⁹ принимают большое участие сайиды, улемы и шейхи; как только весть дошла до царя, он немедленно со своими воинами повернул обратно и совершенно отказался от мысли завоевать Рай. Своим визирям и амирам царь так объяснил, что одна священная книга утверждает великую важность присутствия высоких духовных лиц в совете царя:

„Если в совете царя заседают духовные лица, никто не в силах победить этого царя“.

Константин писал с пути султану Рай, что его правление подобно правлению „хакана“²⁰; поэтому-то он раздумал итти войной на правителя, которого не в силах одолеть.

Двенадцатое. Всегда милостиво относился к юродивым²¹, не имевшим пристанища, людям самого низкого положения; я всячески старался помочь им. Я был всегда снисходительным к правоверным, не наказывал строго за малую вину. К сайидам всегда относился с великим уважением; я избегал слушать людей, которые говорят ложь.

Я слышал: слава великих правителей рождается от милостивого отношения к подвластным людям; в Коране сказано, что если правитель простит одного виновного, он таким образом окажет милость всем подвластным ему людям; во всех своих делах я следовал примеру милостивых правителей.

Я слышал: если Аллах пошлет кому-либо великую власть, то могущество владыки возрастет еще больше, если он будет справедлив и милостив во всех своих делах; могущество владыки, наоборот, быстро придет в умаление, если он уклонится на путь несправедливости и жестокости. И вот, чтобы поддержать и укрепить свое могущество, я взял в одну руку свечок справедливости, а в другую—свечок милосердия и этими двумя свечками непрерывно освещал путь своей жизни, всегда во всяких делах стараясь быть справедливым и милостивым.

Я выбрал себе четырех министров, справедливых и милостивых; из них главные: Махмудшах Хорасанский и Наср-эд-дин Махмуд-уль Арамыр. Я приказал им всегда следить за моими поступками и останавливать меня всякий раз, когда я буду несправедливым, буду верить словам лжи или буду посягать на чужое добро.

Я слышал: если Аллах посылает великую власть, то оказывает тем самым великую милость; эта милость налагает на владыку обязанность всегда и всюду быть справедливым и милостивым. Когда я сделался великим правителем, я всегда помнил это и старался всегда быть справедливым и милостивым.

*[Тимур размышляет о природе власти
правителя]*

С сильным войском я расположился у Эрзерума; войско заняло всю степь вокруг города. Я смотрел на своих воинов и думал:

„Я—один, сам по себе, кажется, не обладаю особенной силой.

Почему и все эти войны и каждый из них поодиночке

всегда подчиняются моей воле, воле одного человека?

Если я прикажу им что-либо сделать, все немедленно будет сделано, как приказано.

Я принес благодарность Аллаху за то, что он дал мне такую славу среди своих рабов, и спрашивал улемов, которые были при мне, почему такое множество людей, которое окружает меня, беспрекословно подчиняется моей воле.

Улемы объясняли, что моя сила—в силе и воле Аллаха, что меня покрывает его величие; они привели священные слова, что если сам правитель во всех своих делах будет подчиняться справедливости, то и все подвластные ему люди будут в свою очередь подчиняться ему, а враги—трепетать перед ним. Преданность такому правителю со стороны подвластных ему людей легко объяснить их признательностью к его постоянной справедливости.

[Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади]

Когда мне исполнился двадцать один год, я решил отправиться путешествовать. Но я обратился за напутственным благословением к почтенному шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади²³.

Шейх благословил меня на путешествие, препоясал меня поясом²⁴, дал мне шапку²⁵ и вручил коралловое кольцо²⁶ с надписью: „Рости-расти“, что значит:

„Если во всем будешь справедлив,
то всегда встретишь удачу“.

Шейх пожелал мне всякого благополучия и удачи в пути и сказал об откровении, которое ему было относительно меня:

— В мире есть человек, который во всем тебя поддерживает, называет тебя „наибом“²⁷ Посланника Аллаха; теперь ты не можешь увидеть его, но придет время, когда он сам взглянет на тебя взором, полным счастья.

(Далее старый шейх стал рассказывать мне из своей жизни)²⁸

[Паломничество Тимура к „кутбу“]²⁹

Когда мне исполнилось семьдесят пять лет от роду, в 805 году [хиджры], я овладел столицей Рума³⁰ и отправился к шейху Кутб³¹-уль-Арифину³² Садр-эд-дину Ардебильскому. Я хотел послужить какому-либо славному своей праведной жизнью подвижнику и просил шейха найти такое лицо, которому я мог бы служить. Шейх посоветовал мне отправиться в горы Шахлан, где в одном месте я должен был найти скалу и ключ, бивший из скалы попеременно то холодной, то горячей струей. Мне нужно было там, у ключа, терпеливо ожидать „кутба“, которому я должен был послужить; он должен был притти к ключу совершить омовение³³ и молитву.

Я повиновался словам шейха Садр-эд-дина, немедленно отправился в указанное место, нашел ключ и стал ждать прихода „кутба“, которому должен был служить. Рано утром к ключу подошел какой-то человек, совершил омовение

и стал молиться³⁴. Я подошел к этому человеку и, к великому удивлению, узнал в нем своего собственного конюха. Три дня я видел, как этот человек подходил к ключу и совершал там молитву.

На третий день, чтобы избавиться от сомнения, которое меня мучило все эти дни, я решился заговорить с ним:

— Сайид-Али-ата! между своими слугами я считал тебя самым плохим и только теперь узнал, какое высокое положение ты занимаешь; решаюсь просить тебя: объясни мне, каким образом ты достиг высшего и почетнейшего звания?

— В самом начале твоего правления „кутб-уль-актаб“³⁵ велел мне помогать тебе; я исполнил его повеление.

Мы оба затем совершили омовение, а затем Сайид-Али-ата начал молитву, а я последовал его примеру.

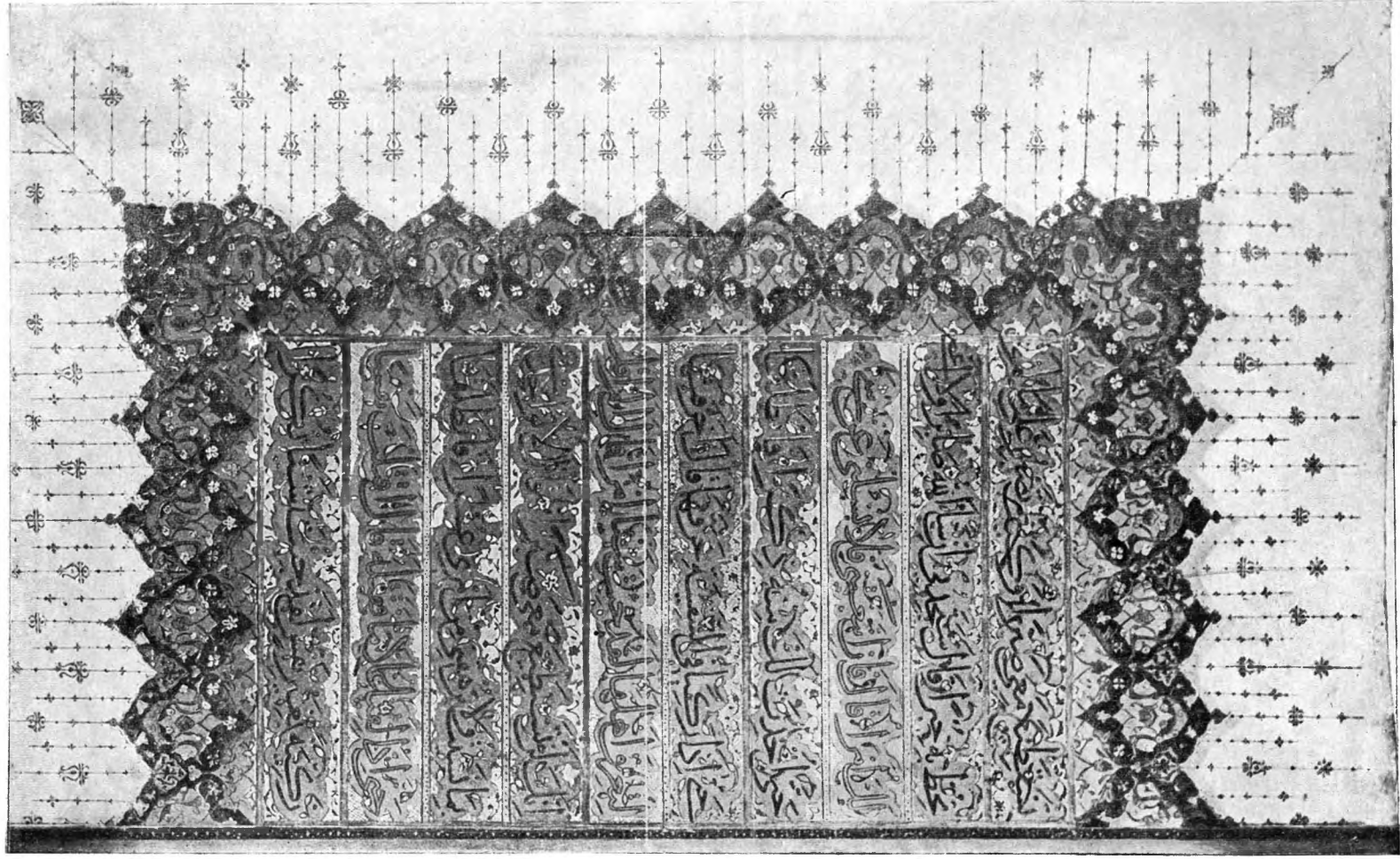
Молитва доставила мне великое наслаждение. После молитвы „кутб“ сказал мне:

— Ты гость Аллаха, и поэтому во имя гостеприимства Аллах исполнит все, о чем ты теперь его попросишь.

Я стал просить утверждения в вере.

Кутб ответил:

— Вера принадлежит Посланнику Аллаха; вера—город, вне которого некоторые говорят: „Нет божества кроме Аллаха“, другие внутри его говорят: „Кроме Аллаха нет божества“; имя этого города „баб-уль-абваб“³⁶, там обитают те, кто произносит слова счастья: „Ля иляга-иль-Алагу, Мухаммед Расуль Улла“ (Нет

Коран. XVIII сура, 67—73 аят
Фотокопия Корана XVI в. б. Королевской библиотеки в Берлине.

божества кроме Аллаха, и Мухаммед—посланник Аллаха).

После этого „кутб“ пачал снова класть поклоны, я последовал его примеру, а когда я поднял голову после поклона, увидел, что „кутб“ уже умер.

В отчаянии я вернулся к шейху [Садр-эд-дину Ардебильскому] и подробно рассказал ему, что случилось со мной во время путешествия. Шейх сказал мне:

— Власть принадлежит только „кутбу“, наместнику Аллаха, который по приказанию „кутб-уль-актаба“ оказывает помощь „великому амиру“; к нему после смерти „кутба“ переходит вся власть. Власть Кайсара³⁷ поддерживал один служитель Аллаха, он исчез, и власть Кайсара перешла к тебе.

Слова почтенного [Кутб-уль-Арифина Садр-эд-дина Ардебильского] навели меня на мысли: „Теперь моя слава и величие достигли высшей степени, но и меня может постигнуть такая же участь; впрочем, я надеялся, что мое место займет какой-нибудь справедливый правитель“.

Чтобы угодить Аллаху, я отпустил на волю четыре тысячи пленных „руми“; кроме того в 806 году [хиджры] я защитил Мавераннехр³⁸ от набегов узбеков³⁹, я прекратил разбои в этой стране.

[Хазрет Убайдулла]

За меня стали молиться во всех мечетях⁴⁰ имамы⁴¹, стоящие на „минбарах“⁴², стали возносить молитвы сайиды, улемы и шейхи. Нашелся

один недовольный отношением ко мне духовных лиц, хазрет⁴³ Убайдулла, который громко высказал:

— Тимур—кровожадный турок, много народа он погубил, как можно молиться за него?!⁴⁴

Вскоре после этих слов Убайдулла видит сон—самого Мухаммеда и меня, стоящего рядом с ним. Убайдулла трижды поклонился Посланнику Аллаха, но тот не обратил на него внимания, совсем не ответил на его поклоны. Убайдулла, огорченный, обратился к Посланнику Аллаха со словами:

— О Посланник Аллаха! я—служитель твоего шариата, а Тимур—кровопийца, истребивший бесчисленное множество людей, и его ты принимаешь, а меня отвергаешь!?

Посланник Аллаха ответил Убайдулле:

— Правда, по воле Тимура погибло и гибнет множество людей, но эту вину он вполне искупил глубоким почитанием сайидов; поэтому народ должен молиться за такого правителя.

После этих слов Посланника Аллаха Убайдулла проснулся; тотчас поспешил ко мне просить прощения за неприятность, которую он причинил мне, не зная, кто я.

Весь народ быстро узнал про это; все убедились, что за меня следует возносить молитвы Аллаху. Подвластные мне люди говорили:

„Да будет на нем милость Аллаха“, поняв, что я пользуюсь особой его милостью. Я убедился, что Посланник Аллаха не отказывает мне в своем направлении и помощи, и стал еще с большим уважением и заботливостью относиться к сайидам (потомкам Посланника).

[Помощь Аллаха Тимуру]

В 800 году хиджры я с четырехсоттысячной конницей двинулся к Эрзеруму. Я двигался по направлению к этому городу и внимательно наблюдал за тем, что делается вокруг пути. Я скоро заметил, что со стороны Ирака приближается к моему войску большая толпа народа. Через час богадуры, охранявшие движение войска, сообщили мне, что со стороны Ирака виден еще отряд арабов; еще через час я получил новые вести: к моему войску прибыл большой отряд бедуинов и сайидов из Кербеллы⁴⁶ и Неджефа⁴⁷; во главе отрядов стоял сайид Паттах, а перед ним несли белое знамя⁴⁸. Я был рад прибытию таких подкреплений и думал: вероятно, эти люди пришли ко мне на помощь по воле Аллаха. Сайид Паттах приблизился ко мне и сказал:

— Мне явился во сне четвертый халиф Али и приказал:

„Доставь белое знамя брату моему Тимуру“.

Жители Неджефа сказали: белое знамя доставлено мне, как помощь при осуществлении моего предприятия, как способ исполнить мое желание овладеть Эрзерумом. Я выслушал, пал ниц и принес благодарность Аллаху; потом я велел записать это событие в „Историю моих подвигов“⁴⁹.

Одновременно улемы, бывшие среди приближенных ко мне людей, нашли в Коране аят, который указывал, что Рум должен пасть в этом же году⁵⁰; в это же время прибыл Инги-Тимур из своего убежища и поздравил меня с победой; я принял слово „победа“ за хорошее предзнаме-

нование и передал ему белое знамя. Он взглянул на белое знамя и начал битву.

Аллах и в другое время постоянно помогал мне; так, когда я собирался походом против столицы Рума, я пожелал узнать наперед, осуществится ли мое намерение. Я отправился на могилу шейха Ясави⁵¹ и просил погадать мне⁵². Через гадание я узнал, что если во время войны мне будет грозить опасность, мне стоит лишь прочитать одно четверостишие, и успех всегда будет мне обеспечен.

[Магическое четверостишие⁵³]

*О могущий ночь темную в день ясный превра-
тить,
А землю всю—в цветник благоухающий;
О могущий все трудное на свете белом сделать
легким,—
Пошли мне помощь в предстоящем трудном
деле: на легкое всю трудность измени.*

Я твердо запомнил четверостишие; во время боя с Кайсаром семьдесят раз прочитал его про-себя и одержал блестящую победу.

[ХАКАН ТУКЛУК ТИМУР, ПОТОМОК ЧИНГИС-ХАНА, ПРИХОДИТ В МАВЕРАННЕХР. ПО СОВЕТУ ШЕЙХА ЗАИН-ЭД-ДИНА АБУ-БЕКРА ТАЙАБАДИ ТИМУР ПОДЧИНЯЕТСЯ ХАКАНУ]

Аллах оказал мне помощь и в 801 году [хиджры]⁵⁴. Потомок Чингиз-хана, хакан Туклук Тимур, двинул много воинов Джете для завоевания Мавераннехра и перешел у Ходжента Сайхун. Амиры Мавераннехра и Хаджи⁵⁵-Барлас сильно испугались, переправились через Джайхун⁵⁶ и искали спасения в бегстве в Хорасан.

Я был в тяжелой нерешимости: последовать ли общему примеру и спастись бегством в Хорасан⁵⁷, или добровольно присоединиться к войску хакана Туклук Тимура?

Только одна дорога могла вывести меня из мучительного положения: совет моего уважаемого духовного руководителя, шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади; я немедленно написал ему письмо и спрашивал, как мне лучше всего поступить по отношению к хакану Туклук Тимуру?

Шейх написал мне в ответ⁵⁸:

„Четвертый халиф Али привел такое изречение:
 „Если небо—лук, а судьба—стрелы, то стрелок—сам Аллах; куда убежишь [от него]?“ „Прибегни к самому себе и присоединись к Туклук Тимуру, потому что он—тень Аллаха“.

Я понял ответ почтенного шейха так, что Аллах велит мне действовать заодно с хаканом Туклук Тимуром и поспешил присоединиться к нему у Ходжента на берегу Сайхуна.

[Тимур подает советы хакану Туклук Тимуру]

Хакан Туклук Тимур был весьма доволен, что я добровольно присоединился к нему, и по воле Аллаха облек меня полным доверием. Он во всяком деле совещался со мною и ни одного своего намерения не осуществил без разговора со мною.

Так, однажды Туклук Тимур дали знать, что его амиры в Кипчакской степи⁵⁹ подняли знамя бунта. Хакан спросил меня, как лучше поступить: самому ли идти на кипчаков и примерно их наказать, или послать одних богадуров. Я подал ему совет⁶⁰:

— Если ты пошлешь кого-нибудь, то будет две опасности;

если пойдешь сам—одна опасность;

умный человек тот, кто предпочитает одну опасность двум.

Другой раз хакан Туклук Тимур просил моего совета по какому-то очень важному делу; я отвечал ему так:

— Твое величие подобно огромному шатру, который раскинут над всем Мавераннехром.

Столбы, которые поддерживают этот шатер,—справедливость; веревки, на которых покоится

крыша,—беспристрастие; колья, которыми укреплена палатка,—правда.

Поддерживай этими тремя качествами твое величие, как колья, столбы и веревки поддерживают шатер;

всякий найдет спасение под сенью шатра, а бегущий прочь погибнет.

Шейхам, улемам и сайидам оказывай высокое уважение;

ко всем людям, тебе подвластным, богатым и бедным, относись справедливо;

хороших людей поощряй дарами, дурных старайся исправить наказанием;

снабжай воинов всем необходимым, а слугам своим плати жалование исправно; пусть твой воин будет убит, но жалование его должно быть уплачено.

Однажды приближенные хакана Туклук Тимура ограбили народ; пострадавшие принесли жалобу самому хакану. Туклук Тимур обратился ко мне за советом, я ответил:

— У турок ум такой же узкий, что и глаза; чтобы добиться от них преданности, необходимо насытить их глаза и сердце.

Туклук Тимур остался очень доволен моим советом.

Вскоре хакан отправился походом на кипчаков, сам предводительствуя своими воинами, а еласть над Мавераннехром на время своей отлучки передал мне; он дал мне грамоту⁶¹, в которой значилось, что хакан Туклук Тимур отдал Мавераннехр брату своему Тимуру. Так было сделано, чтобы избежать притязаний со стороны врагов хакана Туклук Тимура и междоусобий.

Однажды во сне явился мне Посланник Аллаха и сказал:

— Тимур! семьдесят твоих потомков⁶² будут правителями в награду за то, что ты с большим уважением относился к моему потомству [сайидам].

Я запомнил этот сон.

В 862 году [хиджры]⁶³ хакан Туклук Тимур вернулся в Мавераннехр, заранее известив меня о своем прибытии. Я с большим торжеством встретил Туклук Тимура.

[Хакан Туклук Тимур передает власть над Мавераннехром своему сыну, Ильяс-Ходже, а Тимура оставляет главным начальником своих воинов]

По возвращении в Мавераннехр хакан Туклук Тимур, в нарушение данной мне грамоты, передал высшую власть над страной своему сыну Ильяс-Ходже⁶⁴, а меня сделал главным амиром своих воинов. Такое унижение причинило мне большое горе: я был глубоко обижен, что у меня отняли власть и сделали только главным начальником воинов.

Туклук Тимур узнал, что я очень недоволен его распоряжением, он позвал меня к себе и показал мне завещание предка моего, Качулибогадура⁶⁵. На стальной доске⁶⁶ было начертано, что наследование достоинства хана предоставлено потомству Кабыль-хана, а потомству Качулибогадура—наследование высшей власти над всеми воинами. Завещание требовало от представителей того и другого рода поддерживать друг друга

Мечеть Омара
Фотоснимок Vonfils в Бейруте

и никогда не враждовать между собою из-за власти. Я убедился, что назначение меня главным амиром воинов согласно с волею моих предков, и успокоился.

[Ильяс-Ходжа у власти; бесчинства узбеков. Тимур самовольно укрощает узбеков и приобретает глубокую ненависть с их стороны]

Ильяс-Ходжа не обладал качествами, необходимыми для правителя: ни амиры, ни узбеки не слушались его. Однажды жители Мавераннехра пожаловались мне, что узбеки требуют выдать им тысячу девушек. Я сказал об этом Ильяс-Ходже; он запретил узбекам такое насилие, но те не обратили внимания на его распоряжение.

В это же время некоторые из сайидов Персии пожаловались, что узбеки схватили и увели в плен семьдесят сайидов. Эта дерзость вывела меня из терпения: я быстро двинулся в погоню за узбеками и освободил сайидов из плена. Узбеки возненавидели меня; они сделали донос хакану Туклук Тимуру, будто я намерен восстать против него и сделаться самостоятельным правителем. Хакан Туклук Тимур прислал грамоту с приказанием казнить меня за измену, грамота случайно попала в мои руки, я принял все меры, чтобы предохранить себя от совершенно незаслуженной казни.

[Письма шейха Заин-эд-дина Абу-бекра Тайабади Тимуру]

Как раз в это время явился мне во сне Посланник Аллаха и сказал, что в награду за освобождение из плена семидесяти сайидов семь-

десять поколений моих потомков будут правителями. Я проснулся и немедленно написал о своем сне духовному покровителю, шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади.

Старец в скорости прислал мне в ответ ⁶⁷, что мой сон предвещает для меня бесчисленное множество побед в будущем. Шейх рассказал мне про случай с одной женщиной—матерью Сабук-Тагина ⁶⁸; ей было обещано, что ее потомки будут правителями только за то, что она спасла от смерти козу.

„Эта женщина спасла от смерти только козу,— писал мне шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади,—а ты освободил из плена семьдесят сайидов, ты можешь быть вполне уверен, что за такое великое дело тебя в будущем ожидает великая награда“.

Вещий сон исполнился: еще при моей жизни шесть моих сыновей сделались правителями.

Вскоре я получил от почтенного шейха Заин-эдина Абу-Бекра Тайабади еще другое письмо; там он писал, что Аллах поставил меня хранителем своего царства, а Посланник Аллаха вручил мне ключи от него.

Узбеки горели сильной враждой против меня, а от хакана Туклук Тимура пришла вторичная грамота с приказанием убить меня; узбеки порешили убить меня исподтишка и стали ждать удобного случая, чтобы покончить со мной.

Я стал опасаться измены со стороны окружавших меня амиров и под предлогом охоты выехал из Самарканда и укрылся на одном мазаре; я склонил голову на камень и крепко уснул; какая-то птица распростерла надо мной

свои крылья и так прикрыла мою голову, что лучи солнца нисколько не беспокоили меня. Меня разбудил проходивший мимо гуртовщик баранов словами:

— Без бега⁶⁹—ты бег.

Эти слова я принял за хорошее предзнаменование и отважился вернуться в Самарканд.

[„Фетва“ жителей Самарканда Тимуру]

Я получил „фетву“⁷⁰ от знатных людей Самарканда:

„От насилий узбеков мир пришел в расстройство; люди уважаемые оскорблены; имущество правоверных разграблено.

Мы, факиры⁷¹, шейхи, сайиды, решили как один подчиниться тебе, Тимур.

Если приложишь все силы и истребишь узбеков, мы все как один встанем за тебя.

Если же не защитишь нас от узбеков, то в день Страшного Суда⁷² будем обвинять тебя перед Аллахом“.

Я написал о „фетве“ шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади и скоро получил от него ответ: старец приветствовал меня за честь, какую оказали мне сайиды и улемы.

„Эта „фетва“ — решающий довод, — писал шейх,—халифы „правого пути“⁷³ одобряют твоё назначение“.

Я понемногу стал собирать воинов и готовиться к выступлению в поход, чтобы наказать узбеков, но у меня не было друга, которому я мог бы открыть свою тайну; население Самарканда, правда, подчинялось мне, но я не решался поднять открыто знамя восстания. Моя тайна

распространилась среди народа, узбеки узнали о грозившей им опасности и поспешили собраться в одно место.

В это самое время я снова получил письмо от почтенного шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади: он писал мне, что Посланник Аллаха пошлет мне помощь в задуманном мною деле. Это письмо принесло мне громадное успокоение.

В это время хакан Туклук Тимур снова прислал грамоту с приказом казнить меня; поэтому святой амир Куляль дал мне совет—немедленно удалиться в Хорезм.

— Всегда следует отступать перед превосходными силами и удаляться от врага, которого не можешь одолеть; так поступали пророки,—сказал мне амир Куляль.

Я пожелал узнать, что меня ожидает в пути, и загадал по Корану; мне открылся аят:

„Солнце течет к назначенному месту: такова воля Сильного, знающего“. (*Коран*, XXXVI сура, 38 аят.)

Я понял, что путешествие мое обещает быть благополучным, и окончательно решил двинуться в дальний путь-дорогу.

[Четыре правила шейха Заин-эд-дина]

Перед отъездом я написал письмо шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади и в 864 году [хиджры]⁷⁴ с шестьюдесятью всадниками выехал из Самарканда в Хорезм⁷⁵. На пути я получил такой ответ от шейха:

„Тимур, усвой себе четыре качества.

Первое. Всякое путешествие совершай по

примеру Посланника Аллаха, всякое дело начинай по благословению и с помощью Аллаха.

Второе. В своих делах руководись всегда примером пророка Ибрахима⁷⁶, наблюдай, чтобы во время твоего правления в подвластных тебе странах не совершилось прелюбодеяния или других тяжких преступлений.

По своей настойчивости не уступай аисту⁷⁷. Один аист в своем гнезде нашел маленького вороненка. В течение трех дней аист не обращал на вороненка ни малейшего внимания; на четвертый день слетелись четыреста аистов и умертвили хозяина гнезда за то, что нашли у него в гнезде вороненка.

Третье. Всякое дело, по примеру Посланника Аллаха, начинай не иначе, как по совету с другими людьми; были правители, которые всякое дело делали по самоволию, не беря ни у кого совета; но было ли продолжительным величие таких правителей?

Четвертое. Следуй примеру четырех халифов „правого пути“; будь храбр, заботлив и щедр; всякое дело делай с особым вниманием. Следуй примеру птиц, которые с большим вниманием и осторожностью разбивают яйца, из которых выдуваются цыплята“.

[Путь из Самарканда в Хорасан]

Во время пути из Самарканда в Хорасан совершенно неожиданно ночью на меня напала тысяча всадников. Со своими шестьюдесятью богадурями я одолел врагов. Шестьсот человек сложили свои головы в этом кровопролитном бою. Потом у меня было единоборство с Ту-

гуль-богадуром, и я одолел его: богадур раскаялся в том, что боролся со мной.

Я отправился далее в Хорасан, но меня неожиданно захватил в плен хан Али-бег Джаны-Курбаны. Два месяца томился я в кишевшей паразитами темнице. Наконец мне удалось выбрать удобное время и бежать из тюрьмы. Я вооружился мечом, дерзко прошел мимо своих караульных: никто из них из страха не решился преградить мне дорогу. Прямо из темницы, вооруженный мечом, я пошел к хану Али-бегу Джаны-Курбаны. Как раз в это время хан получил письмо от своего брата, Мухаммед-бега Джаны-Курбаны. Он писал, что в случае, если Тимур посетит страну, подвластную Али-бегу, следует принять его с надлежащим почетом и уважением. Али-бег Джаны-Курбаны прочитал письмо, увидел меня перед собой и просил меня простить за то, что, не зная, кто я, так жестоко обошелся со мной.

[ВСТРЕЧА ТИМУРА С ЗВЕЗДОЧЕТОМ] 78

Пришлось мне однажды встретиться с звездочетом; он справился с положением звезд и решил, что моя жизненная судьба находится под влиянием звезды Джадда⁷⁹. Это говорит о совершенстве, долгой жизни, славе и могуществе,—сказал мне звездочет.

— Когда твоя судьба станет в зависимость от положения звезды Зухаль, ты превзойдешь остальных правителей и одолеешь всех своих врагов. Когда солнце достигнет своего четвертого дома—созвездия Овна⁸⁰—ты овладеешь престолом великого хана, придашь блеск своему царству и доставишь победу вере Посланника Аллаха. Когда звезда Муштари придет в пятый дом⁸¹, потомство твое умножится, слава правления твоего потомства будет жить во всем мире. Звезда Муштари покровительствует соблюдающим шариат. Если твои потомки будут руководиться в своих делах правилами шариата, их величие будет расти; если, наоборот, они будут действовать против шариата,—величие их быстро рассеется.

[Сон амира Тарагая, отца Тимура]

В молодости я слышал от своего отца, амира Тарагая, рассказ об удивительном сне, который ему привиделся.

— Однажды я увидел во сне, что ко мне подошел красивый молодой человек, похожий лицом на араба, и вручил мне меч⁸²; я взял меч в руки и стал размахивать им по воздуху; блеск стального клинка осветил весь мир.

Я просил амира Куляля объяснить этот сон. Амир Куляль сказал мне, что сон этот пророческий, что Аллах пошлет мне сына, которому суждено овладеть всем миром, обратить всех в ислам, освободить землю от мрака новшеств и заблуждений.

Сон, действительно, исполнился: в 733 году [хиджры] Аллах дал мне тебя, сын мой. Как только ты появился на свет, я отнес тебя к шейху Шамс-эд-дину.

Когда я пришел, шейх читал Коран и остановился на следующих словах: „Ужели не опасаетесь, что тот, кто на небе, может велеть земле поглотить вас; она уже колеблется“. (*Коран, XVII сура, 16 аят.*)

Так как в этом аяте Корана встречается слово „Тамурру“⁸³, то мы и нарекли тебе имя Тимур.

Я выслушал рассказ своего отца Тарагая, как, при каких обстоятельствах мне дано было имя, узнал, что это имя заимствовано из Корана, принес хвалу Аллаху и прочитал суру Корана, озаглавленную „Табарак“.

[Пророчества об овладении Тимуром миром]

Однажды я видел во сне, будто я закинул невод в большую реку; невод охватил всю реку, и я посредством него вытащил на берег одновременно всех рыб и животных, населяющих воды. Толкователи объяснили этот сон, как предвестник великого и славного моего царствования, настолько славного, что все народы мира подчинятся мне.

По совету шейха Камаля, я отправился к сайиду Кулялю; сайид при встрече принес мне поздравление с вступлением на престол великого хана, который я должен передать своему потомству. После таких слов уважаемого сайида Куляля я пришел в великую радость и стал стремиться к тому, чтобы овладеть всем миром.

[Сверхъестественные удачи Тимура]

Однажды я встретился с военачальником страны Джете⁸⁴, амиром Сайид-Байгубаром. Этот амир с шестью тысячами всадников напал на меня на берегу реки Балх⁸⁵. У меня в это время было всего-на-всего около тысячи всадников. У моего противника было так много войска, что все мои воины, как только увидели его, упали духом—как я заметил. Но удивительное счастье выручило меня: амиры Джагуй-Барлас⁸⁶, Ингу-Тимур, Муса и Сулейман неожиданно прислали мне в помощь еще тысячу всадников. При такой поддержке мне удалось на-голову разбить войска амира Сайид-Байгубара.

Ильяс-Ходжа, сын хакана Туклук Тимура с тридцатью тысячами всадников перешел камен-

ный мост⁸⁷ и разбил шатер. У меня было в это время всего-навсего только шесть тысяч всадников, да и те пришли в уныние: на стороне врагов был громадный, пятикратный перевес в силах. Удивительное счастье опять повезло мне: как раз в это самое время пришел отряд от хорасанских сайидов, которые жили в Термезе; отряд поспешно присоединился к моим воинам. Хорасанцы сумели поднять дух моих воинов; они сейчас же освободились от гнетущего страха перед виатеро сильнейшим неприятелем.

Я вступил в бой с Ильяс-Ходжой и одержал над ним решительную победу. Еще перед сражением, когда я расположился в виду войск Ильяса-Ходжи и приготовился вступить в бой, пришло время „намаза“, и я стал на молитву. Когда я сделал поклон до земли, то услышал чей-то голос, сказавший: „Тимур, тебе дарована победа!“

Я поднял голову, осмотрелся: подле меня никого не было. Я понял тогда, что слышал голос из „мира тайн“, и принес Аллаху благодарность за помощь свыше.

Я пошел походом на Персию. Совершенно неожиданно шах Мансур с пятью тысячами всадников напал на меня. Я велел поскорее собрать воинов, вооруженных пиками, чтобы отразить натиск врага; таких воинов, к моему великому горю, совершенно не оказалось. Кю мне явилась помощь, откуда я и ждать не мог: всадник, похожий лицом на араба, вооруженный пикой, прискакал с криком:

— Алла, дай победу Тимуру!

Шах Мансур, перепуганный криком незнакомца, без чувств свалился с коня; его поднял на

своего коня и увез шах Рух⁸⁸. Всадник, который так неожиданно явился мне на помощь, исчез неведомо куда.

Я овладел столицей Персии; я потребовал от амира Хусайна сдачи крепостей Шадман, Балха и Бадакшан. Одновременно досточтимый шейх Заин-эд-дин Абу Бекр Тайабади прислал мне письмо; он писал, что ключи Хорасана тоже вручены мне. Такая радость внушила мне прочную уверенность, что мое предприятие—овладеть Персией—кончится полной удачей⁸⁹.

[Хызр оказывает помощь Тимуру]

В 837 году [хиджры]⁹⁰ я перешел Джайхун и овладел Гнас-эд-дином и Кентом, а также всеми драгоценностями и добром, какие там были. Как сообщил мне сайид Мухаммед-Гисудараз, амир Сайид-Али велел передать мне, что сам Хызр окажет мне помощь.

Когда Хызр⁹¹ являлся в Самарканде, мне суждено было увидеть его чудеса; он сказал мне несколько неприятных слов⁹²; мне невыразимо горько было их слышать. Уезжая из Самарканды, я был в сильном смущении, что своей обидой на слова Хызра я огорчил его самого.

Но теперь, когда пришла весть от амира Сайид-Али, я успокоился; я понял, что Хызра никогда не мог оскорбить обыкновенный смертный вроде меня.

[Тимур распространяет ислам]

Я разрушал до основания капища⁹³, где местные жители поклонялись своим идолам, и рас-

пространял веру Посланника Аллаха (ислам). Самое большое капище было у Тугуль-богадура. Когда я решил разрушить капище, ко мне обратились брамины, принесли в дар много золота⁹⁴ и просили пощадить их святилище. Я не обратил внимания на просьбы и приказал прогнать их. В капище было много идолов и рядом—статуя человека. Я приказал разбить эту статую, но один из браминов упорно просил меня оставить в неприкосновенности статую очень чтимого язычниками великого чудотворца. Брамин говорил, что этот чудотворец имел такую силу, что в одну ночь мог иметь совокупление с тысячью шестьюстами женщинами. Я ответил брамину, что шейтан⁹⁵ еще сильнее их чудотворца, потому что он может в одну ночь совокупиться с бесчисленным количеством женщин.

[ВЕЩИЕ СНЫ ТИМУРА]

При начале всякого дела я неизменно вверял себя воле Аллаха и не справлялся, соответствует ли данный момент началу задуманного мною дела. Однако звездочеты находили всякий раз, что всякое свое дело я предпринимал как раз в такое время, какое соответствовало данному делу по расположению звезд.

Исход всякого трудного дела, какое только я ни предпринимал, мне был заранее известен: я узнавал грядущее по сновидениям.

Так, когда хакан Туклук Тимур впервые пришел в Мавераннехр, я увидел во сне, будто ко мне подлетела птица шагин и уселась мне на руку: в это время подошло много коров, и я их подоил. Мне объяснили, что этот сон предвещает мне счастье: птица, усевшаяся мне на руку, означает могущество, а множество коров предвещали многие выгоды для меня. И действительно, сон мой сбылся: я присоединился к хакану Туклук Тимуру и получил от него много милостей.

Амир Хусайн, внук амира Казгана⁹⁶, из Кабула пришел отобрать земли, принадлежавшие

его отцу. В свое время я оказал ему большую помощь; он тем не менее решил убить меня, хотя его сестра была моей женой (то-есть мы были родственниками); чтобы примирить его с собой, я сделал его наместником Балха; вышло иначе, чем я предполагал: он не только не перестал враждовать со мной, а наоборот, почувствовал свою силу и задумал воевать со мной. Я тоже стал готовиться к борьбе с амиром Хусайном. Во время приготовлений я видел сон, будто амир Хусайн на серебряном блюде принес мне меч, а его клинок был весь сплошь облеплен мухами. Этот сон истолковали так, что мне обещана помощь имама Хусайна, потомка Посланника Аллаха. По смыслу сна, величие амира Хусайна должно было перейти ко мне, а его самого мне суждено было убить. Все сбылось со временем. Я выразил благодарность за помощь мне потомку Посланника Аллаха паломничеством на священную могилу имама Рузи.

Однажды во время бегства из Самарканда я увидел себя во сне плачущим; черный ворон сел мне на плечо, и рой мух со всех сторон слетался ко мне. Я отогнал мух и проснулся в самом дурном расположении духа. В это самое время Тугуль-богадур напал на меня с тысячько всадников. Я понял, что мой плач во сне и черный ворон означали предстоящее мне горе, а множество слетевшихся мух—войско Тугуль-богадура, которое мне суждено было победить. Сон сбылся: вскоре я вступил в бой с войсками Тугуль-богадура и разбил их на-голову.

Когда я отправился в Балх, мне приснился сон, будто мне поднесли несколько сосудов для

вина, а я их разбивал, ударяя одним сосудом по остальным. Меч свой я увидел иззубренным и счел это за дурное предзнаменование. Шах Персии Мансур напал на меня с пятью тысячами всадников; я одержал над ним полную победу и рассеял всех его воинов; остатки бежали в страну кипчаков.

Однажды Тохтамыш-хан⁹⁷, позабыв мою дружбу, все услуги, какие я ему оказал в разное время, с громадным войском пришел воевать со мной. Я пытался усостыжить его, написал письмо, где просил оставить зло на меня, вспомнить все хорошее, что я ему когда-то делал, и грозил жестокой мстостью за неблагодарность. Мне приснилось в это время, будто луч солнца с востока упал мне на голову, а потом как бы потух и исчез. Толкователи снов объяснили мне, что луч солнца с востока и его исчезновение означают нашествие Тохтамыш-хана и полное его поражение в борьбе со мной. Так и сбылось.

Когда я двигался в сторону Ирака⁹⁸, мне приснился сон, будто ко мне пришло множество львов и скорпионов. Через день амиры этой страны явились ко мне с изъявлением покорности, и я овладел всем Ираком.

Собираясь в поход в Индустан⁹⁹, вижу себя во сне в роскошном саду, полном деревьев, обремененных плодами. Птицы в ветвях деревьев свили множество гнезд. Я взял пращу и разорил все эти гнезда. Толкователи объяснили мне, что сон предвещает полную удачу моего похода на Индустан. Сон вполне сбылся: я овладел Индустаном и разорил там множество городов.

Когда я двинулся с войском в Сирию¹⁰⁰, против меня соединились войска Сирии, Египта и Турции. Казалось очень трудным воевать против воинов могущественных султанов. Я прочел „салат“ и лег спать. Во сне я увидел, что я восхожу на высокую гору. Над моей головой нависли свинцовые тучи, меня окутала мгла тумана. Однако скоро тучи разразились сильнейшим ливнем, а туман после дождя рассеялся. Толкователи объяснили, что этот сон предвещает мне полную победу над всеми врагами.

— Гора,—объясняли мне,—это столица Сирии—цель твоего похода; тучи и туман—воины твоих врагов, а дождь—это твои воины. Как дождь, выпав, рассеял тучи и туман, так и твои воины, обрушившись на полчища врага, рассеют их.

Этот сон сбылся в точности: мои войска разбили и рассеяли бесчисленные полчища сильнейших врагов.

Однажды, когда у меня было всего-навсего сто тысяч войска, на меня напал Кайсар¹⁰¹, царь Рума, с четырехсоттысячным войском. Я предал себя воле Посланника Аллаха, прочитал „салат“ и лег спать. Мне снилось, будто я нахожусь в пустыне, вокруг меня множество народа, а вдали виднеется свет. Я поспешил по направлению к свету. По дороге я увидел три кучки золы и поехал дальше; скоро я догнал пять человек, которые шли впереди меня. Вдруг поднялась сильная буря; один из пятерых людей, шедших по дороге, объяснил мне, что означает эта буря: это Посланник Аллаха восходил на небо. Я подошел и, к великому сча-

Индусский сказочный ландшафт
Миниатюра к Харири. Парижская рукопись

стью, мог поклониться Посланнику Аллаха. У одного из пятерых, встреченных по дороге, был в руках „батик“¹⁰²; по повелению Мухаммеда я вынул его из рук встреченного человека, одного из пяти, и взял себе. Проснулся я радостный, что видел во сне самого Посланника Аллаха и получил от него такие знаки внимания. В тот же день рано утром я вступил в бой с Кайсаром, схватил белое знамя, привел в полный беспорядок и разогнал все его войско.

Во время сражения я очень устал и почувствовал себя крайне нездоровым. Мысли о смерти пришли мне в голову; забота отягощала мое сердце, что будет с моим царством в случае моей смерти, кого из моих сыновей следует назначить преемником. Посланник Аллаха успокоил меня, открыв, что семьдесят поколений моих потомков будут правителями. Я увидел сон, будто нахожусь под деревом, которое раскинуло надо мной свои развесистые ветви¹⁰³ и защищало меня от солнечных лучей; в чаще ветвей шумели различные птицы и насекомые; все они ели плоды тенистого дерева, под сенью которого я отдыхал; я сам попробовал плодов: одни из них оказались сладкими, другие—кислыми. Во сне я услышал таинственный голос, что дерево, которое я видел,—это мое потомство. Когда я проснулся, толкователи объяснили мой сон таким образом:

— Дерево—это ты, ветви с листьями—твое потомство, а птицы и насекомые, евшие плоды с дерева,—подвластные тебе народы, которые получают от тебя щедрые и обильные блага.

Однажды, озабоченный своими делами, я за-

снул и вижу во сне, будто меня со всех сторон окружают ужасные фигуры „джиннов“¹⁰⁴, свиней, безобразных мужчин и отвратительных женщин, диких зверей и птиц. Я проснулся в ужасе и немедленно написал письмо моему духовному руководителю, шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади. Скоро я получил от шейха ответ:

„Ужасные фигуры, которые ты видел во сне,— это твои нехорошие дела; тебе нужно покаяться во всем зле, какое только ты учинил“.

Я немедленно исполнил совет почтенного старца, и скоро мне приснился сон, совершенно непохожий на виденный раньше ужасный. На этот раз я увидел, будто отдыхаю в роскошном саду¹⁰⁵; там всевозможные великолепные цветы, различные фруктовые деревья, посреди сада протекают большие реки, мой слух ласкают нежные звуки музыки.

Я снова написал письмо уважаемому шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади. Скоро пришел и ответ от шейха: он писал, что видел очень хороший сон, что мое раскаяние¹⁰⁶ принял Аллах и простил мне все нехорошие дела.

„Посланник Аллаха сказал, что к каждому человеку приставлен „джинн“ (гений), который наблюдает за его поступками, подстрекает его к дурным делам; раскаянием в злых делах ты одолел своего „джинна“; всякому правверному следует раскаянием и делами добрыми с помощью Аллаха преодолевать силу своего „джинна“.

Когда я собирался в поход из Самарканда в Китай¹⁰⁷, мне приснилось, будто я с ветвей

большого дерева слез на землю; на голове у меня была чашка с водой, которая при этом упала и разлилась; в это время мой отец, амир Тарагай, взял у меня из рук лошадь и повел меня в сад; там он меня оставил, а сам исчез неведомо куда. Толкователи дали объяснение привидевшемуся мне сну, но я не поверил им и положился всецело на волю Аллаха.

В это же время я видел и другой сон: будто я заблудился в пустыне, где были дикие звери; я прошел пустыню и попал в сад: там было множество разнообразных плодов и музыкальные инструменты; в саду же находился громадный трон; около трона стояла высокая башня, а на вершине башни сидели какие-то люди; пред каждым из них лежала книга, и они что-то вписывали перьями в эти книги¹⁰⁸. Я спросил у них, что они пишут, и получил в ответ, что их дело вести запись тому, что должно случиться в жизни с каждым человеком. Я заинтересовался и стал их расспрашивать, кто записывает события моей грядущей жизни, но тут внезапно проснулся, сильно встревоженный сновидением.

Когда я овладел Персией, жители Шираза¹⁰⁹ при содействии шаха Мансура убили поставленного там моего наместника. Я приказал тогда истребить всех жителей Шираза. Ко мне пришел сайид Джамиль-уль-Кадыр и просил помиловать ширазцев; я не обратил внимания на заступничество сайида.

В следующую уже ночь я увидал во сне Посланника Аллаха, который сурово сказал мне:

— Тимур! ты не уважил просьбы моего потомка и не помиловал населения Шираза, а разве ты сам не нуждаешься в моем ходатайстве?

Я проснулся в страхе, что навлек на себя гнев Посланника Аллаха.

Я сейчас же отправился к сайиду Джамиль-уль-Кадыру и просил простить меня за то, что я не исполнил его просьбы. Я не только помиловал жителей Шираза, но и послал им богатые подарки, а Махмуду-Ходже пожаловал страну Мегриджан. Я теперь хорошо понял, что следует беспрекословно исполнять все, что скажут сайиды, оказывать всевозможное почтение всем потомкам Посланника Аллаха, в моем сердце укрепились пламенная любовь к потомству Посланника Аллаха.

Обо всем, что случилось, и виденном сие я немедленно написал письмо почтенному шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади и скоро получил от него ответ следующего содержания:

„Пусть Аллах пошлет тебе все, что ты ни попросишь.

Внуши своим детям, что милость Посланника Аллаха необходима каждому человеку, от самого великого до самого презренного.

Любовь и почтение к сайидам—залог спасения в этом и будущем мире. Всякий раз, когда становишься на пятикратную молитву, воздай прежде благословение сайидам, чтобы твой „намаз“ был угоден Аллаху.

Если ты будешь исполнять все это, ты можешь надеяться на награду в будущей жизни.

Оказывай больше внимания и почтения потомкам Посланника Аллаха“.

[Вещий сон амира Тарагай, отца Тилура]

Отец мой, амир Тарагай, рассказывал мне, что еще до моего рождения он видел однажды во сне, будто ему вручили меч, блеском которого озарился весь мир; из рук его поднялись пары, обратившиеся в воздухе в капли, которые и упали на землю дождем. Толкователи объяснили моему отцу его сон так, что его потомки будут правителями, что между остальными детьми у него родится сын, который силою оружия подчинит себе весь мир; все народы мира будут ему подвластны. Сон сбылся: вслед за этим сном родился я.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ СЕМЬ ЛЕТ ¹¹⁰

Меня отдали в школу, где вручили табличку слогов, я скоро выучился читать и радовался своим успехам.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ ¹¹⁰

Я научился пятикратной молитве, стал старшим учеником во всей школе¹¹¹. Во всех общественных собраниях, где мне случалось бывать, я старался занять место поблизости к улемам¹¹², при этом я всегда сидел, поставив колена на землю, я всегда старался держать себя так почтительно перед старшими.

На улице я играл с детьми; моей любимой игрой была война; я делил своих сверстников¹¹³ на две части и устраивал примерные сражения между ними, себя самого я всегда провозглашал амиром и руководил военными действиями.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я уже стыдился детских игр и старался проводить время среди равных себе юношей.

С семи и до семидесяти лет, всю свою долгую жизнь, я щедро помогал нищим. Одежду, раз надеванную, я уже не надевал другой раз, а отдавал бедным. Когда я достиг величия и славы, я возвеличил и всех товарищей моего детства. Ежедневно я приказывал заколоть одного барана для бедных: тушу разрезали на семь¹¹⁴ частей и раздавали мясо тому, кто особенно нуждался.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я любил одного мальчика, у которого был другой товарищ, по имени Муллача, с очень дурными наклонностями. Этот Муллача однажды сказал мальчику, с которым я был дружен:

— Я у тебя прошу ласки.

Мальчик ответил:

— Проси у меня поцелуя.

Муллача ответил:

— Что мне пользы от твоего поцелуя?

После этого случая я избегал быть в обществе таких дурных товарищей.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я очень полюбил охоту верхом и скоро достиг блестящих успехов в искусстве верховой езды.

Однажды я отдыхал на берегу реки. К реке подошел какой-то турок с чрезседельником в руках. Вскоре к тому же месту пришла неизвестная женщина, повидимому, почерпнуть воды. Турок, увидав женщину, бросился на нее, желая изнасиловать. На крики женщины в помощь ей прибежал ее родственник и хотел защитить от турка, но тот оказался всех сильнее: он связал прибежавшего защитника чрезседельником, потом женщину поясом и на глазах у меня совершил совокупление с женщиной. Я смеялся всему, что видел, но одновременно твердо решил уничтожить во всем мире таких преступников ¹¹⁵.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Мой отец, амир Тарагай, привел меня в мечеть и объявил, что звание амира воинов переходит ко мне по наследству от моих предков. Но я уже в этом возрасте узнал, что мир подобен золотому сундуку, наполненному змеями и скорпионами; поэтому я стал презирать золото и величие и остался жить в мечети ¹¹⁶.

[Четыре наставления амира Тарагая своему сыну Тимуру ¹¹⁷]

Однажды мой отец, амир Тарагай, сказал мне:

Выслушай и запомни наставления, какие я тебе сейчас дам.

Первое. Почитай и не забывай своих предков; помни, что

ты, Тимур—сын Тарагая;

Тарагай—сын амира Баргуля;

Баргуль—сын амира Ильнгыза;

Ильнгыз—сын Богадура;

Богадур—сын Анджайль-нойона ¹¹³,

Анджайль-нойон—сын Суюнчи;

Суюнчи—сын Ирдамджи-Барласа;
 Ирдамджи-Барлас—сын Качули-богадура;
 Качули-богадур—сын Тумене-хана;
 Тумене-хан был родственником сына Яфеса;
 Яфес—сын Ноя.

Из наших предков Кара-Джар-нойон первый познал Аллаха, размышляя о мире вместе с подвластными ему людьми: их рассудок убедил в истинности ислама. Он признал Аллаха—царем, Посланника Аллаха—его визирем, потом познал и четырех халифов „правого пути“.

Второе. Завещаю тебе, Тимур, поступай всегда по примеру отцов и дедов, согласно шариату;

потомство Посланника Аллаха почитай и уважай;

к народу, тебе подвластному, относись милостиво и снисходительно.

Третье. Помни, что все мы—рабы Аллаха, высшей рукой заключены в жизнь под этим синим сводом¹¹⁹; поэтому будь доволен всем дарованным тебе от Аллаха; будь ему благодарен за все его милости к тебе, повторяй непрерывно имя Аллахово, исповедывай его единство, будь послушен его велениям и не делай того, что запрещено.

Четвертое. Не рви родственных уз, никому не делай зла.

Щедро награждай всех, кто служит тебе; выработай беспристрастие в своем характере.

Обращайся снисходительно с каждым созданием.

Я выслушал мудрые наставления моего отца и твердо решил всегда исполнять их в жизни.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Мой отец, амир Тарагай, ушел в частную жизнь. Я собрал весь его скот¹²⁰ и все его добро, поставил отдельно каждую сотню баранов и отделил самцов от самок для приплода. На каждый десяток рабов, принадлежавших отцу, одного я поставил старшим.

*[Святой амир Куляль пророчествует
о Тимуре¹²¹]*

Я отправился к амиру Кулялю. Придя к нему, я сел среди уважаемых людей, которые были у святого амира. Амир Куляль сейчас же обратил на меня внимания и сказал всем, кто сидел подле него, что с виду я кажусь человеком бедным и низкого звания, но в действительности, я—очень важный человек. Амир наклонил голову и несколько времени сидел молча; перед ним лежали лепешки и халва. Он поднял голову, передал мне семь лепешек и часть халвы и сказал:

— Съешь эти семь хлебов, и ты будешь владыкой семи частей мира, ты будешь владеть всем миром.

Я удивился этим словам; пришли в изумление и все сидевшие вокруг.

Семь хлебов, полученных от амира Куляля, я отослал своему отцу, амиру Тарагаю, но он вернул их мне обратно; он сказал, что амир Куляль—святой, что непременно сбудется все, что он предсказал.

Я спрятал хлебы: это было для меня началом благословения Аллаха.

Однажды отец мой, амир Тарагай, отправился к амиру Кулялю, тот сказал ему:

— Поздравляю тебя с тем, что Аллах даровал тебе такого сына, как твой Тимур.

Он дал моему отцу немного пшеницы и изюма и велел ему сосчитать все зерна и ягоды. Отец насчитал всего-навсего триста семьдесят штук. Амир сказал моему отцу:

— Вот из этого числа можно узнать о численности твоего потомства.

Я опять спрятал у себя зерна, какие святой амир Куляль дал моему отцу; богатство мое все возрастало.

Я рассказал своей матери обо всем, что случилось. Мать воздала благодарность Аллаху и сама отправилась к амиру Кулялю. Тот сказал ей:

— Женщина! сын твой будет владыкою всего мира, триста семьдесят потомков будут могущественны, семьдесят потомков будут правителями.

В его потомстве может быть и больше правителей, если только он будет строго следовать шариату Посланника Аллаха и не оскорблять его чистого духа.

— Мать по возвращении рассказала мне все, что слышала от святого амира Куляля, и я твердо решил всегда, во всех случаях жизни, строго следовать всем велениям шариата.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я возмужал, стал силен и пристрастился к охоте¹²².

*[Чудесное спасение Тимура на охоте
за козами¹²³]*

Однажды охотясь я гнался верхом за козой. Мне встретился на пути овраг шириной в пять аршин и глубиной в четыре аршина. Я не в силах был сдержать коня, а тот наярив все силы и перепрыгнул овраг, но достал до противоположного берега лишь передними ногами, а задние повисли над пропастью. Я быстро вскарабкался на берег, а конь упал в овраг. Спутники поблагодарили Аллаха за чудесное спасение моей жизни. Никто из них не мог перескочить разделявший нас овраг; мне пришлось пешком перебраться на тот берег, где оставались мои спутники, и там уже сесть на другого коня.

Мы поехали дальше, но скоро пошел сильный дождь, превратившийся затем в хлопья снега, поднялась снежная буря. Мы потеряли надежду

Злые духи (джинны) угрожают путешественнику
*Миниатюра одной персидской денежной шкатулки. Оригинал в этнографическом музее
в Амстердаме*

благополучно вернуться домой и стали готовиться к смерти.

Однако скоро мы заметили вдали какие-то черные предметы. Мои спутники думали, что это чернеют холмы, но я ударил коня и быстро проскакал расстояние верст в восемь, отделявшее нас от далеких пятен. Приблизившись, я увидел свет и различил в темноте юрту, сплетенную из камыша, куда и укрылся от вьюги.

После, когда я стал амиром, я в благодарность за спасение моей жизни освободил хозяина юрты со всем его родом от уплаты дани и щедро наградил его за гостеприимство в такую трудную для меня минуту.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я сильно заболел. Меня лечили всякими средствами, но ничего не помогало: семь суток я не ел, не пил и лежал весь в жару; в это время окружавшие меня открыли у меня рану на руке между пальцами. Все плакали, думая, что я скоро умру, плакал и я сам; но скоро у меня появился аппетит, и я стал выздоравливать.

[Явление Тимуру сайида с длинными волосами]

Однажды, когда я в комнате отца моего, амира Тарагая, сидел за чтением суры Корана „Табарак“, предо мной неожиданно явился сайид с длинными волосами и сказал мне, что я буду великим владыкой. Я тотчас рассказал отцу о том, что видел.

Отец спросил у звездочетов, какая судьба ожидает меня; те предсказали, что я буду таким могучим владыкой, равного которому не было и не будет во всем мире. Я был рад, что мне предстоит такая великая будущность, и роздал нищим щедрую милостыню.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Я полюбил верховую езду; часто я устраивал воинские игры между своими сверстниками: делил их на два отряда и устраивал примерные сражения между ними.

[Рассказ амира Тарагая, отца Тилура, о предках]

Однажды отец мой, амир Тарагай, рассказал мне историю наших предков¹²⁴.

— Предок наш Абуль-Турк, сын Яфеса, внук Ноя, был главным ханом у турок. Пятый сын его Улиджи-хан был тоже ханом; у него одновременно родились два сына, близнецы. Одного из них называли Татар, а другого Могол. Оба они стали ханами, но гордость увлекла их с пути ислама в долину неверных.

От Татара произошло восемь сыновей, а от Могола—девять, которые и стали родоначальниками отдельных племен. Потомки Татара, восемь родов, и потомки Могола, девять родов, в степях Турана вели между собою ожесточенные войны до тех пор, пока ханом не стал Тумене, который был правоверным.

У него родились два сына, близнецы: Качули-

богадур и Кабыль-хан. Качули-богадур в детстве видел сон, что из потомства Кабыль-хана ярко засветила звезда, подобно солнцу взошла на небо и озарила весь мир своим блеском. Качули-богадур тогда же рассказал своему отцу, Тумене-хану, виденный сон; толкователи объяснили сон следующим образом: в третьем поколении потомства Кабыль-хана должен родиться великий завоеватель, который овладеет всем миром— „аламгир“.

Братья устроили пышное торжество¹²⁵; во время него они заключили условие, чтобы потомки обоих братьев вечно жили в мире между собой. Власть решили поделить так: потомки Кабыль-хана должны быть правителями, а потомки Качули-богадура занимать по наследству должность главы амиров. Этот договор вырезали на стальной плите и заперли в хранилище казны.

У Камсагу-богадура, сына Бурхан-богадура, внука Кабыль-хана родился сын; правнук Кабыль-хана появился на свет с окровавленными руками. Назвали его Темучин-ханом¹²⁶. После долгих подвигов Темучин-хан, сорока лет от роду, сделался правителем всего Турана. К Темучин-хану явился юродивый и сказал, что он получил от Аллаха откровение о будущей судьбе Темучина:

— Аллах открыл мне, что он весь мир отдал во власть Темучин-хана, поэтому я даю тебе имя Чингис-хан, что значит „хан ханов“.

Чингис-хан принялся за завоевания, овладел многими городами и землями и умертвил великое множество людей.

Своим наместником в Мавераннехр Чингисхан назначил своего сына Джагатай-хана, а начальником воинов — моего предка, Кара-Джарнойона¹²⁷;

Кара-Джарнойон был сын Суюнчи;

Суюнчи был сын Барласа;

Барлас был сын Качули-богадура.

Чингисхан достал из хранилища казны договор, начертанный на стальной доске, и отдал его Кара-Джарнойону, дал ему в жены дочь Джагатай-хана¹²⁸ и назвал его своим братом. Джагатай-хан назвал своего сына Инджильнойоном.

Кара-Джарнойон¹²⁹ не был правоверным, а глубоко ошибаясь, верил, что каждому человеку присуще особое божество — избавь нас, Аллах, от такого заблуждения! — но он всякого расспрашивал о божественных делах.

Однажды он разговаривал с одним ученым сайидом; тот сказал ему, что Аллах — один и вечен, и привел этому ряд доказательств. Кара-Джарнойон задумался над этими словами, просветился верой и произнес слова веры: „Дяппляга-иль-Алагу, Мухаммед Расуль Улла“ [„Нет божества кроме Аллаха и Мухаммед — посланник его“], признал Аллаха, Посланника Аллаха, халифов „правого пути“ и спутников Посланника Аллаха, стал всегда следовать велениям шариата и заботился об обращении своего народа в ислам.

Среди его народа произошли большие волнения; амир Баргуль, начальник всех воинов, не мог справиться с воинами, охранить спокойствие правителя; он добровольно отказался от

своей власти и подчинился Барласу. Барлас, щедрый по характеру, осыпал милостями подвластных ему людей. По смерти Барласа я (отец Тимура, амир Тарагай) получил его власть.

В это время пришел из Персии в Мавераннехр один звездочет и в присутствии улемов предсказал на основании положения планет, что в 730 году [хиджры]¹³⁰ родится младенец, которому предстоит в жизни совершить великие завоевания и возвеличить ислам. Когда я услышал это предсказание, то обратился к собравшимся улемам с просьбой молиться Аллаху, чтобы тот послал мне сына для возвеличения Джагатайского улуса. Потом родился ты, сын мой.

Когда я услышал из уст отца, амира Тарагая, рассказ о предсказании, я понял, что мне предстоит быть великим владыкой, я стал замечать в своем характере черты величия, я щедро награждал сайидов, улемов и шейхов, чтобы они молились Аллаху об утверждении моего величия.

[Чудо у амира Куляля]

Однажды я отправился к амиру Кулялю и взял с собою двадцать баранов, чтобы принести их в дар святому. Во время дороги меня застиг ужасный ливень, я был вынужден оставить баранов на дороге и один отправился в дальнейший путь. Я пришел к амиру Кулялю через два дня; к своему удивлению, я нашел баранов у дома святого амира Куляля. Я принес благодарность Аллаху за чудо, которое он совершил. Амир Куляль взглянул на меня и сказал:

— Этому турку¹³¹ суждено овладеть всем миром Аллаха.

После этих слов Куляль стал на молитву, а после молитвы вновь уверял меня, что я буду могущественным владыкою, и просил меня все силы посвятить распространению в мире ислама.

С этой поры я совершенно отказался от игры в шахматы и всяких других развлечений. Подвластным мне людям я старался не причинять горя; всякая неприятность, какую я случайно причинял другому, вызывала у меня душевное страдание; поэтому я всеми силами остерегался доставить кому-либо горе.

МНЕ ИСПОЛНИЛСЯ ДВАДЦАТЬ ОДИН ГОД

Я достиг совершеннолетия и почувствовал себя вполне зрелым мужчиною.

[Устройство хозяйства Тимура]

В этом году, который был кратным семи¹³², у отца моего, амира Тарагая, и у подвластных ему людей все посевы дали богатый урожай; родилось также очень много скота. Я занялся устройством своего хозяйства¹³³: назначил старшего на каждый десяток рабов, каждые двадцать коней соединил в отдельный косяк, а каждые десять косяков поручил отдельному рабу; для присмотра за каждым десятком верблюдов, за каждой тысячей баранов я также приставил отдельного раба, управление всем моим имением я вверил особому рабу, к которому питал наиболее сильное доверие.

[Болезнь Тимура]

После всех хлопот по хозяйству я сильно заболел. Один доктор из Самарканда велел мне пить сок гранат; напившись этого сока, я лишился чувств. Мои родные были страшно огор-

чены моей болезнью и горько плакали. Меня вылечил один туркестанский врач, пустив у меня кровь. Я роздал щедрую милостыню неимущим конями и баранами; я обещал принести в жертву¹³⁴ душе Посланника Аллаха сто верблюдов, сверх того много верблюдов—душам халифов „правого пути“. По милости Аллаха я скоро выздоравел.

[Султан Кран]

В этом году султан Кран-ибн-Саур своим нашествием причинил много бедствий Джагатайскому улусу: все люди, и богатые и бедные, молили Аллаха об его скорой смерти. Я хотел было наказать Крана и стал собирать воинов, но у меня оказалось чересчур мало сторонников, хотя я и был щедр на подарки; пришлось отложить это дело до лучших времен. Глава джагатайских амиров, амир Казган, вступил в бой с Краном в долине Зенги. Совершенно неожиданно для всех справедливый [Казган] был побежден жестоким [Краном], и последний еще больше зла причинил Джагатайскому улусу. К бедствиям населения присоединился еще сильный холод, сильно вздорожали все предметы первой необходимости¹³⁵. Наконец амир Казган еще раз собрал большое войско, разбил наголову жестокого Крана, взял его в плен и щедро одарил людей, пострадавших от жестокостей Крана.

Я желал один быть правителем Мавераннехра, но амир Казган был милостивый и справедливый правитель своего народа, и я удержался от восстания.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

Я решил поднять восстание против амира Казгана¹³⁶ в союзе с Хаджи-Барласом. Я собрал на совет¹³⁷ сорок молодых людей, своих сверстников, которые вместе со мной учились в школе, и сказал им, что собираюсь собрать воинов на гору Арафат.

[Амир Казган приветает Тилура и дает ему в жены свою внучку]

В это время умерла моя мать, и я устроил в память ее большие поминки. Вскоре отец мой, амир Тарагай, стал сватать мне дочь амира Джагуй-Барласа.

Однажды я пришел в место, где амир Казган совещался со своими близкими амирами¹³⁸; тут же был и мой отец; я вступил здесь в беседу с самим амиром Казганом; он милостиво отнесся ко мне и долго со мною ласково разговаривал; совершенно неожиданно для меня он отдал мне в жены свою внучку. Я был поражен такой честью. Амир Казган дал мне много имущества и скота. По своей доброте он не был особенно сильным правителем; мне легко было бы завладеть его улусом, но я не хотел платить злом за добро.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ТРИ ГОДА

*[Тимур на охоте получает предсказание
о своей будущности]*

Однажды на охоте я был застигнут ужасным ливнем и заблудился. В стороне виднелась какая-то гора, я поспешил проскакать пространство, отделявшее меня от нее. По сторонам большой горы стояли юрты из камыша, в одной из них я укрылся от холода. Хозяева юрты, очень приветливые, ласково отнеслись ко мне. Я рассказал им всю мою прошлую жизнь; они попросили меня повторить благословения Посланнику Аллаха¹³⁹; как они думали, этого вполне достаточно, чтобы добиться любой цели¹⁴⁰; они мне сказали дальше:

За завесою будущего тебе готовится помощь, мир! за тебя семейство Посланника Аллаха; наместник его делается твоим помощником и спутником, но кто этот наместник, ты узнаешь только перед самой своей смертью.

Эти слова уничтожили во мне всякое волнение и горе; дух во мне поднялся, я отказался от тайного намерения отправиться в Хорасап и двинулся по направлению к Герату.

[Появление амира Хусайна]

Перед отъездом я получил письмо от амира Хусайна такого содержания:

„Пачальники моих воинов согласились убить меня и передать всю власть амиру Бақыру; надеюсь, ты скоро придешь; после соединения с тобой мне удастся, быть может, вместе с тобой отправиться к амиру Қазгану и добиться от него почестей“.

Нисколько не медля, я выступил с войском в тот же вечер по направлению к Герату. Амир Хусайн вышел с воинами из города и сделал вид, что намерен вступить со мной в бой; я опасаясь коварства с его стороны, но положился на Аллаха и приготовился к бою; тогда он приехал ко мне с большими подарками, и мы встретились с ним на конях.

Потом мы вместе с амиром Хусайном отправились к амиру Қазгану. Тот узнал о нашем приближении и выслал нам навстречу своего сына Абдуллу. Я отправил вперед к амиру Қазгану амира Хусайна с богатыми дарами. Амир Қазган заключил амира Хусайна в свои объятия и сказал ему:— Да будет лицо твое бело!—и пригласил Хусайна жить в его шатре.

Спустя некоторое время воины амира Хусайна взбунтовались и хотели разграбить его казну. Хусайн не был достаточно богат, чтобы как следует одарить бунтовщиков¹⁴¹ и успокоить волнения; бунтовщики увидели, что им нечего получить от амира Хусайна, и порешили убить его самого. К счастью, Хусайн узнал про эти замыслы и просил меня помочь ему; я употребил

большие усилия, чтобы отвести опасность от амира Хусайна и сохранить ему жизнь.

[Волнения в Герате. Тимур и амир Хусайн захватывают Герат]

Однажды мы с амиром Хусайном отправились на охоту; во время охоты к нам присоединился и амир Казган с десятью всадниками из самых своих близких людей. Казган был к нам очень внимателен, очаровал нас своим обращением, как самых своих лучших друзей. Амир Хусайн остановился было на берегу реки, но амир Казган просил его вместе с ним проехать на место, называемое Армуган, где было значительно лучше.

Казган остался на этом месте, а мы с амиром Хусайном попрощались с Казганом и поехали дальше степью без всякой дороги. После долгого пути мы достигли берегов реки Мургаба.

Здесь мы получили неприятные известия из Герата; в наше отсутствие амир Бакыр привлек на свою сторону население Герата и захватил власть в свои руки. Хусайн обратился ко мне за советом, как лучше поступить при таких обстоятельствах. Я высказал мнение: следует нам обоим вместе напасть на Герат; в случае удачи мы достигнем своей цели; в случае неудачи заслужит похвалы по крайней мере наша храбрость.

Амир Хусайн принял мой совет. Я стал гадать по Корану; гадание предвещало удачу нашему предприятию, и мы еще более укрепились в нашем намерении. Амир Хусайн обещал мне, в случае удачи, разделить с ним обладание Хорасаном.

С тремястами лучших своих всадников я направился с ним в Хорасану¹⁴². Мы приблизились к этому городу; городские ворота оказались открытыми настежь.

Такая странность сильно встревожила амира Хусайна: если ворота открыты, значит враг настолько силен и настолько не считается с нами, что не счел даже нужным запереть городские ворота при приближении наших богадуров. Я как мог успокоил амира Хусайна, а потом ударил коня плетью и поскакал к городу, увлекая за собою воинов. Амир Хусайн с воинами проскакал в середину города, а я остался у ворот на тот случай, чтобы, если враг сделает нападение извне, защитить воинов, которые вошли в город.

Между тем амир Хусайн отправился к стану Бақыра, нашел его спящим и в таком виде захватил в плен¹⁴³. Власть над Гератом снова перешла в руки амира Хусайна.

Мне амир Хусайн через гонца прислал приглашение тоже войти в самый город. Воины Бақыра скоро узнали, какая участь постигла их амира, и вздумали было напасть на амира Хусайна; только появление моих богадуров заставило их немедленно подчиниться амиру Хусайну.

Амир Хусайн овладел Гератом с моей помощью, но свое обещание разделить со мною власть над Гератом он и не думал выполнять. Возмущенный такой неблагодарностью,—я тогда не знал еще его характера,—я хотел как следует наказать его: прогнать из города и самому овладеть Гератом.

Мои воины отказались следовать за мною; волей-неволей я был вынужден отказаться от своего умысла; я понял тогда глубокий смысл пословицы, что „один верный спутник дороже тысячи неверных“...

Я расстался с амиром Хусайном и отправился назад к амиру Казгану.

[Заговор против амира Казгана]

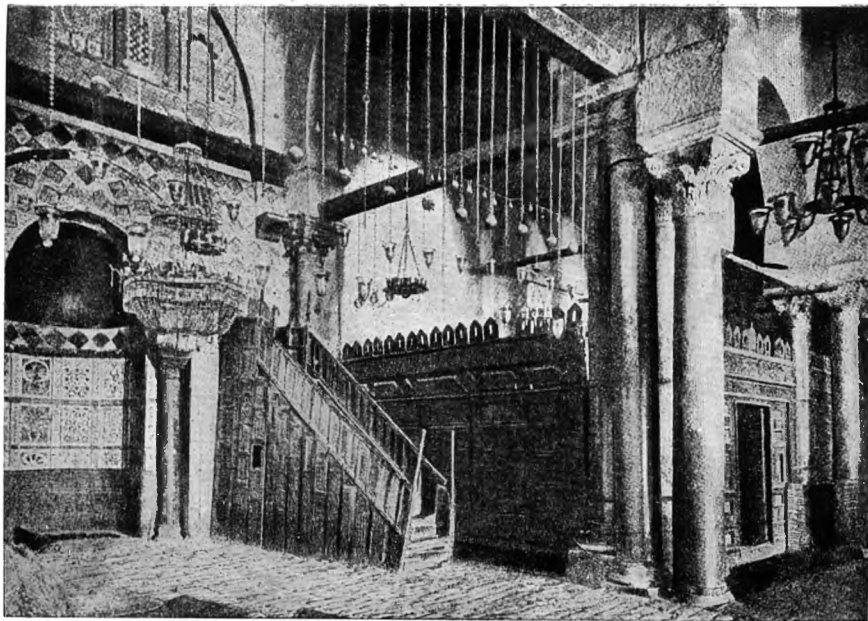
Когда я пришел к амиру Казгану, он очень мне обрадовался. В это время против Казгана возмутились некоторые подвластные ему люди; во главе бунтовщиков стал некий Данышманджа-Углан¹⁴⁴. Я сказал об этом амиру Казгану и посоветовал от имени Данышманджа-Углана разослать во все стороны письма и подарки, а затем наградить тех, кто покорится, и строго наказать бунтовщиков.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА

В 700 году [хиджры] ¹⁴⁵ я стал изучать военное искусство и хотел захватить власть ¹⁴⁶.

Со мной подружались люди, составившие заговор против амира Казгана; они собирались выбрать удобную минуту убить Казгана; они предложили мне присоединиться к ним, войти в соглашение с Данышманджа-Угланом и овладеть властью. Для видимости я согласился с ними, но посоветовал временно обождать с выполнением их замыслов; сам я поспешил предупредить амира Казгана о грозившей ему опасности. Бунтовщики узнали об этом и поспешили послать амиру Казгану письмо, в котором „от чистого сердца“ признавались в злом умысле на его жизнь. Амир Казган, вполне доверяясь мне, милостиво принял заявление бунтовщиков.

Однажды вечером амир Казган позвал меня к себе; у него я застал всех прежних бунтовщиков: все они были в кольчугах ¹⁴⁷ под верхним платьем; я заметил это и тотчас сказал амиру Казгану. Ему стало ясно, что собрались

Внутренность мечети Scidi Оква в Кайраване
По Monuments historiques de la Tunisie

заговорщики на его жизнь; он тотчас поспешил сказать, что нездоров, и отпустил всех гостей. Потом стал просить у меня совета, что делать в таком случае. Я посоветовал разослать богатые дары всем недовольным; амир Казган согласился с моим советом и роздал очень много подарков. Когда заговорщики стали делить между собой дары амира, они все перессорились, согласие расстроилось, и заговор сам собой закончился. Амир был так доволен мною, что пожаловал мне в благодарность за услугу город Шибирганат.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

[Тимур хитростью овладевает Хорезмом]

Амир Казган хотел овладеть Хорезмом и, как очень трудное дело, решил поручить это мне. Я сообразил, что для меня выгоднее всего будет—сначала послать на врага кого-нибудь другого, а самому только завершить это предприятие. Хисрау-Баян-Кули был в это время самым близким человеком к амиру Казгану. Я повел с ним хитрые переговоры, я внушил ему убедить амира Казгана в том, что овладеть Хорезмом—дело вовсе не трудное, что лучше всего этот поход поручить сыну Казгана, Абдулле; он легко войдет в большую славу, если успешно овладеет Хорезмом; иначе, если это дело поручить мне, то вся слава захвата Хорезма достанется одному мне. Хисрау-Баян-Кули сообщил амиру Казгану все, что я ему внушил; амир согласился послать к Хорезму воинов во главе с Абдуллой.

Жители Хорезма укрепили свой город; под защитой укреплений они сделали вылазку из крепости, легко одержали верх над воинами Абдуллы и отогнали их от города. Абдулла дал

знать отцу, амиру Казгану, что потерпел полную неудачу. Амир Казган высказал, что давно думал поручить мне поход к Хорезму именно мне, и приказал мне немедленно выступить в поход. Мое тайное желание было достигнуто.

С большим числом воинов я двинулся к Хорезму на выручку Абдуллы. При моем приближении жители Хорезма поспешно отступили и скрылись за городскими стенами. Я тотчас послал письма к влиятельным людям Хорезма вместе с большими дарами и тайно просил устроить, чтобы жители добровольно сдали мне город. Все вышло так, как я хотел: я без боя занял Хорезм.

Вместе с Абдуллой вернулись мы к амиру Казгану. В качестве награды за успех я был сделан наместником Хорезма, который мне удалось так ловко захватить.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ

Однажды мы с амиром Казганом поехали на охоту в местность Камар. Охота была очень удачная, и мы остались ночевать в этой местности. Амир Туклук Тимур, зять амира Казгана, задумал убить Казгана и захватить его владения. Он составил заговор с несколькими злоумышленниками; вечером, когда мы ночевали в Камаре, он с семью людьми, вооруженными саблями, пришел убить Казгана. Около него, кроме ловчих, в это время никого не было. Я быстро сел на коня и бросился на заговорщиков; тем временем амир Казган, пользуясь темнотою, спрятался за большой камень. На шум собрались остальные охотники. Амир Туклук Тимур, опасаясь мести за заговор против амира Казгана, бежал в горы Мавераннехра.

В благодарность за эту услугу амир Казган пожаловал мне крепость Шадман. Как правитель Хорезма и Шадмана, я собрал много дани и богато одарил своих воинов. Я делал большие подарки своим воинам, но не встречал у них решимости помочь мне стать самостоятельным правителем Мавераннехра.

[Убийство амира Казгана]

В это время какие-то хитрые женщины¹⁴⁸ донесли амиру Казгану, что его дочь, жена амира Туклук Тимура, огорченная бегством своего мужа, лишилась рассудка. Амир Казган поддался на эту хитро задуманную уловку, простил амира Туклук Тимура и написал ему письмо, приглашая вернуться. Я высказал амиру Казгану, что, по моему мнению, не следует верить женщинам, а поступать так, как повелевает шариат.

Посланник Аллаха сказал, что следует советоваться с женщиной, но только для того, чтобы поступать как раз противоположно тому, что посоветует женщина.

Амир Казган согласился со мной, и я отправился навстречу амиру Туклук Тимуру с намерением отомстить ему.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ

Однажды амир Казган позвал меня и сказал, что он недоволен своей женой и думает дать ей развод¹⁴⁹. Однако через несколько дней мысли Казгана совершенно переменились: он раздумал давать развод жене, стал обращаться с ней по-хорошему, вызвал Туклук Тимура и простил его вину. В это самое время Казган отдал Мухаммеду-Ходже Андиджан, которым правил сын его, Абдулла.

Хисрау-Баян-Кули был крайне недоволен таким пожалованием и вошел в дружбу с амиром Туклук Тимуром; Хисрау-Баян-Кули был тестем Абдуллы, сына амира Казгана; он думал получить большое влияние и почет, когда Абдулла сделается ханом; теперь же его мечтам, повидимому, не суждено было сбыться; так вот Хисрау-Баян-Кули сообща с амиром Туклук Тимуром решили во что бы то ни стало покончить с амиром Казганом.

Я немедленно сообщил Казгану, которому был предан, как родной сын, и амир составил для меня грамоту: после смерти он целиком передавал власть над Тураном в мои руки.

Однажды амир Казган с несколькими людьми, безоружный, отправился охотиться за реку Джайхун. Амир Туклук Тимур и Хисрау-Баян-Кули нашли, что здесь им представляется удобный случай покончить с Казганом; они позабыли все хорошее, что им сделал этот удивительно добрый амир, позабыли свои родственные к нему отношения и убили Казгана, невинной кровью обагрили ту землю, где охотились. Когда до меня долетела весть о гнусном злодеянии, я впал в глубокую печаль, взял тело убитого амира Казгана и с почестями похоронил его на берегу реки Джайхун.

[Смерть Абдуллы-Вали-хана]

По смерти Казгана амир Туклук Тимур и Хисрау-Баян-Кули сделали ханом Абдуллу-Вали, которому амир Казган еще при жизни выдал грамоту на ханское достоинство; они сначала его признали, потом коварно убили в окрестностях Самарканда; Абдулла отличался скупостью, а амир Туклук Тимур и Хисрау-Баян-Кули—большой жадностью; вот почему они были страшно недовольны поставленным ими ханом; скоро они низвергли Абдуллу и поставили на его место Тимур-Шах-Углана, сына Ясур-Тимур-хана. Они собрали большое войско, чтобы погубить Абдуллу. Войско Абдуллы было наголову разбито; сам он искал спасения в бегстве за реку Джайхун и там скоро умер.

**МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ
ЛЕТ**

Я был признателен умершему амиру Казгану, почитал его, как родного отца, и считал своей священной обязанностью отомстить Хисрау-Баян-Кули и амиру Туклук Тимуру за его смерть.

[Тимур сообщает с Баян-Сальдуrom и Хаджи-Барласом завоевывает Самаркандом]

Я собрал много воинов и двинулся на Самарканд. По пути я встретил Баян-Сальдура, который вместе со своими воинами присоединился ко мне. Мы достигли границы Шаша. Помимо того мне удалось уговорить присоединиться к нам и амира Хаджи-Барласа¹⁵⁰.

Амир Барлас был сын Барлу;

Барлу был сын Тамулла;

Тамулл был сын Суль-хана;

Суль-хан был сын Кара-Джар-нойона.

Мы все втроем направились к Самарканду. Мавераннехром в это время правил Тимур-Шах-Углан, которого поддерживали амиры Туклук Тимур и Хисрау-Баян-Кули. После боя, где

много пролилось крови, мы овладели Самаркандом и выгнали из него Тимур-Шах-Углана; потом мы овладели всем Мавераннехром. Все мы втроем: я—Тимур, амир Хаджи-Барлас и Баян-Сальдур—заключили дружественный союз и мирно владели Самаркандом, пока Баян-Сальдур, опившись вина¹⁵¹, не умер. По смерти Баян-Сальдура его власть в нашем союзе трех амиров перешла по наследству к его сыну, но амир Хаджи-Барлас задумал хитростью отделаться от нового союзника и стал строить козни. Я несколько раз пытался уговаривать его, но без всякого результата: он попрежнему продолжал свои происки.

[Тимур хитростью старается одолеть сильных амиров Турана и сделаться единовластцем.]

Такие действия амира Хаджи-Барласа вызывали в населении Мавераннехра раздоры и смуты. Мне тогда было двадцать восемь лет. В этот год была дороговизна на жизненные припасы: воинам и населению стало невыносимо тяжело жить; жители Мавераннехра пришли в отчаяние и подали мне „фетву“, что все население готово покинуть Туран и не возвращаться сюда до тех пор, пока в Туране не будет справедливого правителя.

Решение населения доставило мне большое горе. Я давно хотел быть единовластным правителем, но добиться такой власти было почти невозможно; в это время¹⁵²:

ханом Балха был Ильчи-Бугай-Сальдур;
правителем Ходжента был амир Баязид-Джалаир¹⁵³;

правителем Шибирганата был Мухаммед-Ходжа;

городами Когистана правили амиры Бадакшанские;

ханом Джилянским до местности Хазрет-Имам был Кай-Хисрау-Джиляны¹⁵⁴;

ханом Самаркандским до самого Сарыпуля был амир Хызр-Ясаури¹⁵⁵.

Все эти правители в своих улусах были полновластными владыками; одной храбростью нельзя было отнять власти у стольких сильных амиров; мне было ясно, что открытой силой здесь ничего нельзя добиться; только хитрость, одна только хитрость¹⁵⁶, могла помочь делу. Каждому из правителей в отдельности и тайно от других я написал письмо, где предлагал им вступить со мною в союз, чтобы общими силами изгнать всех остальных правителей, а нам самим овладеть всей страной. Каждый из них, тайно от остальных, выражал свое согласие вступить со мною в союз; таким образом мне удалось всех их перессорить между собой.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Я написал письмо Ильчи-Бугай-Сальдур, хану Балха, и предложил ему воспользоваться тем, что жители Бадакшана жаловались мне на несправедливость и притеснения своих ханов, отправиться туда с войсками и овладеть страной. Я предупредил Ильчи-Бугай-Сальдур, что если он сам не пожелает взять Бадакшан, я лично пойду и овладею им—этим заканчивалось мое письмо. Ильчи-Бугай-Сальдур вскоре с большим количеством воинов двинулся по направлению к Бадакшану; тем временем я получил весть от амиров Бадакшанских, что им грозит опасность от Ильчи-Бугай-Сальдур; они просили оказать им помощь и за это обещали отдать мне города Хатлан, Арлад и Хазрет-Имам, которые сейчас принадлежали Кай-Хисрау-Джиляны.

Далее я сообщил Мухаммеду-Ходже, правителю Шибирганата, что город Балх, мать городов, оставлен Ильчи-Бугай-Сальдуром, и что я послал туда своего заместителя. Я предложил Мухаммеду-Ходже тоже послать в Балх своего

наместника и владеть этим городом нам сообща. Мухаммед-Ходжа, желая предупредить меня, лично отправился в Балх. Весть о движении Мухаммеда-Ходжи на Балх быстро дошла до Ильчи-Бугай-Сальдура. Не думая больше о присоединении Бадакшана, Ильчи-Бугай-Сальдур быстро направился к крепости Шадман и Балху. Тогда амиры Бадакшана подчинились мне.

Придя в Балх, Ильчи-Бугай-Сальдур не только выгнал оттуда Мухаммеда-Ходжу, но и пошел на него войной, чтобы наказать за попытки овладеть Балхом. Тогда Мухаммед-Ходжа обратился за помощью ко мне. Я спас Шибирганат от вторжения Ильчи-Бугай-Сальдура, отдал его Мухаммеду-Ходже и этой услугой приобрел себе преданного и верного союзника.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

*[Появление амира Хусайна в Мавераннехре.
У Тимура родился старший сын, Мухаммед-
Джелангир]*

Амир Хусайн, внук амира Казгана, задумал овладеть улусом своего отца и направился в Мавераннехр с воинами и преданными людьми. Он написал мне письмо, где просил моей помощи, чтобы осуществить свой замысел.

Моя жена была сестрой амира Хусайна; в силу своих родственных отношений я и возбудил в нем желание овладеть Мавераннехром; это была у меня злая ошибка: я считал искренней дружбу этого очень дурного человека, я тогда еще не знал, что в его характере соединялись, подобно четырем стихиям¹⁵⁷, четыре дурных качества: зависть, скупость, жадность и высокомерие.

Чтобы исправить свою ошибку, я сообщил амиру Хусайну, что ему следует прежде овладеть Бадакшаном, что это—ключ к овладению Мавераннехром.

В этом году, который по приметам был сча-

стливым¹⁵⁸, у меня родился сын-первенец¹⁵⁹. В честь Посланника Аллаха я дал ему имя Мухаммед, а так как в этом году начались мои завоевания, то я к имени Мухаммед присоединил еще имя Джехангир. Рождение сына принесло мне счастье: за исключением амира Баязид-Джалаира¹⁶⁰ и Хаджи-Барласа, все правители были моими союзниками¹⁶¹.

От этих двух сильных противников я задумал избавиться хитростью. Тесть Хаджи-Барласа составил против него заговор, чтобы посадить на его место своего внука. Хаджи-Барлас, узнав о намерении тестя, поспешил его казнить: потом он обратился ко мне за советом, не стоит ли отделаться и от потомка казненного тестя. Мне с трудом удалось убедить его не поступать так плохо.

Амир Хусайн в том же году овладел Бадакшаном и без всякой причины казнил трех из Бадакшанских амиров: за такое злодеяние он получит возмездие в день Страшного Суда! Когда я потом овладел Балхом, матерью городов, то сыновья убитых им амиров убили самого амира Хусайна, чтобы отомстить за смерть своих отцов.

МНЕ ИСПОЛНИЛСЯ ТРИДЦАТЬ ОДИН ГОД

[Нашествие внука Чингис-хана, хакана Туклук Тимура в Мавераннехр]

Внук Чингис-хана¹⁶², Туклук Тимур, был ханом в области Джете. Он задумал овладеть Мавераннехром и с бесчисленным количеством воинов пришел в местность Хак на берегу реки Сайхуна вблизи Ходжента. Мне, Хаджи-Барласу и амиру Баязид-Джалаиру¹⁶³ Туклук Тимур прислал грамоты. В грамотах заключалось грозное, не допускающее возражений приказание¹⁶⁴:

„Я, Туклук Тимур, хакан, сын хакана, приказываю тебе со всем народом и со всеми своими воинами присоединиться ко мне“.

Хаджи-Барлас, получив такое грозное повеление, испугался и обратился ко мне за советом, что делать. Я дал совет не затевать войны с хаканом, а явиться к нему с изъявлением покорности и таким образом заслужить его расположение. Хаджи-Барлас не послушался моего совета, переправился через Сайхун со всем своим народом и добром и ушел в Хорасан. Амир Баязид-Джалаир с людьми и дарами отправился на поклон к хакану Туклук Тимуру.

[Смерть амира Тарагая, отца Тимура]

Я тоже стал готовить дары, чтобы вместе с выражением покорности поднести их хакану Туклук Тимуру. В это время мой отец, амир Тарагай, опасно заболел; мне пришлось остаться при больном и ухаживать за ним; скоро он умер; с большой пышностью похоронил я отца в мазаре ¹⁶⁵ Кишь-Хат, неподалеку от могилы „кутба“.

[Тимур подчиняется хакану Туклук Тимуру и получает от него грамоту на Мавераннехр]

Хакан Туклук Тимур прислал мне вторую грамоту, в которой звал меня к себе, но мои воины и подвластные люди заявили, что они не желают моего подчинения Туклук Тимуру; под моей властью в стране установилось полное спокойствие; мой народ готов был силою оружия отстаивать свою независимость. На все просьбы народа я отвечал: нельзя сейчас возмущаться и вести войну против Туклук Тимура; у него большое количество воинов, нет теперь другого исхода, как подчиниться ему безусловно.

В это время до меня дошли вести, что воины Туклук Тимура под предводительством хаджи Махмуд-Шаха двигаются против меня. Я поспешил отправиться к Туклук Тимуру с воинами, представителями народа и дарами, чтобы выразить ему покорность. По дороге я встретил хаджи Махмуд-Шаха; я обильными дарами привлек его на свою сторону, убедил его не грабить страны и заручился от него доброжелательным письмом к хакану. Я пошел дальше; через два

Арабский всадник

*Арабский папирус X века. Собрание папирусов эрцгерцога Райнера
в Вене*

дня пути меня стали встречать по дороге начальники передовых отрядов Туклук Тимура; им всем я также роздал богатые дары и удержал от грабежа. Главою амиров у хакана Туклук Тимура был в это время Мир-Кичик-бег; он также дал мне письмо в Туклук Тимуру, прося его быть ко мне милостивым.

В степи, близ Ходжента, я представил хакану Туклук Тимуру свои дары; он был чрезвычайно доволен моей покорностью. Когда ему доложили, что начальники передовых частей его воинов награбили много добра у жителей Мавераннехра, Туклук Тимур приказал немедленно вернуть все награбленное. Начальники были оскорблены этим приказанием и взбунтовались вместе с амирами Джете.

Тогда Туклук Тимур обратился ко мне за советом, как ему поступить при таких обстоятельствах; я ему посоветовал¹⁶⁶ удалиться в страну Джете, откуда он пришел в Мавераннехр. Этот совет понравился Туклук Тимуру; он утвердил меня правителем Мавераннехра, дал мне грамоту, а сам удалился в страну Джете.

С тех пор мое величие возросло с каждым днем, я овладел всеми городами Мавераннехра и стал жить в Шехри-Себзе¹⁶⁷. Власти, шейхи, улемы и сайиды, когда я прибыл туда, принесли мне поздравление; была прочтена молитва, установленная для лиц, получивших власть хана¹⁶⁸.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ДВА ГОДА

[Тимур помогает амиру Хусайну овладеть крепостями Шадманом и Бадакшаном]

В 761 году [хиджры]¹⁶⁹ внук амира Казгана, амир Хусайн, с моей помощью овладел городом Бадакшаном. Теперь амир Хусайн опять стал просить меня помочь ему напасть на амира Баян-Сальдура¹⁷⁰ и отнять крепость Шадман, которой тот владел. Я дал согласие и послал вперед своих воинов под предводительством своего главного амира Хызра, а вскоре и сам лично отправился за воинами.

Амир Баян-Сальдур узнал о выступлении моих воинов, пришел в большой страх и бежал в сторону Бадакшана. Амир Хызр и амир Хусайн преследовали амира Баян-Сальдура; он должен был укрываться в горах; вместе с амиром бежали в горы многие знатные люди Бадакшана; вся область была захвачена.

Я находился в крепости Шадман, когда пришло письмо от амира Хусайна: с помощью моих воинов он удачно овладел Бадакшаном, поэтому я, если нахожу нужным, могу возвратиться в

свою столицу. Я пожаловал крепость Шадман своему главному амиру Хызру при особой грамоте и сам вернулся в свой стольный город Шехри-Сабз. Через четырнадцать дней амир Хусайн с богатыми дарами явился ко мне; я очень приветливо встретил его и позволил ему отправиться в крепость Шадман, сам продолжал жить в Шехри-Сабзе.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА

*[Тимур снова оказывает помощь амиру
Хусайну]*

В начале года прибыл гонец от амира Хусайна и привез мне очень спешную весть; амир Хусайн сообщал, что амир Туклук Тимур¹⁷¹ и Баян-Сальдур заключили союз между собой против него, собрали на него много воинов; ему нечего и думать одному справиться с таким могущественным неприятелем; амир Хусайн просил меня как можно скорее оказать ему помощь.

Мне очень хотелось выручить из беды амира Хусайна; я тотчас двинулся со своими воинами из Шехри-Сабза на выручку его; одновременно отправил письма амиру Хызру и амиру Баязид-Джалаиру, чтобы они тоже шли на помощь амиру Хусайну. Амир Баязид-Джалаир почему-то замедлил, а амир Хызр выступил со своими воинами тотчас, как получил от меня весть. Когда я с воинами приблизился к Бадакшану, амир Туклук Тимур и Баян-Сальдур немедленно бросились бежать. Амир Хусайн вышел ко мне навстречу и принял меня с боль-

шим радушием и пышностью. Амир Хусайн мог теперь спокойно владеть Бадакшаном, а я вернулся в свой стольный город Шехри-Себз.

[Родственник Тимура, Хаджи-Барлас, выступает против него]

Когда я подходил к железным воротам¹⁷², ко мне пришла весть, что амир Хаджи-Барлас и амир Баязид-Джалаир обменялись между собою послами и заключили союз, дабы общими силами покончить со мною. Это сделал амир Хаджи-Барлас, который был моим близким родственником!.. Я написал амиру Хаджи-Барласу письмо, я напомнил ему о наших родственных связях, о тех услугах, какие я ему когда-то оказал, но амир не обратил внимания на мое письмо. Я двинулся со своими воинами, чтобы соединиться с амиром Хусайном, но амир Хаджи-Барлас преградил мне путь и дал бой в местности Акхаб-Джагатай.

Я разделил свое войско на семь частей и предполагал каждый день вводить в бой одну седьмую часть всех своих сил. Амира Хызра с другими богадурами я поместил на правом фланге¹⁷³, а амир Джагуй-Барлас с его воинами составляли мое левое крыло. Воинов, которых я привел с собою из Шехри-Себза, я разделил на четыре части. Я сам предводительствовал войсками и каждый день вводил в бой каждую из этих четырех частей. Бой длился уже три дня; на четвертый день, напутствуемый молитвами наших улемов и сайидов, я призвал на помощь Аллаха и бросился на вражий стан ночью, когда там царил глубокий сон. Бой без перерыва

продолжался всю ночь, но зато с рассветом за мной осталась самая решительная победа: все воины неприятеля разбежались в разные стороны, а сам амир Хаджи-Барлас ускакал в Самарканд под защиту амира Баязид-Джалаира.

[Амир Хызр и амир Джагуй-Барлас изменяют Тимуру и переходят на сторону амира Хаджи-Барласа]

Я исправил после боя военные доспехи, привел в порядок воинов и, отправив передовым амира Хызра, сам двинулся в погоню за Хаджи-Барласом по направлению к Самарканду. В это время один отряд моих воинов изменил мне и перешел на сторону Хаджи-Барласа. После этого и амир Хызр, которому я верил больше, чем родному, поддался искушению шейтана, вошел в сговор с амиром Джагуй-Барласом и изменил мне; оба они вместе с воинами, которыми предводительствовали, немедленно передались на сторону Хаджи-Барласа. Все изменники решили дать мне бой и просили амира Баязид-Джалаира оказать им помощь в борьбе против меня. Но когда амир Баязид-Джалаир соединился с ними, они заподозрили его в вероломстве и поспешили от него скрыться.

Я послал тогда амиру Хызру грамоту и предлагал ему помириться со мной; он не дал никакого ответа. Тогда я приготовил моих воинов и двинул их на амира Хызра. Изменник тем временем укрепился с своими воинами на местности Сырдин и решил дать мне бой. Я отдал свое знамя воинам, которых привел с собою из Шехри-Сабза, и ввел их в дело, а сам с бли-

жайшими богадурами расположился позади боевой линии в качестве резерва. Амир Хызр увидел при воинах мое знамя и стал думать, что я сам веду передовых воинов. Бой сначала был нерешительный: то мои воины оттесняли амира Хызра, то изменники, переходя в наступление, начинали теснить мои ряды; так повторялось несколько раз, обе стороны были страшно истомлены. Я выбрал удобный момент и сам с лучшими отборными богадурами бросился на изменников; один решительный натиск обратил их в беспорядочное бегство¹⁷⁴.

[Амир Баязид-Джалаир и амир Хаджи-Барлас составляют заговор на жизнь Тимура]

Вскоре после этого боя амир Баязид-Джалаир и амир Хаджи-Барлас послали друг другу письма; они думали, что пока я жив, у них не может быть покоя; они решили хитростью отделаться от меня. Через несколько дней по окончании войны с амиром Хызром амир Баязид-Джалаир выступил из Самарканда и остановился в степи около Шаша. Амир Хаджи-Барлас заодно с амиром Баязид-Джалаиром написал мне письмо такого содержания.

„Мы, друзья—друзьям великого амира и враги—его врагам, решили овладеть Ходжентом. Если ты веришь в нашу дружбу и верность, то присоединись к нам; это для всех нас будет выгодно“.

У них была цель: хитростью заманить меня в свои руки и навсегда покончить со мной. Я, как правоверный, поверил им и со своими воинами пошел на соединение с ними,

[Тимур милостью Аллаха спасается от неминуемой гибели в стане амира Баязид-Джалаира и амира Хаджи-Барласа]

Я приблизился с моими войсками к месту расположения их войск и заметил, что в середине стана из юрт и лагун разбит огромный шатер. Я подумал, что это место, приготовленное для меня. Меня встретили с большим почетом и просили войти в большой шатер. Милостью Аллаха я каким-то чутьем угадал намерения моих врагов. Когда я вошел в шатер и увидел справа амира Баязид-Джалаира, а слева—амира Хаджи-Барласа, то сразу почувствовал, что они заговорились покончить со мною тотчас же после приема и угощения. У меня на сердце налегла тревога перед неминуемой гибелью; я стал в душе молить Аллаха спасти меня от смерти. К великому счастью, у меня неожиданно пошла кровь носом; я немедленно воспользовался этим случаем и вышел из палатки. Я тут же дал знак своим войскам, что моя жизнь подвергается опасности, и быстро вскочил на коня. Никто меня не решился остановить. Так Аллах спас меня от верной смерти.

[Тимур и шейх Али-Джар-Джари. „Для тысячи ворон достаточно одного комка глины“]

Призывая проклятия на головы своих врагов, я удалился со своими войсками в Термез. Когда я приблизился к Термезу, то шейх Али-Джар-Джари, который когда-то получил там власть с моей помощью, испугался, что я иду воевать с ним, и стал собирать своих воинов—отразить мое мнимое нападение. Я послал ему письмо;

я напомнил обо всех услугах, какие раньше оказал ему, просил, хотя бы из простой благодарности, не воевать со мною.

Но шейх Али-Джар-Джари не обратил внимания на мое письмо; ему удалось собрать большое число воинов, больше, чем было у меня, и он стал надеяться на свои силы. Он, должно быть, не знал слов Корана:

„Сколько раз небольшие ополчения побеждали большие полчища по изволению Аллаха“. (*Коран, II сура, 250 аят*)

Шейх Али-Джар-Джари расположил своих воинов в одну линию и начал бой; я разделил своих воинов на три части и двинулся с ними на неприятеля. После первого моего натиска воины шейха Али-Джар-Джари бросились бежать врассыпную. У турков есть пословица „Для тысячи ворон достаточно одного комка глины“; эта пословица в бою с шейхом Али-Джар-Джари вполне подтвердилась. Шейх Али-Джар-Джари сначала бежал к амиру Баязид-Джалаиру, но побоялся остаться у него; он скоро вернулся ко мне, пристыженный и униженный, изъявил полную покорность. Я решил показать ему пример великодушия, простил его и послал ему много богатых подарков, как будто между нами ничего не случилось!..

**МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ
ГОДА**

*[Население Мавераннехра просит Тилура
избавить его от жестоких правителей]*

В 763 году [хиджры]¹⁷⁵ знатные и простые люди Мавераннехра явились ко мне с жалобой, что во всех городах и селениях страны народ изнемогает от жестокости и несправедливости своих правителей:

„Необходимо, чтобы великий амир, отличный своей храбростью и распорядительностью, сделался единым полновластным правителем нашей страны“.

Я был немало изумлен просьбой народа и тотчас отправил гонца к амиру Хусайну; я предлагал ему помочь мне освободить Мавераннехр от жестоких и несправедливых правителей; если с помощью Аллаха нам удастся избавить народ Мавераннехра от жестоких правителей, мы заслужим этим подвигом доброе имя здесь и славу в будущем мире.

[Тимур обращается к хакану Туклук Тимуру с просьбой помочь людям Мавераннехра]

Амир Хусайн ответил согласием на мое письмо, но я узнал, что он со мною не искренен; всегда нужно было остерегаться вероломства с его стороны. Тогда я написал письмо внуку Чингисхана, хакану Джете Туклук Тимуру¹⁷⁶; я сообщил ему о тяжелом положении Мавераннехра, как люди и простые и знатные терпят от несправедливых и жестоких правителей; если он, Туклук Тимур, при помощи своих воинов наведет порядок в Мавераннехре, то это будет подвиг славный¹⁷⁷.

Туклук Тимур получил от меня весть, немедленно собрал воинов Джете и расположился с ними в окрестностях Ходжента; оттуда он прислал мне грамоту, где напоминал о наших родственных отношениях и просил меня притти к нему для совета.

[Гибель амира Баязид-Джалаира и амира Хаджи-Барласа]

Амир Баязид-Джалаир решил выразить хакану Туклук Тимуру полную покорность и готовность верно служить; он запер ворота Самарканда и сам двинулся к Туклук Тимуру. Туклук Тимур потребовал от Баязид-Джалаира передать ему ключи Самарканда. Туклук Тимур заметил, что Баязид колеблется исполнить его требование, и отдал приказ немедленно убить амира Джалаира, а голову его отослать в Самарканд.

Амир Хаджи-Барлас услышал о гибели амира Баязид-Джалаира, испугался за свою голову

и с семьей и своим народом ударился в поспешное бегство за Джайхун. Хакан Туклук Тимур получил весть о бегстве Хаджи-Барласа и отрядил в догонку за ним своих богадуров. Один из приближенных Хаджи-Барласа, Джуам-Барлас-богадур, был убит, но остальные спутники Барласа невредимыми добрались до города Карша-Джуси. Здесь сразу установилась неприязнь между местными жителями и пришельцами; дальше—больше: ненависть населения города Карша-Джуси к пришедшим с амиром Хаджи-Барласом выросла до такой степени, что дело дошло до боя; здесь погибли и сам Хаджи-Барлас и несколько его родных. Когда я потом овладел Хорасаном, я отдал город Карша-Джуси потомкам Хаджи-Барласа.

[Тимур дает советы хакану Туклук Тимуру]

Туклук Тимур прислал мне вторую грамоту и просил меня, как родственника, скорее притти к нему. Я разослал тогда множество гонцов во все стороны Мавераннехра, я просил всех, кто желает избавиться от грабежей и насилий со стороны воинов Джете, прислать мне подарки, которые я и предоставляю хакану Туклук Тимуру. Многие племена Мавераннехра прислали мне свои дары; с этими сокровищами я отправился к хакану Туклук Тимуру в Ходжент.

Здесь я поднес Туклук Тимуру все привезенные дары; он остался очень доволен и милостиво обошелся со мною. Он советовался со мною во всяком деле и всегда соглашался со мной. Однажды я сказал ему:

— Всякая власть подобна палатке, которая опирается на столбы, справедливость правителя—это столбы, на которых зиждется крыша власти. Без этой опоры власть разумная немислима.

Я советовал хакану поддержать всеми силами в Мавераннехре добрых людей, а злых—предоставить самим себе, чтобы они сами пожали плоды своих злодеяний. Туклук Тимур остался очень доволен таким советом; его расположение ко мне выросло еще больше, он отдал мне во владение Мавераннехр, Шехри-Себз, Шибриганат вплоть до Балха.

[Хакан Туклук Тимур по советам Тимура управляется с амиром Хусайном]

В это время пришла внезапная весть, что амир Хусайн с большим количеством воинов остановился на берегу реки Вакш и собирается напасть на хакана Туклук Тимура. Туклук был страшно удивлен дерзостью амира Хусайна и обратился ко мне за советом. Я сказал хакану, что у амира Хусайна—главный начальник его воинов Кай-Хисрау-Джиляны, которого можно подкупить; я предложил послать Кай-Хисрау-Джиляны письмо, постараться склонить его перейти со своими воинами на сторону хакана Туклук Тимура и за это пообещать ему крепость Шадман и Хутлан. Хакан сделал по-моему: Кай-Хисрау-Джиляны было написано так, как я советовал Туклук Тимуру. Наше заманчивое предложение прельстило главного начальника воинов амира Хусайна.

Когда сошлись передовые отряды хакана Туклук Тимура под предводительством Мир-Кичикбега и передовой отряд амира Хусайна под предводительством Кай-Хисрау-Джиляны, то этот сейчас же со своими приближенными богадурами перешел на сторону Туклук Тимура; воинами амира Хусайна овладел невероятный страх; все они разбежались в разные стороны. Воины хакана Туклук Тимура преследовали побежденных до самых гор Индустана и захватили большую добычу.

[Тимур пытается после сокрушения всех своих врагов в Мавераннехре удалить хакана Туклук Тимура из пределов Мавераннехра]

Покончив с Хусайном, хакан Туклук Тимур отправился в Самарканд и убил там Баян-Сальдура.

Таким образом он учинил порядок во всех городах Мавераннехра, очистил их от злых людей. Теперь, когда все мои враги были истреблены, я стал подавать хакану Туклук Тимуру советы, чтобы он сам ушел из Мавераннехра, а меня утвердил здесь правителем. Я говорил Туклук Тимуру, что сейчас самое удобное время овладеть Хорасаном: стоит только перейти реку Джайхун, чтобы захватить богатую страну.

Туклук Тимур был уже готов последовать моему совету; как раз в это время пришла к хакану весть: амиры Джете возмутились против него и передали власть одному из потомков Чингис-хана, Тамлики-хану.

Хакан Туклук Тимур немедленно спросил моего совета, что ему делать.

Я подал совет в том смысле, что нужно тотчас же послать в Джете побольше воинов, пока новый хан не успел укрепиться; при быстром способе действий удастся легко усмирить население Джете; если же, наоборот, промедлить, то дело впоследствии окажется очень трудным.

[Неожиданно для Тимура хакан Туклук Тимур делает ханом Мавераннехра своего сына Ильяс-Ходжу, а Тимура оставляет только главным начальником воинов]

Хакан Туклук Тимур согласился с моим советом. Но он пожаловал грамоту на ханское достоинство в Мавераннехре своему сыну, Ильяс-Ходже, а меня поставил первым после хана лицом. Туклук Тимур показал мне стальную доску, где было начертано давнишнее условие наших предков, Качули-богадура и Кабыль-хана; по этому условию потомки Качули-богадура должны были по наследству получать звание главного начальника воинов, а потомки Кабыль-хана также по наследству, от отца к сыну—получать достоинство ханов. Хакан Туклук Тимур приказал амирам повиноваться мне, а сам отправился против мятежников Джете.

[Тимур самовольно действует в Самарканде]

Ильяс-Ходжа никогда раньше не был правителем и потому не обладал необходимыми для этого способностями; его воины и амиры стали чинить всевозможные обиды населению Мавераннехра: однажды они силою увели из Самарканда четыреста девушек, а вскоре их наг-

лость дошла до того, что они связали и бросили в тюрьму семьдесят сайидов. Тогда правоверные, произнося исповедание ислама: „Ля-илляга-иль Алагу, Мухаммед Расуль Улла“ („Нет божества кроме Аллаха, и Мухаммед—посланник его“), собрались большой толпой и пришли просить меня освободить ни в чем неповинных сайидов:

— В таком деле безумство свойственно храброму, и пожертвование жизни есть источник жизни.

Эти слова так меня воодушевили, что я, ни с кем не советуясь, начал действовать решительно: прежде всего я освободил из рук узбеков семьдесят заключенных сайидов.

В следующую ночь мне приснился сам Посланник Аллаха и сказал:

— Ты освободил из неволи семьдесят моих потомков (сайидов); за этот подвиг ты получишь награду, Аллах сотворит чудо: семьдесят поколений твоего потомства будут правителями.

Я написал тогда письмо своему „пиру“¹⁷⁸ и просил объяснить мне значение этого сна. „Пир“ ответил мне:

„В древности Сабук-Тагин¹⁷⁹ спас от гибели козленка, и Аллах за это наградил его потомство достоинством султана; ты же оказал такую услугу потомкам Посланника Аллаха, что твой сон должен непременно сбыться.

Знай только, что никакой совет, где не присутствуют потомки Посланника (сайиды), никогда не приведет к хорошим последствиям“.

С тех пор я всегда во всякое собрание прежде всего приглашал сайидов и улемов.

Арабский караван
Миниатюра к Харири. Рукпись в Каире

[Хахан Туклук Тимур приказывает убить Тимура. По совету „пира“ Тимур спасается бегством из Самарканда]

После того как я освободил из темницы заключенных сайидов, мои враги послали хахану Туклук Тимуру письмо; они писали, что я произвел возмущение против Туклук Тимура и пытался овладеть Мавераннехром; меня обвиняли в тайных кознях против сына Туклук Тимура, Ильяс-Ходжи, которого я будто бы замышлял убить. Туклук Тимур поверил наветам моих врагов и приказал людям, которые доставили ему письмо, убить меня. К счастью, этот приказ попал в мои руки, и я принял все меры предосторожности против убийц. После этого амиры Джете получили еще три приказа Туклук Тимура убить меня, но убийцы выжидали, не зная, как удобнее исполнить задуманное.

В это время ко мне пришло письмо от „пира“; он писал: „Если нельзя сладить с врагами, которые превосходят тебя силой, следует искать спасения в бегстве: так установлено и самим Посланником Аллаха“. Я последовал совету своего духовного наставника, удалился из Самарканда и скрывался в горах. В это время я загадал по Корану, что меня ожидает в будущем: мне открылся аят:

„Солнце течет к назначенному месту: таково повеление сильного, знающего“. (Коран, XXXVI сура, 38 аят)

Я не знал, какое место мне назначено, но скоро ко мне опять пришло письмо от „пира“; он советовал мне отправиться в сторону Хорезма; я поспешил исполнить его приказание.

[Тимур соединяется в горах с амиром Хусайном и отправляется в Хорезм]

Амир Хусайн тоже, подобно мне, скрывался в горах; он желал примириться со мной и просил меня присоединиться к нему; я с радостью принял его предложение. Наша встреча состоялась в местности Сагик-Кудун. Мы помирились там с амиром Хусайном и заключили между собой тесный союз. Я предложил правителю области Хайвак¹⁸⁰, Тугуль-богадuru, присоединиться к нашему союзу, но он не согласился; из преданности к Ильяс-Ходже он даже велел схватить нас, но мы в темную ночь бежали из пределов Хайвака. Мы решили с амиром Хусайном отправиться в Хорезм.

*[Тимур по пути в Хорезм выдерживает бой с сильнейшим отрядом Тугуль-богадuru]*¹⁸¹

Придя в Фараб, мы стали раздумывать, как нам овладеть крепостью Хорезм-шах; в это время наш слух поразили звуки, как будто из степи по направлению к нашему лагерю двигалось чье-то войско; на это указывали и топот лошадиных копыт и звон оружия. Я сам сейчас же вскочил на коня и въехал на возвышенность, а амира Тага-Бугай-Барласа выслал вперед разведать, что нам угрожает. Мой посланный быстро вернулся и привез известие, что на нас двигается амир Тугуль-богадур с тысячью всадников.

Я приказал амиру Хызру собрать весь наш отряд: по счету оказалось, что мы располагаем всего-навсего шестьюдесятью воинами. Этот ни-

чтожный отряд я разделил на пять частей и каждой части назначил особого начальника: амир Хусайн, амир Тага-Бугай-Барлас, амир Сайф-эд-дин Никудерийский¹⁸², амиры Даимджи и Садыр стали во главе этих частей, а я сам с избранными богадурами стоял на вершине горы.

В эту минуту к нам приблизился амир Тугуль-богадур с тысячью всадников. Амиры Тага-Бугай-Барлас и Сайф-эд-дин Никудерийский были очень храбрые воины: они так стремительно бросились на воинов амира Тугуль-богадура, что вскоре из тысячи его всадников осталось только триста; все остальные его воины были убиты или ранены. Амиры Сайф-эд-дин и Тага-Бугай-Барлас в этом бою потеряли коней и вынуждены были драться пешими. Я послал им двух коней, но недостало коня посланному; я вынужден был отдать ему своего коня. Амир Хусайн сел на коня Тугуль-богадура и бросился на вражеских воинов. Скоро я заметил, что амир Хусайн со всех сторон окружен врагами и ему грозит смертельная опасность. Я с мечом в руках бросился к нему на помощь, убил несколько вражеских воинов и спас Хусайна.

Пришло время намаза „аср“¹⁸³: и на той и на другой стороне богадуры стали на молитву. Еще „аср“ не был окончен, как со стороны врага послышался шум: он возобновил нападение. Мы с амиром Хусайном бросились на врагов и многих из них убили и ранили. Конь Хусайна пал, и ему пришлось пересест на коня своей жены, Дильшат-ага¹⁸⁴; ее я посадил на коня своей жены, сестры амира Хусайна. Мы

вдвоем с амиром Хусайном яростно действовали пращами¹⁸⁵ и перебили много неприятельских воинов.

Бой кончился. Тугуль-богадур, отчаявшись, остался в степи, а мы двинулись в дальнейший путь; потёри в бою с обеих сторон были отчаянные: у нас осталось в живых всего лишь семь человек, а у Тугуль-богадура—пятьдесят.

Во время пути нас нагнали оставшиеся в живых пятьдесят воинов Тугуль-богадура; мы подвигались с трудом, отстреливаясь от сильнейшего врага, который наседал на нас сзади. Подвигаясь таким образом медленно вперед, мы достигли наконец Хорезма; наши враги скрылись, как только мы пришли туда.

[Приключения в пути Тимура и его спутников]

Вскоре по дороге нам попался колодец; у одного пастуха нам удалось купить двух баранов, и мы подкрепили пищей свои силы. В одном месте мы остановились отдохнуть на два дня. Тут с нами случилось несчастье: к нашему маленькому отряду присоединились три пеших попутчика, и они-то на одном из ночлегов украли у нас трех коней—потеря очень чувствительная: из-за кражи коней моя жена и сестра принуждены были продолжать путь пешком.

[Приключения Тимура в стране туркмен]

Через несколько переходов¹⁸⁶ мы достигли страны туркмен. В одном уединенном месте нам повстречались туркмены; они приняли нас за воров¹⁸⁷ и напали на нас. Мы были со всех сторон окружены сильнейшим неприятелем;

женщин, которые были с нами, пришлось поставить позади себя и защищать силою оружия. К нашему счастью, совершенно неожиданно среди туркмен оказался сайид Мухаммед-Ходжа, воспитанный при мне и в юности служивший у меня. Мухаммед-Ходжа избавил нас от неминуемой гибели; он сразу узнал меня, бросился к моим ногам и молил простить его сородичам оскорбление, которое они причинили нам, не зная, кто мы. Он рассказал своим сородичам, что перед ними—амир Тимур, правитель Мавераннехра. Туркмены постарались загладить свою невольную вину: угощали нас в течение трех дней, затем дали нам на дорогу съестных припасов, снарядили для нас десять провозатых¹⁸⁸, и мы двинулись дальше.

[Тимур и его жена проводят пятьдесят дней в темнице туркменского амира Али-бега Джаны-Курбаны]

Через три дня мы достигли местности Махмудиа; здесь мы сделали остановку на несколько дней, мы рассчитывали, что, может быть, некоторые спутники, которые от нас отстали по пути, догонят нас тут.

Между тем туркменский амир Али-бег Джаны-Курбаны получил весть, будто я пришел в землю туркмен и остановился в местности Махмудиа с враждебными намерениями. По его распоряжению отряд туркмен ночью напал на нас; перевязали всех нас и в таком виде доставили к амиру Али-бегу Джаны-Курбаны. Али-бег ни о чем не спросил нас, а просто отдал приказание своим людям посадить всех нас в тюрьму.

Я сам и моя жена, сестра Хусайна, провели в темнице пятьдесят мучительных долгих дней. Когда я вышел из тюрьмы, я твердо решил и дал обещание Аллаху, что никогда не позволю себе бросить кого-либо в тюрьму, не разобрав наперед дела.

[Тимур размышляет о свободе]

В глубоком отчаянии, в тюрьме, я рассуждал так:

Лучше совершить безумный поступок—вырваться, чего бы это ни стоило, из стен темницы и биться снаружи за свободу;

если я освобожусь, тем исполнится мое желание;

если моя попытка не будет успешна, я наверняка буду убит; мертвого меня похоронят вне тюрьмы—на вольной земле;

значит, так или иначе нужно сделать безумную попытку, так или иначе выбраться на вольный свет.

[Тимур выбирается на свободу]

Я обещал стражам щедрую награду за помощь в побеге из темницы; некоторые из них согласились помочь мне и дали мне меч. С этим оружием в руках я бросился на тех стражей, которые не согласились помогать мне в бегстве, и сам обратил их в бегство. Я слышал вокруг себя крики: „Бежал, бежал!“, и мне вдруг стало стыдно за свой поступок.

Я отправился сейчас же прямо к амиру Али-бегу Джаны-Курбаны и рассказал ему, что пришлось мне преодолеть, чтобы выбраться из темницы; он почувствовал уважение к моей доб-

лести и был пристыжен. Как раз в это время Али-бег Джаны-Курбаны получил письмо от своего брата, амира Мухаммеда-бега Джаны-Курбаны; он писал:

„Ты бесчеловечно и несправедливо поступил с амиром Тимуром, нанес ему тяжелое оскорбление. Я посылаю амиру Тимуру богатые дары, прошу тебя непременно передать их ему; затем советую тебе, чтобы загладить несколько свою вину,—выпросить у Тимура прощение, посадить на своего коня и отпустить его“.

Амир Али-бег Джаны-Курбаны исполнил точь-в-точь все, о чем писал ему Мухаммед-бег Джаны-Курбаны. Вскоре я выехал оттуда в сопровождении двенадцати всадников и направился в Хорезмскую степь.

[Новые приключения Тимура в стране туркмен]

Через двенадцать дней пути я остановился. В этой местности кочевали туркмены, которые опять приняли нас за воров и напали на нас. Чтобы разогнать их, я вступил с ними в бой; среди туркмен, как и в прошлый раз, нашелся знакомый мне человек, Ахмад; во время моего могущества он находился при мне и получил от меня много милостей. Теперь Ахмад в свою очередь помог мне: он сумел успокоить своих сородичей, и из туркмен ко мне присоединилось пятьдесят человек.

В это самое время ко мне присоединился Мубарак-шах-Юзбаша¹⁸⁹ с многими воинами и подарками, а из Хорасана ко мне пришло еще двести всадников да большой отряд пеших воинов.

[Тимур превращается в странствующего монаха, идет к своему народу и сорок восемь дней тайно проживает в Самарканде у своей сестры Туркан-ага]

Хусайн, амир Хорезма, и Заин-эд-дин, амир Себзеварский, нашли, что место, где мы стоим лагерем, выбрано очень неудачно. Мне не раз было предсказано, что я буду великим владыкой; поэтому я не терял надежды снова овладеть Мавераннехром. Я решил немедленно послать в Кешь двести всадников, а сам рассчитывал отправиться к своему народу и набрать там воинов.

Я двинул из Бухары в Кешь двести всадников, а сам надел платье „каляндара“¹⁹⁰ и пошел к своему народу. Курчи-Тимургар, один из моих сторонников, узнал о моем прибытии и тотчас же явился ко мне в сопровождении сорока воинов. Я посвятил его в свои думы и планы, а потом послал его самого и его людей в Кешь; притом я строго-настрого приказал Тимургару, как только до него дойдет весть, что я захватил Самарканд, немедленно явиться ко мне.

Из среды моего народа за мной последовала тысяча человек; с ними я ночью вошел в Самарканд и приютился у своей сестры, Туркан-ага. В ее доме, не выходя никуда целых сорок восемь дней, я тайно совещался с людьми, полезными для задуманного предприятия, и успел запастись оружием в необходимом количестве.

Мы готовились начать войну против воинов Джете, но наши враги, как нам сообщили, узнали от жителей Самарканда, что мы тайно проживаем в городе. При таких условиях я счел

опасным оставаться в Самарканде и отправился из города в окрестности Кенши, тут я остановился на несколько дней; впрочем, и здесь нельзя было долго оставаться; я взял с собой пятьдесят богадуров и с ними отправился в сторону Хорезма.

[Тимур добывает себе коней и пропитание]

По дороге мы встретили табун лошадей; из расспросов мы узнали, что кони принадлежат подвластным мне людям; мы очень легко уговорили хозяев табуна уступить нам коней, и я распределил их между пешими воинами моего отряда. Двигаясь вперед, мы переправились через реку Джайхун и в местности Ачиги прожили целый месяц, охотой добывая себе пищу.

*[К Тимур у собираются его сторонники.
Захват Карибыза в Кандагаре]*

В это время Мубарак-шах Санджарский, сайид Хусайн Хорасанский и Заин-эд-дин амир Себзеварский присоединились ко мне; у меня теперь собралось до тысячи всадников. С общего согласия мы подошли ночью при звуках труб к городу Карибызу в Кандагаре; я послал к правителю Карибыза, Мир-Магды, посла щедрыми обещаниями склонить Мир-Магды к сдаче нам города. Мир-Магды польстился на мои обещания и вышел из города мне навстречу¹⁹¹ со своими сторонниками. Я принял его торжественно, с подарками, и предложил ему роскошное угощение. Мир-Магды остался очень доволен мною. В эту ночь Карибыз по воле Аллаха подчинился мне.

[Тимур успешно воюет в Сеистане]

Вскоре амир Хусайн пришел ко мне униженно просить прощения, я разделил дань с Карибыза пополам¹⁹² и уступил одну половину амиру Хусайну. Я прожил несколько времени в Карибызе.

Однажды ко мне неожиданно прибыло с богатыми дарами посольство владетеля Сеистана¹⁹³; он просил меня заключить с ним союз и помочь ему в большом предприятии. Я же выжидал удобного случая отнять Кандагарскую область у гурейцев¹⁹⁴.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Владелец Сеистана, амир Малик-Махмуд, враждовал со своими соседями; побежденный, он бежал из своей страны; он просил меня помочь ему и предлагал в подарок несколько крепостей в Сеистане. Я стал советоваться с амиром Хусайном; мы договорились, что он один, без меня, с отрядом воинов отправится в Сеистан и поможет амиру Малик-Махмуду Сеистанскому.

Через день после выступления амир Хусайн прислал мне с гонцом известие, что амир Баграм-Джалаир¹⁹⁵ возмутился против него; если я тотчас же сам не поспею к своим войнам, он один не выполнит задуманного предприятия. Я немедленно двинулся к амиру Хусайну и близко подошел к Сеистану.

Амир Малик-Махмуд Сеистанский с богатыми дарами вышел мне навстречу и оказал мне самое широкое и радушное гостеприимство. Амир Малик-Махмуд дал торжественную клятву служить мне верой и правдой до конца своих дней¹⁹⁶. Я видел его искренность и преданность и решил помочь ему.

В руки врагов амира Малик-Махмуда Сеистанского перешло семь крепостей. На одну из этих крепостей я напал врасплох ночью. Я повел приступ одновременно со всех четырех сторон; целые сутки шел жестокий бой; в конце концов я овладел крепостью. Там хранилось большое количество хлеба в зерне; это стало нашей добычей. Амир Хусайн, не спрашивая меня, по своему усмотрению разделил всю добычу между своими воинами. Я сделал вид, что не обращаю на это никакого внимания, словно я не принимал никакого участия в захвате крепости!

Я назначил амира в захваченную крепость и немедленно двинулся дальше к другой крепости. Воины и население вышли из крепостных стен и упорно сопротивлялись моим воинам; мне пришлось употребить немало усилий, чтобы снова загнать их в крепость. Большая часть моих богадуров быстро влезла на вал; запертые в крепости жители увидели, что они в безвыходном положении, и сдались, крича при нашем приближении: „Аль-аман, Аль-аман!“¹⁹⁷ Амир Хусайн разделил между своими богадурами добычу, взятую во второй крепости, опять не спрашивая у меня согласия. Я простил амиру Хусайну и эту его вину.

Теперь мы двинулись к третьей крепости. На этот раз нам пришлось иметь дело с почти неприступными укреплениями; я спешил своих всадников и ночью окружил крепость со всех сторон. Воины и население спали самым богадырским сном; я приказал богадурам заpastись „камандами“¹⁹⁸ и двинуться на штурм. Благо-

даря „камандам“ богадуры легко взобрались на крепостную стену. С рассветом я приказал трубить в трубы и сам лично, призвав имя Аллаха, бросился с воинами на крепость. Очень быстро все мое войско вошло в крепость, и мы тотчас овладели ею. Когда я оканчивал утреннюю молитву („субх“), ко мне связанными привели жителей крепости, взятых в плен при штурме; в этой крепости нам тоже досталась богатая добыча. Амир Хусайн получил весть о моей удаче и лично пришел принести поздравление с захватом неприступной крепости; слух о моей блестящей победе прошел по всему Сеистану.

[Тимур ведет борьбу против амира Малик-Махмуда Сеистанского; в бою он получает две раны]

В это время амир Малик-Махмуд Сеистанский получил грамоту от остальных четырех крепостей: их жители и воины выражали желание без сопротивления сдать крепости амиру Малик-Махмуду Сеистанскому. Они писали:

„Если амир Тимур овладеет всеми крепостями, то он и тебя лишит Сеистана и нас истребит“.

Амир Малик-Махмуд был согласен с жителями и тайно ночью удалился от меня и ушел в Сеистан. Население крепостей и другие жители Сеистана порешили общими силами напасть на меня.

До меня дошла весть, что мне угрожает нападение сеистанцев. Я разделил всех воинов на три части¹⁹⁹: амир Хусайн с одной частью

богадуrow составлял мое правое крыло, другую часть я расположил слева, а сам, предводительствуя третьей частью, составил средину боевого порядка. В первый ряд я поставил стрелков, за стрелками расположились воины, вооруженные копьями.

Бой был упорный. Я сам с двенадцатью богадурями очутился в самой середине бившихся; в это-то время в меня попали две стрелы: одна— в ногу, другая— в правый локоть. Разгоряченный боем, я и внимания не обратил на то, что ранен; опомнился только тогда, когда с помощью Аллаха мне удалось опрокинуть врагов и обратить их в беспорядочное бегство.

[Тимур лечит свои раны]

После боя я отправился в сторону Гармуза. Я оставался там некоторое время и лечил свои раны. Амира Хусайна я с двумястами всадников послал в сторону Бакланата. Амир Хусайн овладел Бакланатом и все заботы направил, чтобы приобрести побольше богатства; он забросил все дела управления страной, все богадурьы были страшно злы на него. Ахунд-бег с воинами Джете напал на амира Хусайна; тот был разбит в бою и с четырьмястами всадников бежал в селение Шарку. Меня возмущали до глубины души действия амира Хусайна. Правда, мои раны к этому времени совершенно зажили, но я ничего не мог сделать, чтобы загладить его ошибки; все мои богадурьы были рассеяны по разным местам; возле себя я мог собрать только сорок всадников.

[Тимур собирает своих вассалов в долине Арсаф]

Я призвал к себе Тимур-Ходжу-Углана, взял амира Магди-бега с сорока всадниками, которые все были из знатных родов, собрал помимо того решительно всех воинов (включая и своих телохранителей), какие только могли за мною следовать, прошел с ними в горы Мызд и там стал на стоянку. Вскоре и Сиддык-Бардас с отрядом воинов явился ко мне на помощь; он прежде служил мне, совершил со мною ряд походов; ему было очень приятно вновь служить мне. Вместе с ними я двинулся в долину Арсаф²⁰⁰.

Амир Хусайн прислал мне письмо; он выражал желание присоединиться ко мне, но просил прислать ему для этого воинов. Я отрядил Сиддык-Бардаса с сорока всадниками на помощь амиру Хусайну, а сам двинулся дальше.

По дороге я увидел впереди черное пятно; опасаясь неожиданно наткнуться на врага, я выслал вперед разведчиков. Вскоре разведчики совершенно успокоили меня: шел на помощь мой старый соратник Кыранджи-богадур с сотней всадников. Я принес благодарность Аллаху за помощь в такую опасную минуту.

Мы достигли долины Арсаф. По дороге нам встретился тигр; я мысленно загадал: если мне удастся убить этого тигра, значит, меня ждет удача во всех предприятиях, какие задуманы; я пустил стрелу и наповал убил тигра. Мы остановились в долине Арсаф на возвышенности. Я занимался охотой; охота обеспечивала нам продовольствие в продолжение всей нашей долгой стоянки в степи Арсаф.

Мы поджидали амира Хусайна, который должен был здесь присоединиться к нам; мои воины расположились на берегу большой реки. Однажды вечером, при лунном сиянии, я сидел на горе один. Когда пришло время ложиться спать, я стал на ночную молитву и затем скоро уснул. Во сне я услышал голос, говоривший:

— Терпение—ключ к радости!

Я проснулся в хорошем расположении духа, счастливый виденным сном. Я огляделся кругом и заметил, что со стороны Балха к нам приближается какая-то толпа людей. Я ни слова не сказал своим воинам и один вышел вперед, навстречу приближавшимся всадникам.

Я спросил, чьи это воины. Какова же была моя радость услышать в ответ, что это приближаются воины амира Тимура, которого они и разыскивают в степи. Меня отвели к начальникам, и я вновь увидел давно хорошо мне знакомых амиров Кутлук-Ходжу-Барласа, Саоф-эд-дина Никудерийского и Тунг-богадура. При моем появлении все они сошли с коней, припали к моему стремени²⁰¹ и плакали от радости, что видят меня живым. С ними вместе и с их богадурами я присоединился к своему отряду и устроил большое пиршество.

[Шир-Баграм возвращается к Тимуру]

Вскоре со стороны Мерва к нам подошел еще отряд. Мы опасались, что на нас надвигаются враги, но тревога оказалась напрасной: это Шир-Баграм, который раньше бежал, теперь возвращался ко мне, он устыдился своей измены и спешил присоединиться со своими воинами

Осада Самарканда монголами
Миниатюра Джалаитайской рукописи Британского музея

к моему отряду; он молил простить его измену, забыть все старое. Я радушно принял его, сделал угощение на славу и примирился с ним, как будто между нами никогда ничего не происходило. Шир-Баграм ожидал заслуженной казни. Я, наоборот, подарил ему золотой венец и шапку, усыпанную драгоценными камнями; я даже опоясал его своим поясом,—его радость не поддается описанию!

В долине Арсаф мы несколько дней пировали и веселились по случаю возвращения Шир-Баграма.

[К Тимуру присоединяются новые союзники]

Четыре дня спустя к нам прибыл Хаджи-Барлас и амир Хусайн с двумястами воинов. Мы были очень довольны, что нам удалось собраться вместе.

На общем совете мы решили двинуться походом на воинов Джете. Я отрядил Шир-Баграма с богадурами к Ильчи-Бугай-Сальдуру, правителю крепости Дуладжун,—просить его присоединиться к нам.

Шир-Баграм явился к Ильчи-Бугай-Сальдуру и передал наше желание. Ильчи-Бугай-Сальдур отвечал:

— Я давно дружен с амиром Тимуром и рад был бы служить ему, но я не могу сейчас изменить Ильяс-Ходже: он дал мне крепость Дуладжун, он слишком много доверяет мне.

Так Ильчи-Бугай-Сальдур отказался служить мне; все-таки около трехсот всадников от него перешло служить ко мне.

Вскоре мы оставили место нашей стоянки и перешли на другое. Правители Кундуза и Бадахшана²⁰², Али и Махмуд-шах-Кабули, присоединились ко мне с большими отрядами войск, я их принял, щедро одарил и устроил богатое угощение.

[Тимур производит рекогносцировку против войск Джете]

Как было решено на общем совете²⁰³, я отрядил двести всадников под предводительством Тикиш-богадура и отправил их в сторону Балха²⁰⁴; кроме того я послал Тамук-богадура с поручением поразведать и принести мне точные сведения, что делается в стране Джете. Отряд Тамук-богадура постигло страшное несчастье: при переправе через реку Термез все воины с оружием и продовольствием погибли в волнах реки—ни один богадур не возвратился к своей семье; сам Тамук-богадур каким-то чудом уцелел и принес мне весть о несчастье. Он сообщил, что на нас двигается шеститысячное войско Джете; его отряд оказался не в силах сколько-нибудь приостановить движение полчища; правда, несколько воинов Джете были убиты, но остальные безнаказанно грабили окрестности Термеза. Получив такие вести, я немедленно двинулся со своими воинами и остановился на берегу реки Джайхун.

Тикиш-богадур наконец возвратился ко мне; он был счастливее Тамук-богадура и привез с собой богатую добычу. Тут же я получил грамоты от амира Сулеймана, Джагуй-Барласа, амирамусы, амира Желал-эд-дина и амира Хинду-

шаха; они узнали, что я пришел в долину Арсаф и стал лагерем; недовольные Джете, они решили присоединиться ко мне с тысячью всадников, которые были в их распоряжении; они пришли к берегам реки Термеза и выслали вперед амира Тугуль-буга, чтобы получить через него верные сведения, где я стою лагерем.

[Амиры хакана Туклук Тимура и Ильяс-Ходжи наступают на Тимура]

Как раз в это время амир Сайид-ибн-Айгу, Менгли-Буг, владетель Дуладжуна и Хайдор Андхойский, по приказанию Ильяс-Ходжи и хакана Туклук Тимура, с шестью тысячами всадников двинулись против меня. Они овладели окрестностями Термеза и Балха; население Балха вынуждено было переправиться через реку Джайхун и стать под мою защиту.

Через три дня утром три амира Ильяс-Ходжи с шестью тысячами всадников остановились на противоположном берегу реки Джайхун, приготовляясь напасть на нас; только река разделяла нас.

[Тимур поучает амиров Ильяс-Ходжи любить человеческий род и отказаться от войны ²⁰⁵]

Я снарядил Тимур-Ходжу-богадура послом к нашим врагам; я поручил ему убедить наших врагов отказаться от враждебных действий против меня:

„Все люди, населяющие землю, составляют как бы одно тело, одно целое;

если кто нападает на других и причиняет беду, это равносильно тому, если бы человек стал рубить собственное тело;

значит, всякие враждебные действия друг против друга лишены всякого смысла, война не нужна“.

Эти слова, переданные моим послом, сильно подействовали на врагов: они отказались от намерения напасть на меня. Так я без всякого кровопролития примирился с врагами и двинулся с воинами обратно.

[„Злонамеренные люди“ разрушают миротворческую идиллию Тимура]

Через день после моего ухода несколько злонамеренных людей сумели убедить моих неприятелей, что было бы позорно возвращаться, не дав мне боя. Враги совершенно неожиданно переправились через реку Джайхун и стали выстраиваться в боевой порядок, чтобы напасть на меня. Я оглянулся на свое войско—его было мало, и противник числом воинов значительно превосходил нас; зато мое войско состояло из отборных храбрых богадуров; я не смутился малочисленностью своих сил, а был очень бодро настроен, вспомнив слова Корана:

„Сколько раз небольшие ополчения побеждали бесчисленные полчища по изволению Аллаха“.
(Коран, II сура, 250 аят)

Я понимал глубокий смысл этих слов так, что и немногие с помощью Аллаха могут одолеть гораздо сильнеего противника.

[К Тимуру подходят в критическую минуту новые союзники]

До вечера сражение не начиналось. Вечером я собрал на совет всех своих союзников; мы

решили ночью врасплох напасть на воинов Джете; опасение за малое число наших воинов все время не оставляло нас.

Ночью мы заметили, что к нам приближаются три отряда воинов. Нам пришла в голову мысль, что это враги наши начали нападение, и мы приготовились как следует встретить их; наши страхи скоро рассеялись: амиры Сулейман, Джагуй-Барлас и Муса взбунтовались против Джете, отложились от хакана Туклук Тимура и Ильяс-Ходжи и с тысячько пятистами всадников²⁰⁶ двинулись к нам на помощь. Мы приняли их с большой радостью и устроили торжественную встречу. Я воздал хвалу Аллаху за чудесную помощь в такую опасную для меня минуту!..

*[Тимур одерживает блестящую победу
над войсками Джете]*

Вскоре Менгли-Буг, владетель Дуладжуна, амир Сайид-ибн-Айгу и Хайдор Андхойский с тремя отрядами воинов стали наступать на нас. В моем распоряжении находилось всего-навсего три тысячи воинов; и разделил их на шесть частей. Располагая воинов в боевом порядке, я поставил впереди ряд стрелков, а за ними ряд воинов, вооруженных пиками и мечами. Эти две части моих воинов с раннего утра вступили в бой и дрались до позднего вечера; в этот день ни одна из сторон не имела решающего успеха; оба отряда—и мой, и вражеский—одинаково выбились из сил.

В моем распоряжении оставалось, однако, еще две трети воинов, совершенно не утомленных; с этими силами я ночью, врасплох, напал на

врага, который был истомлен боем предшествующего дня. Мои воины быстро ринулись на врага с криками: „Алла-яр!“²⁰⁷ при звуках труб, с боем барабанов. Три раза я производил натиск без всякого успеха, наконец четвертый—положил конец сражению: победа осталась за мной. Мы обратили неприятеля в паническое бегство, заняли его стан, забрали большое количество оружия и всякого добра. Я принес хвалу Аллаху, пославшему победу над сильнейшим врагом.

Преданные мне люди пришли принести поздравление с блестящим успехом.

[Аль-Хакк-богадур и Мир-Кичик-бег врасплох нападают на воинов Тимура]

Весть о нашей победе быстро дошла до Ильяс-Ходжи. Он тотчас же приказал Ал-Хакк-богадuru и Мир-Кичик-бегу немедленно с большим числом воинов двинуться против меня. Это было для меня полной неожиданностью; я узнал о грозящей мне опасности, отправил амира Хусайна правителем в Балх, а сам покинул место стоянки после боя, переправился через реку Джайхун и расположился станом в степи на зеленой поляне. Мои стражи не ожидали нападения и уснули богатырским сном; вдруг со стороны неприятеля к нам быстро приблизился большой отряд воинов. Палатки моих воинов, расположенные поодаль от центра стана, были немедленно разграблены, а воины, спавшие в палатках, разбежались по степи. Я сам с окружающими меня богадурами стал яростно действовать стрелами; нам удалось отбить натиск врага и не допустить его подойти ближе. Я ви-

дел, что со стороны реки неприятеля не было, и приказал немедленно переправить на противоположную сторону реки все наши палатки и имущество—все было быстро исполнено. Вслед за имуществом и я сам на лодке переправился на другой берег Джайхуна.

[Войска Джете после месячной стоянки на противоположном берегу Джайхуна уходят без боя. Тимур торжествует победу]

Здесь я выбрал удобное место для лагеря, укрепил его и простоял с воинами целый месяц. Войска неприятеля тоже целый месяц простояли на противоположном берегу реки.

Через месяц мы заметили, что неприятельский стан опустел: воины Джете ушли с места стоянки,—нужно думать, к себе в свои „улусы“. Тогда я со своими воинами победоносно двинулся в сторону Балха²⁰⁸ и быстро достиг местности Хульм²⁰⁹. Амир Хусайн устроил нам здесь торжественную встречу; я провел в этой местности целых десять дней среди пиров и развлечений.

[Тимур приходит к намерению отнять у Джете все города Турана]

Здесь у меня созрел план отнять у Джете все города Турана. Посоветовавшись с амиром Хусайном, мы двинулись в сторону Бадакшана и скоро пришли в местность Кундуз. В это время от племени узбеков ко мне присоединились два отряда воинов, всего численностью до тысячи всадников. С таким количеством воинов я поспешил ночью подойти к Бадакшану; я опасал-

ся, что население узнает о нашем приближении и успеет привести укрепления в боевой порядок. Но как только я подошел к местности Танан, правители Бадакшана с подарками вышли мне навстречу. Я взял у них до двух тысяч всадников, чтобы усилить свой отряд и отправился в Джилян; там я рассчитывал набрать еще больше воинов, а потом уже двинуться против Джете.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ

В местности Джилан я взял с собой главу амиров с воинами и двинулся в местность Кульмак, где и сделал остановку.

Амир Хусайн втайне желал мне зла, но не решился открыто выступить против меня. Чтобы повредить мне, ослабить мои силы, он затеял ссору с Пулад-Бугаиром и добился того, что Пулад-Бугаир расстался со мной и ушел в свою сторону.

[Тридцатитысячное войско Джете нападает на Тимура]

Между тем на меня надвинулось огромное войско Джете во главе с амирами: Мир-кичик-бег, Тимурин-Туклан, Сарык-богадур, Сангум-богадур, Туклук-Ходжа и Кучь-Тимур. С ними же двигались на меня вместе с отрядом в двадцать тысяч всадников амиры, служившие прежде мне: Туклук-Сальдур и Кай-Хисрау-Джияны. Из всего полчища противники выделили шесть тысяч всадников и расположили в один ряд, чтобы начать бой.

Я слышал в этот день, что общее число двинутых против меня воинов Джете достигает

тридцати тысяч человек; у меня же, за исключением войска амира Хусайна (на верность его я никогда не мог вполне рассчитывать!), было всего шесть тысяч воинов; как видно, я был примерно в пять раз слабее неприятеля. Я задал по Корану, и мне открылся аят:

„Сколько раз небольшие ополчения побеждали бесчисленные полчища по изволению Аллаха“.
(Коран, II сура, 250 аят)

Прочитав это место Корана, я вполне успокоился.

[Удачный бой Тимура с шестью тысячами всадников Ильяс-Ходжи]

Шесть тысяч всадников Ильяс-Ходжи начали наступление на моих воинов.

Я не принял здесь боя и отступил с воинами в сторону Джиляна. Враги подумали, что я отступил из страха перед ними, и не стали преследовать меня; преспокойно остались на месте и не приняли никаких мер предосторожности против меня. Я сделал четыре „фарсанга“²¹⁰ вперед, потом повернул назад и увидел, что неприятель беспечно отдыхает и совсем не ждет моего возвращения; тогда я внезапно напал на врага. Кай-Хисрау-Джиляны и Туклук-Сальдур неожиданно перешли на мою сторону, и мы вместе дважды набрасывались на врага; скоро обратили его в самое дикое бегство; с криками: „Аль-ферар, аль-ферар!“²¹¹ вражеские воины рассеялись в разные стороны; многих беглецов мы захватили в плен; лишь тем, у кого были хорошие кони, удалось ускакать и присоединиться к главному отряду Ильяс-Ходжи.

Настала ночь; амир Хусайн со своими воинами отодвинулся от берега реки и пошел по направлению к Джилянгу. Враги наши несколько успокоились и не решались преследовать нас: они видели, что у меня достаточно сил оказать им самое серьезное сопротивление.

[Тимур применяет хитрую тактику в борьбе с войсками Джете]

Из боя с войсками Джете я извлек богатый опыт: стало ясно, какой тактики лучше держаться в борьбе с громадными отрядами неприятельских воинов:

открытой силой их очень трудно победить;

лучше всего сначала отступить, как будто в испуге перед численным перевесом неприятеля, а потом, когда удастся убедить врага в своей мнимой слабости, усыпить его бдительность,—неожиданно произвести решительный натиск на неприятеля.

Новую тактику мне очень скоро пришлось применить.

Я поставил против неприятеля у каменного моста амира Муайяд-Арлада, Кара-богадура и Ирак-богадура, сам с отборными богадурами поднялся на возвышенность, приказал остановиться там и разбить палатки; на вершине горы я велел разложить как можно больше костров.

Войдя в свою палатку, я стал на молитву; потом, не знаю, во сне или на яву, я услышал голос, говоривший мне:

— Тимур! поздравляю тебя с победою.

Я очень был рад этим словам.

После утренней молитвы Ильяс-Ходжа ушел со своими воинами под бой барабанов. Некоторые амиры советовали мне броситься преследовать Ильяс-Ходжу, но я догадывался, что его движение—только хитрая уловка заставить меня сойти с возвышенности, где стояли мои богадурь; я отдал приказ всем оставаться на своих местах и никуда не двигаться.

Я угадал правильно; врагам не удалось заставить нас сделать по-своему; наоборот, им самим пришлось вернуться и начать бой в самых невыгодных условиях у подошвы горы; мы с возвышенности поражали пращами воинов, стоявших на равнине значительно ниже нас; у Ильяс-Ходжи было перебито и ранено много богадуров. С наступлением ночи бой прекратился.

[Ночной бой с войсками Ильяс-Ходжи]

Ночью я собрал на совет своих амиров; мы решили, что для нас теперь невыгодно стоять неподвижно на горе, а гораздо лучше сойти вниз и вступить в бой с неприятелем у подошвы горы.

если нам посчастливится в бою, то мы достигнем своей цели (рассуждали мы);

если же не посчастливится, мы все-таки передвинемся отсюда в другую сторону.

Я приказал воинам двигаться сомкнутыми рядами в полной тишине и ночью напал на войско Ильяс-Ходжи со всех четырех сторон. Произошел жаркий бой, дело дошло до рукопашной. В самый разгар боя я встретился с Ильяс-Ходжой и насмешливо пожелал ему: „Счастливого пути!“ Не одержав над нами верха, воины Ильяс-

Ходжи, отстреливаясь, ушли в свой лагерь и расположились там. Я также двинулся с поля сражения, последовав за войском Ильяс-Ходжи, и расположился вокруг города. В это время ко мне присоединился и амир Хусайн со своим отрядом.

Ильяс-Ходжа собрал на совет своих амиров; пристыженные поражением и бегством, они собрались в полном унынии, со слезами на глазах; на общем совете порешили биться со мною до тех пор, пока не победят меня или сами не будут перебиты до последнего человека.

[Смерть хакана Туклук Тимура. Ильяс-Ходжа отправляется с поля битвы для устройства своих дел]

Порешив так, Ильяс-Ходжа приготовился к бою; совершенно неожиданно прискакало несколько гонцов с вестью о смерти хакана Туклук Тимура. Ильяс-Ходжа должен был немедленно ехать для вступления на престол своего отца.

Новый хакан поспешил отправиться к умершему отцу. Он приказал амирам, которые оставались в крепости, держаться до его прихода; сам обещал вернуться, как только покончит со своими делами. Я решил убить Ильяс-Ходжу, соединился с амиром Хусайном и двинулся с воинами вслед за Ильяс-Ходжой.

[Воины Тимура разбивают у Кеши воинов Ильяс-Ходжи]

В это время, как я узнал, Ильяс-Ходжа послал в Кешь своего заместителя с воинами.

Каждые два-три дня от Ильяс-Ходжи уходило по отряду воинов и присоединялось ко мне. Богадуры, переходившие ко мне, подтверждали весть, что Ильяс-Ходжа послал к Кеши своих воинов.

Я, со своей стороны, послал в Кешь воинов и амиров: Сулеймана, Сайф-эд-дина Никудерийского, Джагуй-Барласа, Баграм-Джалаира и Желал-эд-дина—отразить нападение отрядов Ильяс-Ходжи. Нужно было ввести в заблуждение врага относительно численности моих воинов; я приказал своему отряду, двигаясь по дороге, как можно больше пылить. Вблизи Кеши воины моего отряда привязали ветки деревьев к хвостам своих коней, чтобы произвести побольше пыли, и поскакали по направлению к городу. Наступление моих богадуров вызвало в Кеши полную панику среди воинов Ильяс-Ходжи; они не оказали ни малейшего сопротивления моим богадурам и сразу же ударились в бегство.

Через неделю мои воины вернулись с богатой добычей.

Вскоре Суль-Умар-Баян-Сальдур присоединился ко мне с семью отрядами; прибыл также Шир-Баграм, просил у меня прощения, поздравил с блестящей победой. Я устроил большой пир в честь их прихода.

[Воины Тимура одерживают блестящую победу над воинами Ильяс-Ходжи, берут в плен многих его амиров]

Вскоре мне пришлось выступить в поход со своими воинами: Ильяс-Ходжа собрал большое

войско, чтобы напасть на меня. Во главе своих воинов он поставил Мир-Кичик-бега, Искандер-Углана и амира Сайфа. Я загадал по Корану, какая участь меня ожидает: мне открылось, что я должен победить врагов; я был очень рад и принес благодарность Аллаху за помощь.

Я пришел в местность Баш-Арыги. Я оставил там амира Хусайна, приказал ему все время быть настороже, чтобы враги, когда будут приближаться, в первую минуту не могли взглянуть нашей силы. Я разделил своих воинов на семь частей и расположился в таком порядке, как располагаются на перелете журавли; так я дошел до местности Кий²¹².

В это время Мир-Кичик-бег производил разведку с большим отрядом своих воинов и встретился со мной. Я загадал по Корану, что меня ожидает, мне открылся аят:

„Мы украсили небо, ближайшее к этому миру, светилами; мы поместили их тут для отражения демонов, для которых мы приготовили адский пламень“. (*Коран, XVII сура, 5 аят*)

Я обрадовался и двинул своих воинов навстречу воинам Мир-Кичик-бега. Отряд за отрядом подходили мои остальные воины на помощь передовым.

Сражение затянулось надолго; в моем войске произошло замешательство; тогда я поспешил сам присоединиться к воинам с избранными богадурами. Лишь только я подошел, войско Мир-Кичик-бега обуял страх. Вслед за мной вступили в бой со стороны неприятеля Искандер-Углан, амир Юсуф и амир Хамид. Я со своими богадурами пролил немало крови:

в рукопашном бою мы немилосердно рубили врагов мечами. Во время боя конь Мир-Кичик-бега упал под ним, и нам удалось захватить его в плен; чтобы освободить Мир-Кичик-бега, амир Юсуф и амир Хамид со страшным ожесточением напали на нас. Один пеший воин с такой силой ударил коня амира Хамида, что конь упал, и амир Хамид был взят в плен. Амир Юсуф повернул коня и вскачь бросился назад; по пути его стремя зацепилось за стремя встречного всадника; амир упал и также попал в наши руки. Искандер-Углан бежал и присоединился к воинам Ильяс-Ходжи.

Я был крайне доволен одержанной победой, въехал на гору и начал собирать разбросанных здесь и там по полю битвы воинов в одно место. Войско мое быстро собралось, и я с удвоенной силой бросился на отряд Ильяс-Ходжи. Я снова одержал верх; я уже собирался схватить самого Ильяс-Ходжу, как на помощь к нему прискакал Искандер-Углан; он сам попал в плен, а Ильяс-Ходже удалось бежать. Мы бросились за погоню за Ильяс-Ходжой.

В моем войске не было ни одного богадура с пустыми руками; мы захватили очень много пленников, коней, оружия и имущества. Я приказал привести к себе всех пленников, чтобы переговорить с каждым из них сообразно с его положением. Я принес Аллаху благодарность за победу, мне посланную, и перешел с войсками и добычей в местность Кар, где и остановился. Я разрешил своим воинам праздновать победу: пировать и веселиться.

Угедей, сын Чингис-хана
Миниатюра из собрания Гауарт в Париже

[Тимур беседует с пленными амирами Ильяс-Ходжи и великодушно отпускает их на свободу]

Через день по приезде в Кар я велел привести к себе взятых в плен амиров Ильяс-Ходжи.

Прежде всего я обратился к Мир-Кичик-бегу, похвалил его за верность своему хану и старался всякими посулами склонить к переходу на мою сторону; он не согласился подчиниться мне. Такую же похвалу я воздал амиру Хамиду; затем я выразил свое удивление подвигу Искандера-Углана, что он пожертвовал собой из-за Ильяс-Ходжи.

Я стал спрашивать пленных амиров, как они объясняют мои победы над их сильнейшим войском. Они отвечали: слава о моей непобедимости внушает такой неотразимый страх воинам моих врагов, что каждый мой удар по силе действия²¹³ равняется тысяче обыкновенных ударов.

— Какой же казни я должен подвергнуться?—спросил я пленных амиров.—Конечно, мы заслужили казнь, но в стране Джете найдется немало людей, которые своим долгом считают отомстить за своих родичей²¹³; если ты отпустишь пленников, слава о твоём великодушии привлечет к тебе многих: они подчинятся тебе только за то, что ты так милостиво относишься к пленникам; ты сам знаешь, что лучше: мстить или прощать,—говорили мне пленники.

Я снова попробовал заманчивыми посулами склонить их к переходу на мою сторону; они так и не согласились; я убедился в их непоколебимости, преданности своему повелителю. Я дал

щедрые подарки, освободил на волю их и других пленников и отправил всех к Ильяс-Ходже.

[Тимур захватывает Самарканд]

Вскоре я получил весть, что Ильяс-Ходжа пришел на берег Сайхуна у Ходжента. Я немедленно двинулся туда с войсками, но не нашел там Ильяс-Ходжи. Амира Сайф-эд-дина Никудерийского и амира Джагуй-Барласа я послал овладеть Самаркандом, а сам стал охотиться и с охотой тоже приблизился к Самарканду. Множество моих родичей и вассалов вышли мне навстречу со словами: „Истинное дело совершилось“.

Я остановился в Самарканде и разослал собирать отставших по дороге воинов.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ

[Амир Хусайн чинит козни Тимуру, делает ханом Мавераннехра Кабуль-шаха]

Племена Джете сами по себе, без всякого моего подстрекательства, начали враждовать между собой и возмутились против своего хана. Я желал быть единовластным правителем и решил вмешаться в дела Джете.

Но в это же время я получил нехорошие вести: амир Хусайн тайно действует во вред мне, сговаривается с главами племени Тумны, что ханом следует сделать не меня, а Кара-Джой-Джагатай-хана. Я написал письмо амиру Хусайну, что, по моему мнению, достоинство хана может получить только тот, кто много и счастливо воевал и кто уничтожил врагов Мавераннехра. Амир Хусайн не обратил никакого внимания на мое письмо, а, по сговору с главами племени Тумны, отыскал внука Джагатай-хана, Кабуль-шаха, который жил в полной бедности, и сделал его ханом. Я пришел в Кешь и оставался там.

[Амир Хусайн испытывает страх перед нашествием войск Джете и унижается перед Тимуром]

Когда наступила весна, распространились упорные слухи, что мятежники Джете с большим количеством воинов собираются напасть на Мавераннехр. Амир Хусайн в страхе поспешил собрать на совет преданных ему амиров; они порешили: воевать с воинами Джете без моего участия—немыслимая вещь. В безвыходном положении они обратились ко мне с просьбой.

Амир Хусайн писал: он—мой верный друг, но свою дружбу он докажет только потом; он не будет больше поступать, как раньше,—уверять в своей преданности, писать об этом; он догадывается о моем к нему расположении по расположению, которое сам чувствует ко мне.

О просьбе амира Хусайна узнал и воспитатель Кабуль-шаха. Он сейчас же умертвил Кабуль-шаха, поспешил притти ко мне и предложил принять его на службу. Я пришел к выводу: только очень дурной человек мог решиться убить своего повелителя, такого человека следует за гнусное злодеяние наказать самым достойным образом.

Я отослал его к родственникам убитого Кабуль-шаха, чтобы они отомстили злодею так, как он этого заслуживает.

[Тимур собирается итти войной на Джете. Рекогносцировка. Диспозиция войск Тимура]

Потом я собрал много воинов, сообщил амиру Хусайну, что собираюсь итти войной на Джете, и отправился для защиты путей через Сайхун.

Всего у меня набралось до семи тысяч воинов, которых я разделил на семь частей. Я послал гонца к амиру Хусайну; он скоро присоединился ко мне и расположился со своими воинами вблизи моего лагеря. Я разослал лазутчиков разведать о положении дел в войске Ильяс-Ходжи. Шпионы донесли мне: Ильяс-Ходжа со всеми своими воинами остановился в местности Бад. Правым и левым флангами его воинов командуют Сангин-богадур и Хаджибег; сам Ильяс-Ходжа с избранными богадурами занимает центр.

Ильяс-Ходжа выслал на разведку вперед Кипчак-богадура. Я в свою очередь выслал на разведки Аль-Джой-Ту, султана Толканского, Шир-Баграма, Пулад-Бугаира, амира Пархат и Малик-богадура под общим командованием Кутлушь-Саладжи-Арлада. Начальниками своих флангов²¹⁴ я назначил Саз-Буга и Тимура-Ходжу, а сам с избранными богадурами занял центр. Амир Хусайн перешел реку. Я высказал мнение, что нам обоим следует с двух сторон одновременно напасть на войско Ильяс-Ходжи; амир Хусайн не согласился со мной: по его мнению, нам совсем не следовало делить своих сил пополам; убедить его не было никакой возможности: волей-неволей мне пришлось подчиниться ему.

*[Удачный бой Тимура с воинами Ильяс-Ходжи
расстроен амиром Хусайном]*

Вскоре перед нами появились воины Ильяс-Ходжи. Я смутился, когда увидел значительное

превосходство неприятельских сил над моими; по своему обычаю, я загадал по Корану; мне открылся аят:

„Аллах уже помогал вам во многих битвах“.
(Коран, IX сура, 25 аят)

Прочитав этот аят, я получил уверенность в успехе. В это время передовые отряды с обеих сторон вступили в бой. Со стороны неприятеля Хаджи-бег смял воинов Саланджи-богадура и бросился на отряд амира Хусайна; с первого же натиска воины амира Хусайна подались и разбежались в разные стороны. Я молил Аллаха послать побольше твердости в бою остальным моим амирам и богадурам.

В это время амир Шамс-эд-дин со своим отрядом тоже направился в сторону отряда амира Хусайна. Я со своими богадурми напал неожиданно на амира Шамс-эд-дина ²¹⁵, смял его и прогнал к отряду Ильяс-Ходжи. Удар был настолько силен, что произвел панику среди воинов Ильяс-Ходжи.

Амиру Хусайну я послал приказание, чтобы он поскорее двигался на соединение со мной: неприятель напуган, следует теперь же напасть на него; легче победить и обратить в бегство неприятеля, который приведен уже в расстройство. Амир Хусайн без всякой причины не исполнил моего распоряжения и не пришел, хотя я не менее десяти раз посылал к нему гонцов. Стало ясно, что амир Хусайн изменяет мне; тогда я отступил и остановился; воины неприятеля были крайне измучены и тоже отступили. Всю эту ночь я ни на минуту не слезал с коня. Амир Хусайн присоединился ко мне, ко-

гда надобность в нем миновала, когда удобный момент был уже упущен. Мы поставили с четырех сторон сторожевые посты и под их прикрытием спокойно провели ночь.

[„Ядачи“. Воины Ильяс-Ходжи не выдерживают натиска Тимура]

Настало утро. После заклинаний „ядачи“²¹⁶, который был у неприятеля, пошел сильный дождь и сильно затруднял нам движение. Несмотря на дождь, я приказал трубить в трубы и со своими богадурами начал бой. Вскоре нам удалось поймать „ядачи“, который накликал дождь, и убить его; дождь сейчас же перестал. Я с такой стремительностью и силой бросился со своими воинами на неприятеля, что он не в силах был выдержать натиска: воины Ильяс-Ходжи разбежались в разные стороны. Мои воины их преследовали, я с двумя тысячами всадников остановился на месте и приказал играть музыке.

[Амир Шамс-эд-дин наносит поражение воинам Тимура. Рассуждение Тимура о вреде двоевластия на поле битвы]

Вдруг совершенно неожиданно на нас напал с несметными полчищами воинов амир Шамс-эд-дин, глава амиров. Я тотчас же послал ему навстречу тысячу всадников. Бой продолжался целый день без перерыва до наступления темноты. Посланная мною тысяча всадников погибла вся целиком от бесчисленных врагов. Я получил весть о гибели отряда и понял, что больше продолжать бой невозможно; в эту же

ночь я отступил по направлению к городу Кешь. Вот какая незадача постигла нас только потому, что амир Хусайн упрямо не захотел последовать моему совету—напасть на Ильяс-Ходжу сразу с обеих сторон! Как ясно, что двоевластие во время боя всегда пагубно отражается на исходе сражения. Как подтвердилась поговорка, что „две головы рогатых баранов нельзя сварить в одном котле“!

[Амиры Тимура терпят поражение от Келек-Тимур-богадура, главы амиров Джете]

Амир Хусайн перешел Джайхун и со своими родичами, а также с близкими амирами остановился на берегу реки, рассчитывая бежать в Индустан, если воины Ильяс-Ходжи двинутся в его сторону. Амир Хусайн приглашал и меня последовать его примеру, но я наотрез отказался: я рассчитывал набрать сначала побольше воинов и потом уже с бóльшим успехом произвести нападение на воинов Ильяс-Ходжи.

Вскоре я собрал два отряда. До меня дошли вести, что амиры Джете пришли с большим числом воинов и расположились в горах Самарканда. Я отделил тогда три отряда под началом Тимур-Ходжи-Углана, Аббаса-богадура и Чадырджи-богадура и приказал им напасть внезапно на воинов Джете. За первыми тремя отрядами я отправил еще два под началом Дауд-Ходжи и Хиңду-шаха; два отряда должны были составлять резерв для передовых отрядов. Задние отряды скоро догнали передовые, но те своей трусостью нагнали страх, уничтожили всякую уверенность в победе и в двух задних от-

рядах: Дауд-Ходжа и Хинду-шах с позором повернули обратно.

Скоро я получил весть об их неудачах. Бежавшие амиры были очень смущены своим поражением. На пути они встретили только Кепек-Тимура-богадура, главу амиров Джете, бились с ним, потерпели неудачу, бежали и по одиночке вернулись ко мне. Я собрал рассеявшихся воинов, двинулся в сторону Балха и остановился на берегу реки Джайхун. В этом месте ко мне присоединилось много богадуров: Кепекхан, Туман и Ильчи-Бугай-Сальдур с большим количеством воинов пришли ко мне.

[Самарканд терпит бедствия от войск Джете, жестоких холодов и моровой язвы]

К нам пришла весть, что войска Джете взяли и разграбили несколько городов. Встревоженный этим, я переправился через реку Джайхун. В это время я получил известие из Самарканда, что туда тоже явились враги. В Самарканде не было крепости; жители перегородили улицы и, укрепившись таким образом, ждали, что я с моими воинами приду к ним на выручку. Я немедленно двинулся к Самарканду с тысячьо всадников. По дороге до нас дошли еще более печальные вести: неприятель со всех сторон обложил Самарканд; там стоял жестокий холод, и свирепствовала моровая язва. Я двинулся быстрее и нашел жителей Самарканда в самом ужасном состоянии. Я не стал сам много заниматься Самаркандом, а оставил там для боев с войсками Джете амира Джагуй-Барласа, амира Сайф-эд-дина Никудерийского, Ак-Буга, Ильчи-

Бугай-Сальдура, а сам отправился в сторону Баклана. Туда ко мне явился и амир Хусайн. Из Баклана я перешел в Карши, чтобы там провести зиму. Я решил дать отдых всем своим воинам: распустил их по домам и приказал вновь собраться ко мне на будущую весну к празднику Науруз²¹⁷.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ

Город Карши носил также название Кепекхан-магмурассы²¹⁸; я распорядился построить вокруг города стену и укрепить ее; построил внутри города много красивых зданий²¹⁹. Наступила весна. Я собрал своих воинов и, посоветовавшись с амиром Хусайном, направился к Самарканду. Вблизи Самарканда мы разбились налатки и расположились большим станом.

[Жадность амира Хусайна]

Амир Хусайн был вместе со мной, но втайне он завидовал моим успехам в боях; поэтому, когда я собирался идти на Самарканд, амир Хусайн вдруг стал взыскивать с моих амиров все, что они истратили, хотя всю дань амиры тратили на воинов. Этот поступок амира Хусайна так возмутил меня, что в припадке гнева я хотел убить его; но в это время мне пришел на память аят из Корана:

„Старайтесь заслужить прощение Аллаха и обладание раем, обширным, как небеса и земля,

назначенным тем, которые боятся Аллаха, тем, которые дают милостыню как при достатке, так и при нужде, которые умеют укрощать гнев свой и которые прощают людям, их оскорбляющим". (Коран, III сура, аят 127 и 128)

И я отказался от своего злого умысла.

Я послал письмо амиру Хусайну, высказал, что не нахожу ничего предосудительного в том, что он добивается получения своей доли добычи и послал ему верблюдов и коней. Моя жена, сестра амира Хусайна, Аль-Джой Туркан-ага, послала брату в подарок много скота, имущества и драгоценности; амир Хусайн все это взял с жадностью. Я послал ему много денег, он тоже все их взял, не зная предела своим желаниям; он оставался все время недоволен тем, что имеет. Мои амиры ненавидели амира Хусайна за такую жадность и скупость.

Когда войска Джете напали на города Мавераннехра, амиры стратили много денег, чтобы привести в порядок крепости перед приходом врагов. Амир Хусайн из скупости несправедливо обвинил некоторых амиров в излишних тратах; они доказывали свою правоту, ссылаясь на мой приказ о постройке крепостей. Во время борьбы с воинами Джете амир Хусайн из корысти притеснял многих жителей Самарканда. Поступки амира Хусайна вызывали страшное негодование жителей Самарканда; жители старались всячески настроить меня против амира Хусайна, я же всеми силами старался не нарушать правил дружбы по отношению к родичам.

[Тимур пытается всеми средствами доказать свою приязнь к амиру Хусайну и убедиться в его расположении к нему]

В то же время враги амира Хусайна возбудили против него некоторых его богадуров и направили их ко мне. Я несколько раз приказывал им возвратиться к амиру Хусайну и повиноваться ему, но они меня не послушались. Я написал амиру Хусайну и просил его простить этих изменников и взять их к себе; амир Хусайн на мое предложение не согласился.

Амир Муса и Али-Дервиш-Джалаир, зять, но враг амира Хусайна, всячески старались утвердить во мне вражду к нему: они написали письмо, что намереваются убить амира Хусайна. Мои враги, желая повредить мне, написали амиру Хусайну подложное письмо от имени моей жены, где сообщалось, будто я замышлял убить амира Хусайна.

Он прислал мне это письмо, но я сейчас же дал ему знать, что это письмо подложно. Я желал еще убедительнее доказать амиру Хусайну, что не питаю к нему зла, и послал к нему амира Мусу и Али-Дервиш-Джалаира, но они по дороге бежали в сторону Ходжента.

Бегство двух амиров, кажется, должно было окончательно убедить в подложности письма, будто бы посланного ему моей женой, но амир Хусайн не придал ровно никакого значения и этому доводу; я все более и более убеждался, что он восстановлен против меня и желает мне только зла.

[Силлогизмы Шир-Баграма]²²⁰

Я продолжал все-таки по-дружески относиться к амиру Хусайну; однако я спросил однажды амира Шир-Баграма, что он думает об отношении ко мне амира Хусайна. Тот откровенно отвечал: для него не подлежит никакому сомнению—амир Хусайн из зависти желает мне зла. Я просил Шир-Баграма привести мне доказательства в пользу его мнения.

Удостовериться в искренности амира Хусайна,—ответил Шир-Баграм,—очень легко.

Если амир Хусайн расположен ко мне, он должен милостиво отнестись и к тому, кто служит у меня; нужно написать амиру Хусайну просьбу о прощении всех, кто раньше служил амиру Хусайну, а теперь служит мне;

если амир милостиво отнесется к просьбе о прощении, значит, и ко мне он дружески расположен;

если, наоборот, он не помилует тех, кто обращался к нему с просьбой, значит, он и мне желает зла.

Сказано—сделано: сам Шир-Баграм и некоторые другие амиры написали просьбу о прощении и послали ее амиру Хусайну. Тот разорвал просьбу и сказал, что он не только никогда не согласится простить изменников, но и от души рад был бы их истребить.

[Шир-Баграм изменяет Тимуру и переходит на сторону амира Хусайна]

Когда мне сообщили про эти слова амира Хусайна, я решил покончить с ним и тотчас же послал Шир-Баграма и Адиль-богадура в

область Джилян, чтобы они собрали там и привели ко мне воинов. Шир-Баграм собрал много богадуров и укрепился в Сатруни и Каите²²¹. В это время амир Хусайн стал льстивыми посулами склонять Шир-Баграма изменить мне и вновь перейти на службу к нему. Амир Хусайн в конце концов добился своего. Когда я узнал об измене Шир-Баграма, я написал ему такое письмо:

„Презренный! ты сам поссорил меня с амиром Хусайном, ты зажег огонь, от которого сам сгоришь и будешь растоптан“.

Так в конце концов и случилось. После этого я послал к Ходженту Аббас-богадура и амира Джагуй-Барласа; они поняли, что ссора между мною и амиром Хусайном не может окончиться примирением, и решили остаться там; я об этом узнал.

**МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ
ЛЕТ**

*[„Перелеты“ амиров от Тимура к амиру
Хусайну и обратно] ²²²*

Когда я двигался от Карши к Самарканду и сделал один переход, амир Сулейман и Чадырчи бежали от меня и присоединились к амиру Хусайну. Вскоре умер амир Хызр-Ясаури. Тогда Али-Дервиш-Джалаир, Ильяс-Ходжа, Махмуд-шах бежали от амира Хусайна и присоединились ко мне.

В то же время вернулись из Ходжента и тоже пришли ко мне амир Джагуй-Барлас, Аббас-богадур и Баграм-Джалаир.

Я прибыл в Самарканд. Жители очень просили меня назначить им правителя, кого я только пожелаю. Я назначил Кара-Хинду. Когда я ушел из Самарканда, я узнал, что правитель, которого я назначил, индус душой, изменил мне и перешел на сторону амира Хусайна!

[Смерть жены Тимура, Аль-Джой Туркан-ага]

В это время я был сильно потрясен печальным известием: моя жена Аль-Джой Туркан-ага, се-

Чингис-хан на троне
Джагатайские рукописи Британского музея

стра амира Хусайна, скончалась. Я вспомнил тогда аят Корана:

„Те, которых коснется беда, восклицают: „Мы во власти Аллаха и к нему возвратимся!“ (Коран, II сура, 151 аят)

Амир Хусайн, услышав о смерти своей сестры, тоже был очень огорчен. Со смертью моей жены прекратилось и наше родство с амиром Хусайном: между нами не осталось ничего, кроме вражды и ненависти.

[Тимур готовится к борьбе с амиром Хусайном]

После совещания со своими амирами я стал собирать воинов, чтобы напасть на амира Хусайна. Я молил Аллаха словами:

„Он—лучший из защитников, и на него можно полагаться“.

Я вышел из Карши и прежде всего послал амира Сайф-эд-дина Никудерийского с отрядом воинов вперед, в Джеханы, чтобы разведать о намерениях амира Хусайна.

Вскоре я получил весть от амира Сайф-эд-дина: мой враг втайне собирал воинов для борьбы со мной, действуя с большою хитростью; амир Сайф-эд-дин настойчиво советовал мне большую осторожность и бдительность.

Я двинулся в город Кахлака; в это время пришло письмо от амира Хусайна; он настойчиво желал заключить со мной самый тесный союз, и не на словах только, а „вполне искренно“. Амиры Ясура очень опасались амира Хусайна; они узнали про письмо, решили, что мы скоро помиримся, и задумали бежать. Я прослышал

про их намерение и на глазах у них разорвал письмо амира Хусайна; мои амиры убедились, что отныне один только меч может решить наше дело; мой поступок, как мне сказали после, очень понравился всем.

Амир Хусайн узнал, что я не собираюсь с ним мириться, и отступил.

Я вернулся в Карши.

*[Амир Хусайн ложной клятвой на Коране
пытается захватить в плен Тимура]*

Через несколько дней амир Хусайн выслал вперед Шир-Баграма, а потом двинулся сам; у него было хитрое намерение; он пришел в Учъ-Ганы и сделал остановку; я находился в Хырасе. В это время ко мне явился казначей амира Хызра и принес Коран; на этом Коране, по его словам, амир Хусайн дал клятву никогда не враждовать со мною; пусть он позволит себе хоть что-либо сделать во вред мне, тогда он будет моим пленником. Посол добавил, что амир Хусайн очень желает для большей убедительности повторить свою клятву в моем присутствии; он просит меня повидаться с ним в долине, которая принадлежала Мир-Кичик-бегу.

В долине, где предполагалась наша встреча, амир Хусайн позаботился приготовить засаду для меня—два отряда воинов, чтобы захватить меня в плен, если я туда приду. Я догадался, что и клятва, и приглашение—не больше как хитрость со стороны моего врага; чтобы не восторжествовало предательство амира Ху-

сайна, я со своей стороны тоже расставил в разных местах степи отряды своих богадуров.

Между тем от амира Хусайна пришло известие, что он направляется в долину без войска, в сопровождении лишь самых приближенных к нему ста богадуров; он меня просит довериться ему и так же, как и он, идти в долину без воинов.

В середине долины,—писал мне амир Хусайн,—есть хорошее место; там мы встретимся.

Я чуял хитрость амира Хусайна и вступил в долину с тремястами всадников, а амир Хусайн взял с собою до тысячи всадников. Я издали заметил амира Хусайна, который двигался мне навстречу, и остановился. Тайно поставленные Хусайном амиры и отряды воинов напали на меня; скрытые для моей защиты воины бросились тогда с двух сторон и вступили в бой с врагами. Удар моих богадуров был настолько силен, что воины амира Хусайна не выдержали даже первого натиска и в страхе обратились в бегство. Мои богадуровы с яростью преследовали воинов амира Хусайна и многих перебили и ранили. Беглецы направились к знамени своего повелителя; тот был совершенно уверен, что я буду взят в плен его войсками, и спокойно поджидал, когда меня, связанного, приведут к нему. Велико было изумление амира Хусайна, когда он увидел, что его воины со всех сторон бегут; только теперь он понял, что его замысел против меня потерпел полную неудачу.

Гнев его обрушился на Шир-Баграма!

*[Амиры Тимура дают торжественную клятву
никогда не изменять ему]*

Таким образом я остался победителем, вернулся в Карши и, довольный успехом, там отдыхал. Но и в Карши я не терял своего врага из виду; прилагал все усилия, чтобы получать точные вести о том, что делает амир Хусайн.

Я собрал всех своих амиров и сказал им торжественное слово:

— Кто из вас будет служить мне верой и правдой, пусть будет уверен, что я буду обращаться с ним, как с братом; я всегда делил поровну между вами всю добычу; так же буду поступать и вперед. Кто из вас не чувствует доверия и преданности ко мне, пусть лучше немедленно покинет меня.

Все амиры уверяли меня в своей преданности, поклялись мне в верности, и каждый собственной рукой подписал обещание в таких словах:

„Мы дали великое обещание никогда не покидать амира Тимура. Аллах—наш свидетель; если мы изменим своему слову, пусть Аллах жестоко покарает нас за это“.

Таким образом я убедился в преданности моего войска.

Я двинулся в Бакан, чтобы подчинить себе племя санджар. До меня дошли вести, что амир Хусайн послал около двенадцати тысяч всадников, под предводительством амира Мусы и амира Малик-богадура, для захвата города Карши и для преследования меня. Я не знал, что и предпринять, подкрепил обещанием наград бодрость духа моих воинов и продолжал дви-

гаться к санджарам; этому племени я вперед дал знать, что иду к ним. Санджары раньше получили от меня много милостей, а потому из благодарности поспешили выслать мне навстречу отряд в тысячу всадников и богатые подарки; некоторых из моих амиров они пригласили в свою столицу и угостили.

На некоторых своих амиров я все-таки не мог вполне положиться, не чувствовал полной уверенности в их преданности. Когда весть о моем недоверии,—я его не слишком скрывал,—дошла до этих амиров, они пришли ко мне с Кораном и с мечами²²³ и сказали:

— Если ты веришь в нашу клятву, то вот—Коран; если же ты хочешь убить нас, то вот—меч.

Я принял их очень милостиво и убедился в их преданности. Это были:

амир Джагуй-Барлас,
Абгу-Тимур,
амир Сары-Бугай,
амир Баграм-Джалаир,
амир Муайяд-Барлас,
амир Сайф-эд-дин Никудерийский,
амир Аббас,
Хасан-богадур,
Ак-Буг,
амир Муайяд-Арлад,
Ак-Тимур-богадур,
амир Ильчи-Бугай-Сальдур,
Кипчак-богадур,
Махмуд-шах-Бухари.

Так все они еще раз убедили меня в своей верности, и я спокойно двинулся к санджарам.

[Воины амира Хусайна занимают Карши. Тимур хитрит, чтобы отвоевать Карши и достойно наказать амира Хусайна]

Я сделал уже четыре дневных перехода, когда военачальник амира Хусайна, Хинду-шах, занял Карши и дал об этом знать амиру Хусайну. Эта весть возмутила меня до глубины души. Я решил покончить с злодеем и распустил слухи, будто отправляюсь в Хорасан; на самом же деле я отправил к санджарам те войска, которые считал худшими, а сам с отборными богадурями двинулся в другую сторону и остановился у колодца Исаака²²⁴; там пробыл некоторое время. Воины, отставшие по дороге, успели к нам присоединиться. Оттуда я отправился в Бахан, чтобы обмануть врагов. Я не надолго остановился на берегу Джайхуна, а затем перешел реку. Когда весть о моей переправе через Джайхун дошла до Карши, то и воины и амиры Муса и Хинду-шах успокоились. Я пробыл там два дня, пока все мои воины не перебравшись через реку.

Отсюда я послал грамоты в Герат и Мухаммед-бегу Джаны-Курбаны. Одного надежного богадуря я выслал в Хорасан—успокоить его жителей, а сам степной дорогой пришел в Шураб, где и остановился на два месяца; там я занялся охотой. В Герат и Мухаммед-бегу Джаны-Курбаны я послал богатые подарки. Вскоре я получил оттуда ответные грамоты с выражением безусловной преданности мне; вместе с грамотами мне было прислано очень много подарков; все эти дары я поделил между своими воинами.

[Караван из Хорасана в Карши²²⁵]

В это время мимо нас из Хорасана в Карши проходил большой караван. Когда караван приблизился к моему отряду, то начальник каравана, опасаясь с нашей стороны грабежей и насилия, явился ко мне с богатыми дарами. Я стал расспрашивать его о Хорасане и узнал от него, что население, услышав о том, что я туда двигаюсь, было очень радо и возносило благодарность Аллаху. Начальник каравана просил меня дать ему провожатого и таким образом оградить караван от нападения моих воинов. Я отдал приказание, и караван благополучно проследовал в Карши. Амир Муса и амир Хинду-шах спросили начальника каравана, что я делаю, и решились идти вдогонку за мной на Хорасан.

[Тимур в сопровождении трехсот сорока избранных богадуров выступает, чтобы отнять Карши у амира Хусайна]

В Карши амир Муса оставил своего сына, а сам с семью тысячами воинов дошел до местности Ниммург, где и остановился. Отсюда амир Муса написал письмо амиру Хусайну с просьбой о подкреплении. Амир Хусайн выслал отряд в пять тысяч воинов; они, нисколько меня не опасаясь, расположились в местности Рашун и пировали там, не принимая даже необходимых мер предосторожности. Я разведал про это и решил врасплох напасть на них; для этого дела я отобрал триста сорок богадуров, лично мне известных своей храбростью.

Перед выступлением я, как всегда, загадал по Корану, и мне открылся аят:

„В этот день верующие возрадуются победе, одержанной помощью Аллаха; он помогает, кому хочет, он—могуч, милосерд“. (Коран, XXX сура, 3 и 4 аят)

С этими тремястами сорока богадурами я собрался в поход. Когда я вышел из своей палатки, мои амиры восторженно меня приветствовали. В числе амиров, отобранных мною, были:

амир Муайяд-Арлад	}	женатые на моих сестрах,
амир Дауд-Барлас		
амир Джагуй-Барлас,		
Суюр-Гитмишь-Углан,		
амир Сары-Бугай,		
Хасан-богадур,		
амир Сайф-эд-дин Никудерийский,		
Аббас-богадур Кипчакский,		
Ак-Тимур-богадур,		
Махмуд-шах-Бухари.		

Прежде всего ко мне обратился с приветствием амир Муайяд-Арлад, и я принял это за предзнаменование помощи Аллаха²²⁶. Потом высказал свое приветствие Тугуль-богадур, и я возложил свои упования на милость Аллаха²²⁷. В это же время я загадал по Корану, и мне открылся аят:

„Аллах поможет тому, кто полагает на него упование; Аллах ведет свои определения к доброму концу“. (Коран, XV сура, 3 аят)

Когда я прочитал эти слова, я ободрился в душе и почувствовал в себе уверенность, что задуманное мною предприятие несомненно будет успешно. Я переправился через Джайхун и двинулся в местность Азсанат.

По дороге в Карши я поставил сторожевые отряды, загородил дорогу таким образом, чтобы никто не мог пройти незамеченным. Я сделал несколько переходов и приблизился к городу Саркенду. Амир Джагуй-Барлас пришел ко мне и сказал, что, по его мнению, следует здесь остановиться и подождать, пока соберутся отставшие по дороге воины. Я согласился и приостановил движение моего отряда.

[Тимур один глубокой ночью производит разведку укреплений Карши]

Чтобы остановка не прошла даром, я приказал готовить крепкие штурмовые лестницы. Сам я, ничего не говоря войску, с сорока богадурями, тихо, пользуясь темнотой ночи, пробрался к крепости Карши. Ров оказался полон воды, но нам удалось найти крепкий мост для перехода через ров. Здесь я оставил сопровождавших меня богадуров, отдал своего коня моему верному конюху Абдулле, один пошел к крепостным воротам и постучал рукой; никто мне не отвечал. Я убедился, что все население и воины, защищавшие крепость, спят богатырским сном, даже сторож у крепостных ворот и тот уснул. Благодаря такой беспечности я имел полную возможность хорошо ознакомиться с расположением всех укреплений Карши, узнал все входы и выходы и определил места, где всего удобнее поставить штурмовые лестницы. Таким образом я разузнал все, что мне было нужно, сел на коня и вернулся в свой стан.

[Ночной совет амиров Тимура; похвала храбрости Тимура]

Я собрал всех амиров на совет и подробно рассказал им расположение крепости, которую нам предстояло штурмовать. Все амиры, когда узнали, что все сведения о крепости Карши добыты мною лично, что я ночью один ходил для разведок к крепости, удивлялись моей храбрости; некоторые из них даже осуждали меня за мое ночное предприятие, связанное с такою опасностью для жизни.

[Захват крепости Карши богадурами Тимура]

Я выделил из своего отряда сорок воинов для присмотра за конями, а сам, верхом на коне, с тремястами пеших храбрецов, вооруженных мечами и пращами, двинулся к Карши, соблюдая самую строгую тишину. Все мои богадуры перешли по крепостному мосту, быстро расставили штурмовые лестницы и по ним скоро проникли в крепость. К моему удивлению, никто в крепости не проснулся. Я послал нескольких богадуров занять крепостные ворота. Каждого из привратников, которые просыпались при приближении богадуров, они немедленно убивали, но все-таки крики стражей будили население крепости. Тогда я приказал затрубить во все трубы и бить во все барабаны; невероятный шум произвел на сонных жителей впечатление, как будто внезапно произошло землетрясение; все пришли в неописуемый ужас, а воины, защищавшие крепость, попрыгали в дрова и солому.

Начальник крепости Карши, сын амира Мусы, Мухаммед-бег, увидел, что перевес на нашей стороне, сошел с крыши внутрь дома и там заперся; мы подожгли этот дом; все выбегавшие оттуда были взяты в плен и доставлены ко мне. Наконец привели и Мухаммед-бега, сына амира Мусы: передо мной стоял очень молодой юноша, почти мальчик, я дивился его храбрости и обошелся с ним, как с родным сыном. Я пощадил все население Карши, а добычу разделил поровну между всеми своими богадурами.

[Тимур располагает своих богадуров для обороны крепости Карши]

Я расположил своих богадуров по укреплениям крепости Карши; к воротам Хызар приставил амира Сары-Бугая, амира Сайф-эд-дина Никудерийского, Дауд-Барласа и Муайяд-Арлада; Сюр-Гитмишь-Углана, амира Аббаса, Хасан-богадура и Ак-Буга я поставил у других ворот по стенам крепости; остальных своих богадуров я расположил по крепостным башням.

[Амир Муса ведет осаду Карши; удалые подвиги амиров Тимура]

Я пожаловал своей милостью все семейство амира Мусы и отправил к нему всех членов его семьи, взятых в плен. Амир Муса, как только до него дошли вести о захвате мной крепости Карши, вместе с Малик-богадуром собрал до двенадцати тысяч храбрых всадников и двинулся по направлению к Карши, чтобы отобрать у нас крепость.

С двенадцатитысячным войском амир Муса осадил меня в Карши. Я сейчас же отрядил амира Муайяд-Арлада с сорока всадниками и Ильчи-Бугай-Сальдура тоже с сорока всадниками и послал их вечером в субботу произвести нападение на амира Мусу. Они навели ужасную панику на воинов амира Мусы, будто волки напали на стадо баранов; из посланных мною богадуров некоторые, правда, были избиты и ранены, зато в неприятельском отряде они очень многих перебили, ранили, захватили многих пленников, которых и привели ко мне. В числе пленников оказался и Шадраван-богадур. Я решил оказать ему гостеприимство, принял его с почетом, устроил ему угощение; я предоставил на его усмотрение возвратиться к амиру Мусе или же остаться у меня. Шадраван-богадур пожелал остаться служить мне.

Через три дня я послал Ак-Тимура к амиру Мусе в Шадраван. Он быстро двинулся и храбро напал на воинов амира Мусы. Ему удалось отбить у врагов и привести ко мне до ста коней. Кендже-богадур с двумястами всадников, заняв одни ворота, находился за стеной. Ильчи-Бугай-Сальдур и Ак-Тимур-богадур с шестидесятью всадниками положили через ров досчатый мост, вышли из крепости, перебили пращами и избili до тысячи двухсот неприятельских воинов.

[Подвиг Гази-Буган-богадура]

В это время на помощь неприятельскому отряду прибыл Тага-Бугай-богадур, а я со своей

стороны выслал на помощь моим воинам Биргуджи-богадур. Оба отряда с такой стремительностью и отвагою бросились в бой, что все, видевшие сражение, не могли удержаться от удивления и одобрения.

Во время боя произошел замечательный случай: из рядов неприятеля вышел известный своей храбростью и непомерной силой узбек и замахнулся, собираясь ударить тяжелой палицей по голове Гази-Буган-богадур, но Гази-Буган-богадур сам схватил руки узбека вместе с палицей, заложил их ему за спину и в таком виде привел его в крепость, как птицу, которую держат за оба крыла. Все, кто видел этот поединок²²⁸, говорили, что Гази-Буган-богадур совершил подвиг, напоминавший подвиги древних богатырей Рустема²²⁹ и Исфендиара²³⁰; все неприятельские воины пришли в испуг и укрылись за ров, но и там их преследовали мои воины и выгнали их оттуда. Амир Муса и Малик-богадур с испугу спрятались в садах.

Тугуль-богадур с двумя стами всадников напал на отряд моих богадуров и потеснил их. Я заметил, что мои богадуры отступают, приказал трубить в трубы и сам бросился к ним на помощь; увидев меня, оробевшие было богадуры снова вступили в бой и перебили много врагов между стенами. На Ильчи-Буга и Тугуль-богадур мои воины бросились с мечами через пролом в стене. Оба они со своими отрядами бежали. Амир Баграм-Джалаир и Маджур Хорасанский кинулись за ними в погоню; первый из них почему-то принял Маджура Хорасанского за моего врага и убил его.

[Тимур отбивает от стен Карши амира Мусу]

Амир Муса, не зная, что предпринять, послал на ворота Хызар отряд в пять тысяч воинов. Четыре тысячи воинов под личным предводительством амира Мусы напали на меня; я сначала мог противопоставить нападающим только до ста всадников, но они не могли справиться с бесконечно сильнейшим неприятелем; чтобы помочь моим воинам, я сам открыл стрельбу. Один из брошенных снарядов очень удачно попал в самого амира Мусу; он так испугался, что сейчас же бежал в свою страну с семитысячным отрядом.

Пять тысяч неприятельских воинов, которые под предводительством Малик-богадура бились у ворот Хызар с амиром Сайф-эд-дином Никудерийским и амиром Сары-Бугаем, после нескольких стремительных ударов моих богадуров тоже обратился в бегство; Малик-Бауд следовал за ними; спасшиеся бегством неприятельские воины присоединились к амиру Мусе. Они были до того перепуганы, что оставили в степи Арзу-Маликага, дочь Баязид-Джалаира, жену амира Мусы. Я обрадовал ее своею милостью и отослал к одному шейху. Мы преследовали неприятеля до Кизыл-тога.

[Тимур отправляет своих богадуров овладеть Бухарой]

Затем я собрал на совет всех амиров; с общего согласия решено было зимовать; это нашли выгодным и бухарские амиры; я возвратился в Кеш, потому что город был обильно снабжен

съестными припасами и хорошо укреплен. В сторону Бухары я отправил отряд под предводительством Махмуд-шах-Бухари и приказал овладеть городом.

Войска амира Хусайна, бежавшие от Карши, услышали, что амир Хусайн их проклял, устыдились, выбрали своим предводителем амира Мусу и в количестве десяти тысяч человек под предводительством десяти амиров двинулись по направлению к Бухаре, чтобы захватить ее. Я послал против них правителя Герата, Малик-Хусайна, который раньше испытал мое великодушие.

[Тимур отправляется в Мавераннехр]

Жители Мавераннехра настойчиво призывали меня к себе. Я внял этим просьбам и решил отправиться туда. Я оставил вместо себя при воинах моего старшего сына, Мухаммед-Джехангира, а аталыком²³¹ к нему назначил Мубарак-шаха. Я загадал по Корану, и мне открылся аят:

„Кто уповает на Аллаха, тому он—довольство; Аллах совершит свое дело“.

Я очень обрадовался этим словам. Я переправился через Джайхун и был в нерешительности, куда мне лучше направиться: в Самарканд или Бухару.

[Тимур отбивает от Карши воинов из отряда амира Мусы]

В это время ко мне пришла весть, что большое количество воинов из отряда амира Мусы сосредоточилось близ Карши; поэтому я туда

и направился. Я быстро напал на врагов, обратил их в бегство, взял в плен амиров Кайсара и Урды-шаха и овладел богатой добычей, которую и разделил между своими воинами.

[Тимур ведет бой в степи Кузы с Хинду-шахом и амиром Сулейманом]

Прослышав про мою победу, Хинду-шах и амир Сулейман бежали с пятью тысячами всадников и собрались в заранее намеченном месте, чтобы подготовиться к предстоящему бою с моими воинами. Я узнал об их приготовлениях и решил внезапно напасть на них. Я разделил всех своих воинов на семь частей. Шейх-Алибогадура и амира Джагуй-Барласа я выслал на разведку, начальниками отдельных частей моего отряда я назначил Дауд-Барласа, Сары-Джойбогадура, Хинду-шаха, Ильчи-богадура, Али-Ясаури и Махмуд-шаха. В это время ко мне пришло известие, что мои враги, собравшись вместе, сами решили напасть на меня. Я стал также собирать моих воинов и готовить их к бою в степи Кузы. Наконец мы издали увидели, что к нам приближаются неприятельские отряды.

Я заметил, что враги идут несколькими отрядами, и приказал вступить в бой передовым отрядам, которые находились на правом и левом флангах; на поддержку им я выслал еще много воинов. Бой был кровопролитный и продолжался с утра до вечера. Я сам с несколькими богадурами без страха ринулся в бой. С помощью Аллаха мне удалось рассеять моих врагов, как дым. Я взял много пленников и овладел боль-

Тимур на троне

Миниатюра 6. Королевского этнографического музея в Берлине

шим количеством оружия. Я горячо благодарил Аллаха за дарованную мне победу. Мои войны преследовали беглецов и многих врагов захватили в плен.

[Пленник Тимура, Аль-Джой-Ту, султан Толканский]

Среди пленников между прочим оказался Аль-Джой-Ту, султан Толканский. Увидав меня, он сказал, что из благодарности он был предан амиру Хусайну и служил ему, а теперь он готов служить мне с такой же преданностью, если я того пожелаю.

— Если же ты не пожелаешь принять меня к себе на службу,—добавил он,—и находишь нужным казнить меня, то пусть так и будет.

Я поспешил ободрить Аль-Джой-Ту и хвалил его храбрость. Некоторые из моих амиров советовали мне убить Аль-Джой-Ту, но я не согласился, а напротив, обласкал его, назначил его начальником отдельного отряда, пожаловав ему грамоту. Он был в восторге от моего великодушия. Впоследствии Аль-Джой-Ту, султан Толканский, оказал мне столько важных услуг, что невозможно всех их перечислить.

Таким образом я прогнал воинов амира Хусайна.

[Чакыр-богадур занимает Самарканд; успешный бой Тимура с войсками Чакыр-богадура]

Чакыр-богадур занял Самарканд; чтобы задержать его там, я выступил по направлению к Самарканду. Я написал письмо Чакыр-богадуру

и приглашал его добровольно подчиниться мне. Я обещал ему в награду за преданность сделать его амиром, но Чакыр-богадур ответил мне, что он предан амиру Хусайну и безмерно благодарен ему за все его милости.

„Если я изменю амиру Хусайну,—писал Чакыр-богадур,—то кто же мне после этого поверит?“

Я не мог не похвалить такой преданности Чакыр-богадура своему повелителю.

Я подошел к Самарканду; оттуда вышел с войнами Чакыр-богадур и вступил в бой с моими отрядами. С первого же удара мне удалось обратить в бегство воинов неприятеля. Ак-Тимур преследовал их до ворот города и даже отнял у Чакыр-богадура его пояс²³².

[Амиры Кай-Хисрау-Джилян и Баграм-Джалаир возвращаются служить Тимуру]

После победы я оставался некоторое время на одном месте. Мне сообщили, что богадуры, преданные амиру Хусайну, пришли из области Кушь и заняли Мачук, а сам он двигается сзади. Я собрал на совет своих амиров и обсуждал с ними, что делать дальше. Я перешел реку Джайхун и в четыре перехода достиг Ходжента.

Амир Хусайн особенно не любил двух своих амиров, и оба они знали об этом. Это были Кай-Хисрау-Джилян и Баграм-Джалаир, которые раньше бежали от меня и стали служить амиру Хусайну. Оба они, зная нерасположение к ним амира Хусайна, прислали мне письмо; они писали, что обратились за помощью к хану Джете, получили от него семь тысяч всадников и

прибыли в Ташкент, чтобы служить мне, они ждут меня в Ташкенте.

Я поспешил двинуться в Ташкент; Кай-Хисрау-Джиляны устроил мне торжественную встречу и богатое угощение. Я пробыл в Ташкенте целый месяц. Амир Кай-Хисрау-Джиляны был женат на дочери умершего хакана Джете, Туклук Тимура; у него была дочь, которую я сговорил за своего сына, Мухаммед-Джехангира. Амиру Баграму-Джалаиру я пожаловал у себя большую службу.

[Тимур ведет успешный бой с войсками амира Хусайна в Джехан-шахе]

В это время до меня дошли вести, что амир Хусайн остановился в Гираке и Яйлаке. Мне сообщили, что амир Хусайн приказал двенадцати тысячам воинов напасть на меня и немедленно выслал вперед Малик-богадура с тремя тысячами всадников. Я прибыл с войсками в Джехан-шах и рассеял в разные стороны наступавших на меня воинов. В бою я захватил большую добычу и много оружия и разделил все между своими войсками. Кай-Хисрау-Джиляны вскоре тоже присоединился ко мне.

[„Могольское“ знамя Тимура устрашает воинов Малик-богадура]

С общего совета мы остановились в местности Варак и оттуда тремя отрядами двинулись дальше. Чтобы навести страх на врага, мы распространили слух, что пришли моголы и выпустили могольское знамя²³³. Так мы догнали Малик-богадура. Увидя могольское знамя, вой-

ска Малик-богадура в страхе бежали и присоединились к амиру Хусайну. Я одержал таким образом полную победу и передвинулся в местность Рабат-Малик. Там амир Кай-Хисрау-Джиляны торжественно встретил меня и поздравил с победой.

[Неудачная попытка амира Хусайна встретиться с Тимуром]

Мы расположились на отдых и хотели отпраздновать как следует наши победы над воинами амира Хусайна, но вскоре пришла весть, что, по слухам, амир Хусайн устыдился своей вражды ко мне и приближается ко мне. Я тоже двинулся к нему в местность Барсын. Стоял сильный холод, и выпало очень много снега; я узнал, что амир Хусайн возвратился назад, повернул поэтому и я и провел зиму в Ташкенте.

[Муллы Ташкента, Андиждана и Ходжента пытаются примирить амира Хусайна с Тимуром]

Наступило лето. Я собрал на совет своих амиров и решил послать хану Джете богатые подарки и просить у него помощи. Хан прислал мне в помощь десять тысяч всадников.

Амир Хусайн узнал, что ко мне прибыла большая помощь от хана Джете. Он написал мне письмо, снова клялся Кораном, что никогда ничего не предпримет против меня, и просил меня помириться с ним. Муллы из Ташкента, Андиждана и Ходжента принесли ко мне и Коран²³⁴, на котором амир Хусайн клялся искренне примириться со мной. Муллы, со своей стороны, просили меня не отвергать настойчивой просьбы амира Хусайна и помириться с ним. Я подробно

рассказал муллам все, что раньше было между мною и амиром Хусайном; я передал, что амир Хусайн один раз изменил уже клятве, которую он дал на Коране. Тогда муллы дали мне совет: не предрешать пока вопроса о примирении, им самим погадать по Корану и поступать так, как откроется. Из гадания вышло, что мне следует примириться с амиром Хусайном. Я дал тогда свое согласие на примирение и со всеми амирами двинулся по направлению к Самарканду, чтобы увидаться там с амиром Хусайном.

[Тимур ведет переговоры с амиром Хусайном о примирении]

Чтобы убедиться, насколько искренне желает амир Хусайн примириться со мною, я послал к нему амира Мусу, а сам отправился в крепость Шадман. Турак-шах явился ко мне и передал, что амир Хусайн очень доволен, что я ушел в Шадман, и снова передал мне от имени амира Хусайна просьбу примириться с ним. Я ответил, что я уже послал Аббас-богадура, и просил передать от меня амиру Хусайну, что я крайне прошу его вместе с Аббас-богадуром притти к священному мазару Али-ата. Я со своей стороны обещал притти туда же и там торжественно примириться с амиром Хусайном.

[Тимур совершает торжественное примирение с амиром Хусайном на священном „мазаре“ Али-ата]

Амир Муса и Аль-Джой-Ту, султан Толканский, пришли к амиру Хусайну, передали ему мое приглашение и привели амира Хусайна в сопро-

вождении сотни всадников к священному мазару Али-ата. Я подъехал к мазару с пятьюдесятью всадниками, и мы встретились с амиром Хусайном.

Амир Хусайн обратился ко мне и сказал:

— Забудем старую вражду.

— Пусть не будет впредь таких отношений между нами, какие были раньше,—ответил я амиру Хусайну.

После этого я дал торжественное обещание, что не преступлю впредь нашего мирного договора до тех пор, пока амир Хусайн не изменит своей клятве, данной на Коране. То же самое обещал в точности исполнить по отношению ко мне и амир Хусайн.

[Тимур оказывает помощь амиру Хусайну против бунтовщиков]

После торжественного примирения мы оба сели на коней и разъехались в разные стороны: амир Хусайн отправился в Сали-сарай, а я прибыл в Кешь и там предался отдыху. Своему старшему сыну, Мухаммед-Джехангиру, я написал письмо, чтобы он из Мерва явился ко мне с воинами и оружием.

В это время я получил письмо от амира Хусайна; он сообщал, что амиры Бадакшана возмутились против него, что он отправился их умирять. Я ответил амиру Хусайну, что желаю ему „счастливого пути“.

Когда я расположился на отдых вокруг Кеша, ко мне пришла весть, что Малик-Хусайн, правитель Герата, грабит жителей во владениях амира Хусайна. Я сейчас же двинулся туда с вой-

нами, перешел реку Термез, отнял у Малик-Хусайна все награбленное им добро и возвратил его людям, подвластным амиру Хусайну. Сам же я, чтобы помочь амиру Хусайну, отправился к столице Бадакшана...

*СКАЗАНИЕ ОБ АКСАК-ТЕМИРЕ
(ХРОМЦЕ ЖЕЛЕЗНОМ)*

СКАЗАНИЕ ОБ АКСАК-ТЕМИРЕ
(ХРОМЦЕ ЖЕЛЕЗНОМ)¹

[Дурной сон правителя Индустана, Джудай-хана]

Был в Индустане² правителем сын Чингис-хана, Джудай-хан. Однажды крепко заснул он и увидел дурной сон; от испуга проснулся, сидел и дрожал. Потом созвал он кудесников и гадалей узнать свою судьбу³. Те сказали:

— Хан! в твоей судьбе вот что значит: у тебя в государстве, в ауле Алмалы, живет человек по имени Тарагай⁴;

Тарагай был сын Тарнаджа;

Тарнадж был сын Тагуши;

Тагуши был сын Олокши;

Олокши был сын Каракши.

Приметы Тарагая: на лопатке—родимое пятно, на левом глазу—бельмо⁵. Жена его носит ребенка; от этого ребенка и придет твоя смерть.

[Джудай-хан разыскивает Тарагая в ауле Алмалы]

Выслушал Джудай-хан слова кудесников и гадалей, приказал найти Тарагая в ауле Алмалы

и стал смотреть; видит: на лопатке у него—родимое пятно, а на глазу—бельмо.

— Есть ли у тебя в доме, Тарагай, женщина, которая носит ребенка?—спросил Джудай-хан.

— Моя жена носит ребенка, хан,—ответил Тарагай.

— Тарагай, ребенок от этой женщины убьет меня, а потому я его убью до появления на свет.

[Джудай-хан хочет изменить волю Аллаха, уничтожить своего убийцу до появления на свет]

Джудай-хан велел привести жену Тарагая; неразумный, он хотел изменить свою судьбу, но кто из смертных может изменить предопределение Аллаха? ⁶

Стал хан совещаться со своими советниками ⁷, как лучше уничтожить своего убийцу будущего.

Одни советники говорили: надо убить женщину, потом разрезать живот и посмотреть, что там у нее делается.

Другие советовали: самой женщины не убивать, а лучше уничтожить самого ребенка, задавить его в животе у матери.

Джудай-хан послушался вторых советников: стали коленями живот жены Тарагая давить, ребенка придавливать; женщина от боли ужасной чувств лишилась. Сказал Джудай-хан:

— Ну, теперь не только ребенок, но и сама мать умерла, бросьте ее.

[Жена Тарагая приходит в себя после смертельных побоев и рождает сына Аксак-Темира]

Но волею Аллаха жена Тарагая ожила после смертельных ударов в живот и родила сына,

у которого одна нога была повреждена⁸. Назвали его Аксак-Темиром (Хромцом Железным), потому что подвергался он тяжким мучениям до своего рождения и был как бы железным.

[Аксак-Темир остается сиротой, переселяется в город Шамаху и там пасет телят]

Аксак-Темир (был он из рода Барлас) приходился по женской линии⁹ племянником одному из ханов, скоро после рождения отец и мать его померли, он остался круглым сиротой, совершенно один; заботиться о нем было некому: сам о себе он думал, еду промышлял. Вырос он и ушел в город Шамаху; сначала он ничего там не делал, а потом нанялся телят пасти. Вспоминал он все свое сиротство, жалел о нем, приласкал он к себе шесть-семь сирот, они с ним вместе пасли телят и играли¹⁰.

[Слепой и хромой муравей в степи научает Аксак-Темира бороться за жизнь и власть]

Был однажды Аксак-Темир в степи, пас своих телят; была там полуразрушенная стена; прислонился он к ней и видит, как один хромой и слепой муравей¹¹ взбирается на эту стену: взберется немного, упадет вниз, потом опять взберется, доберется до верху, опять упадет. Дивился на муравья Аксак-Темир. С большим трудом муравей все-таки дополз до верху стены. Призадумался тут Аксак-Темир: вот этот маленький муравей, и слепой и хромой, упорством и настойчивостью достиг все-таки своей цели. Буду я домогаться стать ханом¹² и если

будет Аллаху угодно, то завоюю я аулы, города, орды...

С такими думами пас он телят и забавлялся со сверстниками-мальчиками¹³.

[Аксак-Темир хитростью побеждает на состязании своих сверстников. Мудрый приговор старика]

Однажды Аксак-Темир сказал своим сверстникам:

— Поставим в одно место какую-нибудь вещь; кто раньше прибежит к ней и ею завладеет, того мы и назначим ханом своим.

Все согласились с Аксак-Темиром.

Вдалеке положили какую-то вещь, все мальчишки побежали к ней. Аксак-Темир не мог опередить своих сверстников; он добежал до места и упал в то время, как два его товарища готовы были уже схватить вещь; он все же успел опередить их, коснувшись палкой.

— Я опередил вас,—сказал Аксак-Темир.

— Нет, мы!—кричали сверстники, и каждый выставлял себя первым.

— Нет, я!.. Пока вы руками хотели коснуться, у меня голова была уже там,—возразил Аксак-Темир.

Во время спора подошел к ним какой-то старик; все мальчишки стали усердно просить старика разрешить их спор.

— Будете ли вы согласны с моим решением?—спросил их старик.

— Что ни скажешь, будем во всем согласны!—закричали все разом.

— Эй, молодцы! у этого хромого мальчика голова была раньше, чем вы прикоснулись к веди руками; его и назначьте ханом,—сказал тогда старик.

Все мальчишки согласились с тем, что сказал старик, и дружно выбрали Аксак-Темира ханом.

[Аксак-Темир режет телянка и угощает своих сверстников]

Однажды Аксак-Темир говорит своим товарищам:

— Кто зарежет одного телянка и угостит им всех, того и выберем ханом.

Никто из мальчишек на это не решался.

Аксак-Темир зарезал телянка, сварил мясо и угостил всех товарищей; тут его подняли наверх, в общий голос избрал его ханом.

По возвращении домой сказали хозяину стада:

— Одного телянка волк заел.

Тот ничего не стал говорить, только заметил:

— Так видно угодно Аллаху.

[Аксак-Тимур и его сверстники делаются знаменитыми разбойниками¹⁴]

После этого Аксак-Темир предложил сверстникам:

— Давайте грабить: кто едет на базар, давайте отбирать у него скот.

Товарищи согласились.

Говорит им Аксак-Темир:

— Вот вам мой наказ: вооружайтесь, кто как может, сегодня вечером.

К полуночи все вооружились кто чем мог: кто—ружьем, кто—саблею, и вышли из города Шамахи.

Они расположились по дороге в Индустан, стали грабить всех, кто ехал туда или возвращался обратно. Сделались знаменитыми разбойниками. Всякий беглый у них приют находил. Скоро стало в их шайке двести, триста человек. По дороге было ездить опасно: приостановились караваны из Шамахи в Индустан и обратно.

[Джудай-хан присылает три раза¹⁵ своих послов к Аксак-Темиру с просьбой не обижать проезжающих]

Дошла до Джудай-хана в Индустан весть, что нет ни проходу, ни проезду от разбойников. Послал он к Аксак-Темиру послов триста человек—спросить его:

— Зачем ты грабишь проезжающих?

Но разбойники Аксака-Темира убили начальника послов, а самих их одарили подарками и к себе заманили—одинаковым делом заниматься.

Дошла весть до Джудай-хана, рассердился он на чем свет стоит и послал пятьсот девяносто одного человека новыми посланцами к главе разбойников.

Аксак-Темир и новых посланцев переманил к себе, а Джудай-хану отослал одного лишь главу послов.

В третий раз послал Джудай-хан своих послов к разбойникам, готов был одарить их серебром-золотом¹⁶, лишь бы проезжающих не трогали.

Правоверные на молитве
По Lane. Manners and Customs

Аксак-Темир узнал от послов, что Джудай-хан разбойникам обещает, и говорит:

— Скажите вашему хану, что золота-серебра у нас куда больше, чем у него самого; желает он, пусть придет к нам и возьмет чего хочет.

[Джудай-хан самолично идет на разбойников. Разбойники Аксак-Темира притворяются купцами и заманивают Джудай-хана. Аксак-Темир вершит волю судьбы]

Долго ли, коротко ли, слышит Аксак-Темир, что едет к нему сам Джудай-хан, ведет с собою много воинов. Выслал Аксак-Темир навстречу хану несколько человек узнать, действительно ли сам Джудай-хан едет к нему...

Посланцы Аксак-Темира встречают Джудай-хана; едет он ровно с тридцатью провожаемыми.

— Не видали ли по дороге разбойников?— спрашивает их Джудай-хан.

— Никаких разбойников мы видом не видали, слыхом не слыхали; нечего вам их бояться,— отвечают посланные Аксак-Темиром разбойники.

Думает тут Джудай-хан:

„Должно быть, прослышали про нас разбойники, испугались, и все по домам разбежались“.

А посланные другой дорогой вернулись к Аксак-Темиру и говорят ему: едет хан сам впереди и только тридцать провожатых с ним. Аксак-Темир и говорит им:

— Раз так, навьючьте разного товара тридцать верблюдов, поезжайте им навстречу¹⁷.

Сказано—сделано. Встретил их хан и кричит издали:

— Кто вы такие? не видали ли по дороге разбойников?

— Нет, никого видом не видали, слыхом не слыхали,—отвечают те.

Подъехал к ним поближе Джудай-хан; они его и спрашивают:

— А вы кто такие?

— Я—Джудай-хан; выехали мы разбойников искать, ловить.

— Мы—кушцы, едем свои товары продавать, чужие—покупать; наложи „тамгу“¹⁸ на наш товар, чтобы никто не мешал нам свой—продавать, чужой—покупать.

Поверил Джудай-хан, велел „тамгу“ наложить да кстати посмотреть, нет ли среди товаров чего-нибудь редкостного.

Стали слуги Джудай-хана выполнять его приказ, а разбойники и давай их избивать.

Сам Аксак-Темир схватил Джудай-хана и хотел ему голову снести.

Взмолился Джудай и говорит¹⁹:

— Я сделал тебе добро, чего же ты хочешь сделать мне зло?

— Ты беспечный, а я—нет; ты себе делаешь зло, а я себе делаю добро,—ответил Аксак-Темир и с этими словами снес Джудай-хану голову.

[Аксак-Темир захватывает Индустан²⁰]

Прибыл Аксак-Темир в Индустан и сделался ханом: его воины-разбойники другим путем-дорогой пришли и овладели городом. Верну-

лось войско Джудай-хана без своего хана, смотрит—в их городе другие воины и уже другой хан сидит, и вольной волей или неволей покорились новому владыке.

Так рассказывают о покорении Аксак-Теми-все доброе, и все злое исходит только от Аллаха²¹.

[АКСАК-ТЕМИР ИДЕТ ПОХОДОМ НА СТАМБУЛ]

После этого Аксак-Темир овладел и другими городами, всем светом²². Было два сына у Аксак-Темира: Сафи и Вали²³.

Набрал он несметное число воинов и стал в дальний путь готовиться походом на Стамбул²⁴, навьючил верблюдов и слонов и числа им — яствами разными, оружием. Мать-сыра-земля содрогалась, когда двигалось его воинство. По дороге взял он город Миер и вслед за тем подошел к Стамбулу. Остановилось войско Аксак-Темира; готовиться стали к предыдущему бою, а бой ожидался великий.

[Владыка Стамбула Шах-Султан вступает в бой с полчищами Аксак-Темира и, разбитый в бою, укрывается за стенами Стамбула]

Правил в те времена Стамбулом Шах-Султан²⁵. Дошла до него весть грозная: идет несметный враг, хочет его городом завладеть, а ему самому голову снести. Набрал Шах-Султан тоже воинов немало и пошел насупротив Аксак-Темира. Выслали враги искусных „караушли“²⁶

и зорко сторожили друг друга. Встретились наконец враги в грозном бою. Двинул Аксак-Темир свои полки неисчислимые, дрогнул Шах-Султан, побежал и укрылся в своем родном Стамбуле. Аксак-Темир следом за ним пошел, обложил Стамбул со всех сторон.

[Аксак-Темир ведет осаду Стамбула]

Целых пять лет без лишнего²⁷ шла осада Стамбула и все без толку: восемь курганов оюясаи велик город, а дорогу туда никто сыскать не может. Видит Аксак-Темир, что не взять ему Стамбула открытой силой, и задумал он одну хитрость—овладеть Стамбулом нечестным.

[Аксак-Темир пускается на хитрость, чтобы овладеть Стамбулом]

Притворился Аксак-Темир тяжело больным²⁸, измазал тело сплошь шафраном и желтым стал прежелтым. Посылает он послов к Шах-Султану и велит им сказать: наказал его Аллах за грехи великие болезнью тяжелою; нет у него сил воевать больше, только бы до мира как-нибудь добраться.

Прокричал эту весть тяжелую посланец Аксак-Темира тем, кто в Стамбуле в осаде сидел. Не поверил Шах-Султан, что так болен его враг лютый, и послал он человека верного поразведать, что за лихо приключилось с Аксак-Темиром.

Прибыл в стан враждебный посланец Шах-Султана, видит: лютый враг лежит желтый-прежелтый, и сила вся из него ушла нивесть куда.

Аксак-Темир еле слышным голосом говорит послу:

— Видишь, одолела меня хворь какал!

Повернулся посол во-свои, пришел к Шах-Султану, обо всем ему рассказал, что видел, и молвил ему в таких словах:

— Болен Аксак-Темир хворью тяжкою, просит кланяться Шах-Султану да просить у него мира скорого, чтобы было чем перед Аллахом покаяться перед смертью неминуемой.

[Аксак-Темир хитростью убивает Шах-Султана и захватывает Стамбул]

Поверил Шах-Султан легковерный, что сказал ему посланец его, велел отворить ворота городские и сам с войском отборным пришел к Аксак-Темиру навестить больного, успокоить миром близким. Как вошел Шах-Султан, тут откуда сила явилась у Аксак-Темира: он вскочил с ложа смертного, схватил гостя и тут ему сам голову снес. Он разбил потом войско вражеское и с силою великой вошел в Стамбул, город неприступный.

Вот каким путем Аксак-Темир хитростью, а не силой открытою захватил Стамбул, покори́л себе народ Шах-Султана.

[Аксак-Темир живет в Стамбуле, а оттуда с силою несметною через город Ашдархан идет по Волге к Болгарам]

Годов несколько прожил Аксак-Темир в крепком городе Стамбуле, а потом набрал много воинов и пошел на город Ашмахи; захватил после боя город Ашдархан²⁹. Пять-шесть лет

прожил там и стал держать дорогу по Волге на север на Болгар. Столько войска у него было, что не счесть его ни одному человеку, один Аллах про то ведает, сколько чисел тому войску Аксак-Темира.

[Аксак-Темир берет город Болгар и уничтожает Абдуллу, хана болгарского]

Абдулла-хан был в то время правителем Болгар. Слышит он, сам Аксак-Темир с силою несметною на него войной идет, земля под его ногами дрожит: сам собрал воинов немало и пошел навстречу Железному Хромцу. Лютый бой, прелютый был. Но кто на белом свете устоит, когда Аксак-Темир на врага летит?

Бежал Абдулла-хан и заперся в стольном городе своем, Булгаре. Много воинов погибло смертью несчастною, а кто жив остался, заперся с Абдуллой-ханом в стольном городе Булгаре.

Семь лет без лишнего осаждал Аксак-Темир крепкий город. В 700 году [хиджры]³⁰, в двадцать восьмой день месяца зу-ль-хадж, взял он Булгар, уничтожил бегов сто двадцать четыре человека, а их жен-красавиц вдовами оставил. Он убил самого Абдуллу-хана, а детей его Алтын-бега и Гилим-бега болгары, что в живых остались после погрома Аксак-Темирова, в лесу спрятали, там жили, кормили там и воспитывали... Было старшему Алтын-бегу только девять лет, а младшему Гилим-бегу и того меньше, всего-навсего семь лет.

[Народ „бараж“, прозванный по змею, который опустошал их землю]

Некоторые из спасшихся от погрома Аксак-Темира пришли в город Булгар, выкопали там рвы и поселились жить. Был там ханом Самет. Большинство его народа были Бес-Калпаки, „бараж“ прозванные. В стране, где они прежде жили, поселился змей лютый Бараж³¹. Стал этот змей народ мучить, истреблять, вышли они на него, все разом навалились, да не сладили со змеем могучим: ододел их змей, стал еще пуще народ истреблять. Бросили они город родной да страну родную и ушли в чужую сторону, к Болгарам. На реке Болгары построили они четыре города и назвали их Болгарами. Так вот почему этот народ „баражем“ прозывался, и „ураном“³² его был „бараж“.

[Самет-хан держит совет со своими людьми об Аксак-Темире]

Вот сказал Самет-хан своим людям:

— Был Бараж, зло причинял неисчислимое нашим родичам, оставили они города родные и пришли сюда, здесь поселились;

вот теперь Аксак-Темир сюда пришел, на нашей земле вздумал города строить.

Что нам делать с ним, как нам жить?

Народ ему в ответ молвил:

— Сам ты знаешь, твоя воля, хан!

прикажешь, повоюем с ним:

либо его сокрушить сумеем,

либо головы свои сложим там;

как прикажешь, хан, так и будет!

Самет-хан опять говорит своему народу:

— Есть у меня один святой человек; лучше спросим его: как он скажет, так тому и быть.

[Святой видит Хызра среди воинов Аксак-Темира и запрещает баражцам воевать с ним]

Привели святого, и с поклоном глубоким спросил его народ:

— Что ты скажешь нам про Аксак-Темира: воевать ли с ним, или мир держать?

Говорит святой: „Посмотрю“—и взошел на минарет³³. Видит полчища Аксак-Темира несметные и среди них самого Хызра. Спустился он вниз с минарета и говорит народу:

— Нет вам разрешения воевать с Аксак-Темиром: с ним сам Хызр³⁴ идет.

Нужно судьбе поклониться и ворота перед ним отворить.

[Аксак-Темир захватывает город баражцев]

Горько заплакал народ баражцев, но все покорились воле святого: все ворота курганов открыли, так говоря:

— Воле Аллаха никто противляться не смей.

Без боя Аксак-Темир в город вошел и там много народу убил.

[Аксак-Темир в городе баражцев ведет беседы о причинах бед, которые он всюду приносит³⁵]

Вечером ходил Аксак-Темир по городу баражцев, тая себя от других, и все расспросы вел. Видит, собрался народ в одном месте, подошел и спрашивает:

— От кого вся эта беда приключилась?

Говорят ему в ответ:

— Вся беда на нас от Аксак-Темира:
от лютой злобы его пропадаем.

На следующий день Аксак-Темир замучил говорунов раскаленным железом.

В другой день вечером Аксак-Темир опять вышел к народу бараждам и опять спросил:

— Отчего такая вышла гибель?

А ему в ответ молвят:

— Ничего не знаем, отчего, не ведаем;
знаем только, пришел Аксак-Темир,
нас перебил и разорил.

Среди толпы была одна вдова; ее муж по имени Джауши-бег умер еще до прихода Аксак-Темира. Она не так сказала, как все до нее говорили:

— Нужно помнить одно: вся гибель наша и разорение от наших грехов и нашего зла свои корни ведут.

Ну, что бы мог с нами сделать один Аксак-Темир?

Нет, уж видно, здесь воля и предопределение Аллаха!

У нее было два сына: Ихсан-бег и Инсан-бег. На следующий день ведут их к Аксак-Темиру, и весь народ не знал, всю голову потерял: зачем их ведут?

Сами дети думали, что их ведут на смерть, и горько плакали.

Аксак-Темир сказал вдове свою волю непреклонную:

— Ты грехи свои признала и дела все злые; потому тебя я милую; куда ты только ни пойдешь, никто тебя не тронет.

Он приказал всем своим воинам не трогать вдовы и двух ее сыновей.

[Судьба детей вдовы, Ихсана-бега и Инсана-бега]

После того дети Ихсан-бег и Инсан-бег стали совещаться между собою и решили уйти от Аксак-Темира. Инсан-бег сказал своей матери-вдове:

— Мы пойдем с Волги во внутрь страны,
в местность горную, поселимся там;
будем жить-поживать;
лучше той страны в белом свете нет.

Согласилась мать, но другой брат, Ихсан-бег, не согласен был; говорит он матери-вдове:

— Я уж лучше пойду туда, где предки жили:
там я буду жить-поживать.

Инсан-бег с матерью-вдовой пошел в горную страну и там, на реке Кубня³⁶ дом себе построил.

У Инсана-бега родился сын Сулейман,
у Сулеймана родился сын Кор;
у Кора родился сын Нур-Даулей;
у Нур-Даулея родился сын Нур-Хасень;
у Нур-Хасеня родился сын Нур-Бул;
у Нур-Була родился сын Котуж;
у Котужа родился сын Мактым;
у Мактыма родился сын Икне;
у Икне родился сын Махмуд;
у Махмуда родился сын Мухаммед-Ходжа;
у Мухаммед-Ходжи родился сын Тяукель;
у Тяукеля родился сын Бир-Мухаммед;
у Бир-Мухаммеда родился сын Бабаж;
у Бабажа родился сын Ульмес;
у Ульмеса родился сын Джокамыш.
Ихсан-бег ушел в страну предков.
У Ихсана-бега родился сын Али-Мухаммед;

у Али-Мухаммеда родился сын Кан-Мухаммед;
у Кан-Мухаммеда родился сын Ток-Мухаммед;
у Ток-Мухаммеда родился сын Атак;
у Атака родился сын Шымак,
у Шымака родился сын Индерши;
у Индерши родился сын Текениш;
у Текениша родился сын Безерген.
У всех у них „ураном“ был „бараж“.

*[АКСАК-ТЕМИР ДВИГАЕТСЯ НА МОСКВУ,
НО ХЫЗР НЕ РАЗРЕШАЕТ ЕМУ ВОЕВАТЬ
С РУССКИМИ]*³⁷

После завоевания города Булгара Аксак-Темир пошел прямо на Москву, дошел до города Владимира и решил дать бой. Русские собрали по всем городам тоже немало воинов. Михаил был в то время царем в Москве³⁸; услышал он, что нет на свете ни одного города, который бы устоял против Аксак-Темира, и ужаснулся.

Аксак-Темир окружил своими воинами Владимира; к нему тогда явился Хызр и строго приказал³⁹:

— Нет позволения тебе этот народ воевать;
только одно ты можешь свершить:

силу свою показать и дивную вещь сотворить.

Аксак-Темир встал с места, схватил двухлетнего жеребенка и бросил его в сторону города Владимира. По допущению Аллаха жеребенок, брошенный мощной рукой, при падении сломал башню каменную и упал за версту; там, где упал, вода потекла струею обильной. А как крикнул Аксак-Темир, у всех воинов—а им неизвестно числа—отнялся язык от страха, и бледность страшная все лица покрыла⁴⁰.

[Аксак Темир, двигаясь к Бухаре, заходит в урочище Кыйа]

Аксак-Темир, не получив разрешения от Хыз-ра воевать Москву, собрал свои полчища безмерные и пошел обратно по направлению к Бухаре. По пути он зашел на урочище Кыйа, где были ханами Амет и Самет.

[Ханы кыйатовцев, Амет и Самет, собирают народ на совет об Аксак-Темире]

Амет-хан и Самет-хан проведали, что к ним идет Железный Хромец; они зарезали кобылу, собрали свой народ⁴¹ и стали совещаться, куда им теперь откочевывать. На народном собрании никто о деле не говорил: кто хвалил свою лошадь, кто—собаку, а кто—жену; поели мяса кобыльего и стали по домам расходиться.

Один на собрании, именем Кендже, сказал: — Если бы из рода моего было сорок человек⁴², я сделал бы, конечно, дело.

А вы с умными людьми не совещаетесь, а только смеетесь.

Ну, нас, конечно, постигнет беда!

Лучше откочуйте отсюда, а здесь оставьте своих караульщиков.

[Кыйатовцы в панике бегут от Аксак-Темира⁴³]

Амет-хан и Самет-хан сказали народу, что идет на них Аксак-Темир, и тотчас же стали откочевывать. Такая поднялась суматоха; второпях у одного потерялся кнут, у другого—

шапка. Какой-то пастух хотел поднять кнутом свалившуюся шапку, но лошадь испугалась привязанного сзади конька⁴⁴, уронила седока, когда тот нагнулся за шапкой, и умчалась, вспугнув целый табун лошадей; народ пустился в погоню, кто—за лошадью, кто—за табуном. Кто не знал в чем дело, тоже поскакал, крича:

— Враги догоняют, враги догоняют!

Между тем воины Аксак-Темира на самом деле скоро догнали их, остановили и часть перебили.

[Аксак-Темир проповедует ислам среди кыйа-товцев]

Аксак-Темир потребовал к себе Амет-хана и Самет-хана и грозно молвил им:

— Если вы хотите жизнь свою спасти и адских избежать мучений⁴⁵, то ислам принять должны вы.

Ханы спросили Железного Хромца:

— Если примем ислам, то вернешь ли нам добро, все, что взял у нас?

Аксак-Темир молвил им в ответ:

— Если вы по-настоящему примете ислам⁴⁶, произнесете исповедание веры⁴⁷, если будете совершать пятикратную молитву⁴⁸,

совершать омовение⁴⁹ и тридцатидневный пост⁵⁰ соблюдать,

давать „закят“⁵¹ и „хадж“⁵² творить,

то ни вам, ни вашему народу не сделаю вреда.

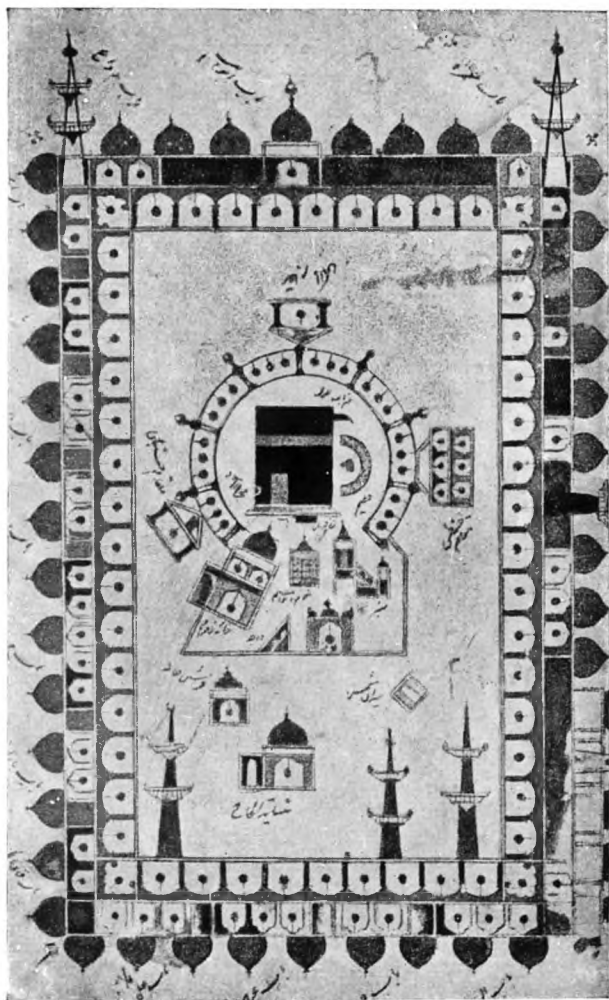
После этих слов Аксак-Темира все они приняли ислам; целых два года провел там Аксак-Темир, наставляя в правой вере.

[Аксак-Темир завоевывает Самарканд и остается там ханом до конца жизни]

Потом года два спустя он простился с кыятовцами и ушел в сторону Самарканда, завоевал его⁵³ и оставался там ханом до самой смерти своей.

[Слава Аксак-Темира. Наставление автора сказания читающим и слушающим повесть о нем]

Так Аксак-Темир перевернул все вверх дном на земле. Слава о нем долетела до наших дней, и я для примера изложил сказание о нем. Вы, читающие и слушающие это сказание, вознесите молитву Аллаху; временными удовольствиями не прельщайтесь, исполняйте все веления Аллаха, чтобы не подвергнуться вечным мукам в аду.

Мечеть в Мекке с Каабой

*Миниатюра из одной персидской книги путешествий 1576 г.
Частные собрания в Нью-Йорке*

СКАЗАНИЕ О ЧИНГИС-ХАНЕ

СКАЗАНИЕ О ЧИНГИС-ХАНЕ¹

[Генеалогия Чингис-хана]

У Ноя² было четыре сына и четыре дочери; сыновей звали: Хам, Сам, Киньган и Яфес, дочерей—Ряжаб, Захаб, Рахат и Ряжиб; первая была родной дочерью его жены, а остальные, по молитве угодного Аллаху Ноя,—от щенка, кошки и осла. От Хама произошли арабы, от Сама—персы, Киньгам погиб во время потопа и не оставил потомков, от Яфеса—у него было еще имя Абульджа-хан,—румы (европейцы).

У Абульджа-хана родился сын Бакыр-хан;

у Бакыр-хана родился сын Узь-хан;

у Узь-хана родился сын Кок-хан;

у Кок-хана родился сын Богдо-хан;

у Богдо-хана родился сын Кара-хан;

у Кара-хана родился сын Кунамир-хан;

у Кунамир-хана родился сын Ушам-Бурыл-хан;

у Ушам-Бурыл-хана родился сын Шамшуши;

у Шамшуши родился сын Лекаберди;

у Лекаберди родился сын Кашу-мерген;

у Кашу-мергена родился сын Кара-дусан;

у Кара-дусана родился сын Турумтай-шешен;

у Турумтай-шешена родился сын Тумакул-мерген;

у Тумакул-мергена родился сын Дуюн-Баян;
 у Дуюн-Баяна родился сын Шингиз-хан;
 у Шингиз-хана родился сын Юши-хан;
 у Юши-хана родился сын Баян;
 у Баяна родился сын Баян-хан;
 у Баян-хана родился сын Сыртак-хан;
 у Сыртак-хана родился сын Биртак-хан;
 у Биртак-хана родился сын Тогалы-хан;
 у Тогалы-хана родился сын Токтагы-хан;
 у Токтагы-хана родился сын Узбег-хан;
 у Узбег-хана родился сын Джанибег-хан;
 у Джанибег-хана родился сын Бердибег-хан;
 у Бердибег-хана родился сын Султан-хан;
 у Султан-хана родился сын Шабак-хан;
 у Шабак-хана родился сын Муртаза-хан;
 у Муртаза-хана родился сын Кошум-хан;
 у Кошум-хана родился сын Арыслан-хан;
 у Арыслан-хана родился сын Бурхан,
 который принял веру русских³.

[Красавица Гулямалик-Курукти, дочь Алтын-хана и Курляуш]

На острове Белого моря⁴ стоял город Малтаб, правил им Алтын-хан; была у него жена Курляуш, которая родила ему дочь, названную Гулямалик-Курукти. Дочь хана жила в сорокасаженном дворце⁵, темном-претемном, что ни солнце, ни месяц туда никогда своими лучами не заглядывали. Гулямалик была писаная красавица⁶:

Взглянет на дерево—листья распусятя;
 Взглянет на землю—травы-муравы поползет;
 Волосы станет расчесывать—жемчуг посыплется;

Плюнет на землю—золото падает.

Словом, лучше ее на свете не было. К ней были приставлены подружки-прислужницы⁷, из них наибольшую звали Уртхан.

Однажды, когда Гулямалик была уже в совершенных летах, попросила она Уртхан:

— Выведи меня, Уртхан, из моего двора! Что это за мир Аллахов: похож ли он на этот дворец, или он—что-нибудь другое?

— Мир снаружи,—ответила Уртхан,—широкое большое пространство, и ходят там солнце и месяц попеременно и его освещают.

— Покажи мне мир Аллахов!—сказала дочь хана.

— Если увидишь, можешь умереть,—отвечала Уртхан.

— Пусть умру, а хочу все видеть,—не испугалась дочь хана.

Отворила окно Уртхан; в темную комнату вбежали лучи солнца, Гулямалик без чувств упала⁸. Перепугались подружки-прислужницы, горько плакали и говорили друг другу:

— Что-то мы скажем хану?

*[У Гулямалик-Курукти дитя образуется
от света солнца]*

Только через час пришла в себя дочь хана. Страшно обрадовались этому—ее подружки-прислужницы и стали приставать, расспрашивать, что она видела. Гулямалик молвила в ответ:

— От виденного света солнечного образовалось у меня дитя. Что-то теперь скажете моим родителям?

Очень любил свою дочь Алтын-хан и время от времени навещал свою любимицу. Пришел он однажды к ней и увидел, что Гулямалик готовится стать матерью⁹.

— Отчего у тебя на лице появились „матержи“?—спросил он.—Какая беда случилась!

С печальными думами вернулся он домой и молвил жене:

— Ах, Курляуш, со дня нашего супружества не было еще у нас такого стыда: какая беда случилась с дочерью! Ну, что нам теперь делать?

— За здешнего человека не выдашь ее замуж, будет много разговоров и дурных догадок: люди все равно, что дьяволы... Давай лучше пойдем на хитрость, пустим ее в корабле по морю!—ответила Курляуш.

Сказано—сделано. Снарядили корабль¹⁰, наполнили его золотом-серебром, многими яствами, посадили на него дочь и сорок ее подружек-прислужниц с сизыми голубками и попугаями, поставили светильники и пустили корабль в море ночью, пожелав ему встретиться со счастьем!

[Тумакул-мерген, сын Турумтай-шешеня, охотится и видит золотой корабль]

Прошло несколько дней. В это время сын Турумтай-шешеня, Тумакул-мерген, охотился вдали от своего дома с сорока сверстниками¹¹ и одним караульщиком¹², Шяба-сокурором, прозванным так потому, что у него был только один глаз. Он-то и сказал Тумакул-мергену:

— Там вдали что-то чернеет...

— Что такое?—спрашивает Тумакул.

— Какой-то золотой корабль, сейчас трудно разобрать, завтра к обеду он придет сюда,— ответил Шяба-сокур.

Так и вышло: на завтра, ровно к обеду корабль подошел к берегу. Оказался он золотым, и не было у него входа-выхода, так что не знали охотники, как же войти в него.

Выручил Шяба-сокур.

— Эй, Тумакул-мерген, стреляй в корабль!— молвил он.

— Как стрелять: прямо или вкось?—спросил Тумакул.

— Если будешь стрелять прямо, можешь убить того, кто внутри корабля, стреляй лучше вдоль корабля,— молвил Шяба-сокур, родом туркменец.

— Хорошо, в таком случае я выстрелю из лука вбок,—сказал Тумакул и выстрелил¹³.

Три доски от стрелы отскочили. В дыру вышла писаная красавица Гулямалик-Курукти с сорока подружками-прислужницами, голубками и попугаями, всех их взял себе Тумакул, а корабль достался Шяба-сокуру.

[Гулямалик-Курукти достается Тумакул-мергену]

Красавица Гулямалик сказала Тумакулу:

— Теперь я навсегда твоя, но сейчас ты не касайся меня, потому что у меня дитя зародилось и не от человека, а от солнца.

Тумакул не обратил внимания на ее слова.

— Мне это все равно,—молвил он.

— Я была, как сокол на небе, и села на твое дерево; ты—герой, и я не буду тебе пе-

речь; только исполни мое желание заветное,—сказала Гулямалик.

— Хорошо, сделаю по-твоему,—ответил Тумакул.

В тот же вечер они поставили палатку.

— Теперь я вижу, что у тебя дитя зародилось от солнца, иначе не была бы девицей,—сказал Тумакул, и стала Гулямалик ему еще милее.

— Ты, быть может, не поверишь, что я не знала ни одного мужчины в жизни,—сказала Гулямалик.

— У тебя и дитя зародилось и вместе ты—девица; такая может выпасть на долю лишь особенному счастливцу, и такую-то девицу я везде искал,—сказал Тумакул.

— Цени меня,—промолвила Гулямалик.

*[Гулямалик-Курукти рождает от света солнца
Дуюн-Баяна]*

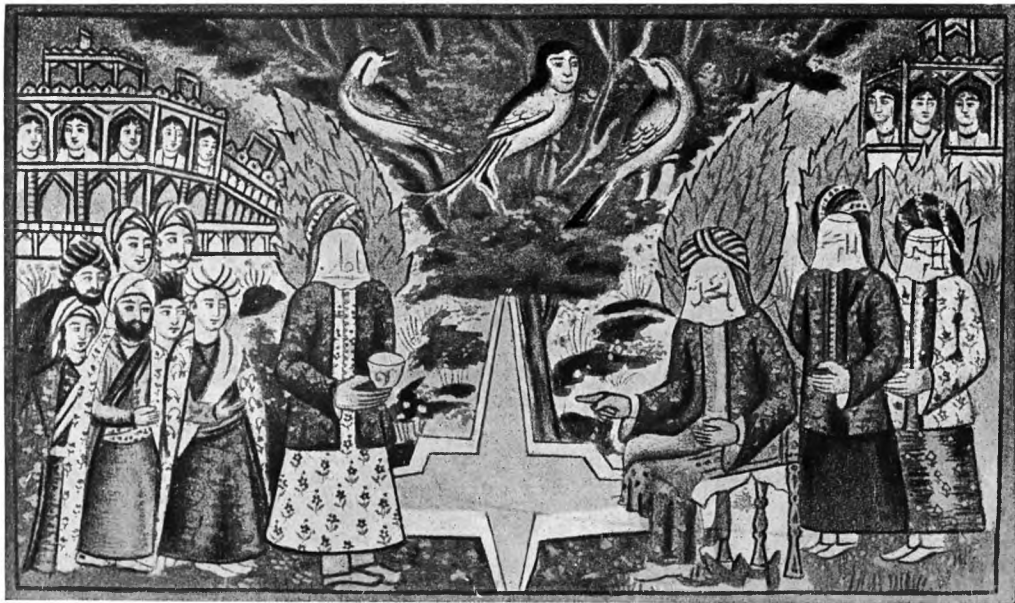
Долго ли, коротко ли, явился на свет Алахов ребенок, назвали его Тангри-бергенем-Дуюн-Баяном.

Несколько дней спустя отец Тумакул-мергена, Турумтай-шешен, умер, Тумакул вернулся к себе домой и сделался ханом.

У Гулямалик родились потом еще два сына: Бодентай и Болектай. Когда явились они на свет Алахов, Гулямалик запечалилась.

— Когда мальчики рождаются, все радуются, что же ты кручинишься?—спросил ее муж¹⁴.

— Я печалюсь за старшего сына: по пословице нашей—„Кто поведется с куланами¹⁵, тот будет резвиться на цветах, а кто подружится

Рай

Миниатюра одной персидской денежной шкатушки. Оригинал в этнографическом музее в Амстердаме

со свиной, тот будет валяться в грязи“, или по другой: „кто не ханского рода, тот не для народа, кто не знает своего народа, тот бывает ненасытным“... Бодентай и Болектай—не для народа. Я—дочь льва; когда досталась тебе, что хорошего я увидела?—ответила жена.

— Не говори больше... я знаю,—сказал Тумакул.

— После твоей смерти Бодентай и Болектай разделят твой народ, а мой сын Дуюн-Баян, рожденный от света солнечного, ничего не получит, а вот о нем-то я и печалюсь... Отправь-ка лучше Бодентай и Болектай к калмыкам.

Послушался ее муж и отправил сыновей к калмыкам, каждого с семьей провожатыми¹⁶. Братья поселились среди калмыков, построили себе дома. От них-то и произошли калмыцкие ханы.

*[ДУЮН-БАЯН БЕРЕТ СЕБЕ В ЖЕНЫ
АЛАНГУ]*

Тем временем отец с матерью женили старшего сына, который остался дома, Дуюн-Баяна, на Алангу, дочери младшего из семи сыновей Алтын-хана, Тулекти. У них родилось три сына: Боденджар, Кенджар и Сальджут. От Боденджара пошел род кыйатовцев, а от Сальджута—китайцы¹⁷.

Тумакул был ханом двадцать лет и после него Дуюн-Баян—девятнадцать лет.

[Слова Дуюн-Баяна своему народу]

Дуюн-Баян собрал свой народ и молвил:

— Думал я вместе с женой умереть, но вижу—моя смерть приближается. Я умру, а вы останетесь. Вот мое слово к вам: все три сына моих недостойны править народом после смерти моей. Моя жена останется вдовой, но я приду, и у нее родится хороший мальчик. Мой народ, подчинись ему! Знаками моего прихода будут: после смерти я буду гореть, как солнце, выйду в виде волка¹⁸. Так и знайте.

Слова эти распространились в народе.

[Бодентай и Болектай утешают вдову Дуюн-Баяна]

Когда дошла до Бодентай и Болектай весть о смерти старшего брата, пришли они из калмыцкой земли к вдове Алангу и нашли ее горем убитой. Сели они на лучших коней умершего брата и поехали охотиться на гору Байыр-тау; они стали там охотиться на сайгаков¹⁹, одного живым поймали и домой поехали.

В это время им навстречу из леса толпа народа валит...

— Что вы за народ и откуда?—спросили братья народ.

— Мы из города китайцев и три месяца уж, как мы бежим. Мы голодны²⁰—смилостивитесь над нами, дайте нам этого сайгачонка!..

— Зачем же вы бежали от своих ханов?—спросили братья народ.

— Хань наши плохи стали, мы не стерпели и от них убежали²¹,—ответила толпа.

— Не дадим вам целого сайгака—везем мы его развлечь Алангу, нашего умершего брата вдову,—сказали охотники.

— Ну, так возьмите у нас одного мальчишку, а сайгака отдайте нам,—закричал народ братьям.

Охотники отдали толпе одну лишь заднюю ногу сайгачонка и получили взамен мальчишку.

Братья решили:

— Он будет хорошим развлечением для вдовы...

Мальчишку назвали Бален, а по отцу он был Манкгытай-дульджа. Вот каким образом сын бия, Бален, был продан голодными за одну ногу сайгака...

Возвратились братья домой, мальчика вручили вдове, узнала она, что мальчик знатного рода, и стала думать, как получше его воспитать.

А братья Бодентай и Болектай домой стали проситься—к своим калмыкам.

Вдова Алангу говорит им:

— Побудьте еще несколько дней со мной; три моих сына меня не уважают, своевольничают, то-и-дело людей обижают. Наставьте их на добрый путь-истину.

[Наставления Бодентай и Болектай своим племянникам, сыновьям Алангу²²]

Отвечали на это два брата, Бодентай и Болектай:

— Ах, сноха ты наша дорогая!

Вот наставления нашим племяшам:

Тишину соблюдайте, уважайте
и слушайте первых и старших людей.

В народе устроенном—

хозяйство в полном благополучии,

от врагов все тайны сокрыты,

к старшим—почтение;

к младшим—внимание во всех их делах.

В народе неустроенном—все шиворот-навыворот:

родных своих хулят, а чужих хвалят,

братьев и родных не уважают,

старших разговоры младшие перебивают,

дети—разговоры отцов,

насмехаются друг над другом.

Тот настоящий человек,

кто поступает по совету старших;

тот народ не пропадет,

кто будет слушать советов одного старшого и исполнять его волю.

Кто не служил ханам, тот, случись это делать, захочет питаться и человеческим мясом.

Кто не имеет скота и сразу много получит его, тот гордым становится.

Такие люди и богатых считают бедняками, хороших—дурными, родовитых—простыми.

Где такие люди, там нет единодушия.

Знающие пусть остаются при своем знании, а незнающие пусть учатся.

Но помните твердо: нельзя за советом обращаться

к пекарю, кузнецу и котельнику²³;

каждый из них только свое ремесло знает и всегда его хвалит,

а опытный хвалит всегда хлеб.

Вы, братья, живите по-другому.

Надейтесь

на Аллаха,

всегда слушайтесь старших, первых людей.

Больше нет у нас к вам наставлений.

[Сыновья Алангу обижают свой народ]

...Бодентай и Болектай уехали домой—к калмыкам. Племянники не послушались их: по-прежнему матери не почитали, совести не имели, старших не уважали, самовольничали, у богатых отбирали лучших верблюдов, иноходцев, аргамаков, у знатных отбирали дочерей²⁴. Народ стал волноваться и пришел жаловаться к их матери-вдове.

— У нас остались только кости да кожа²⁵, не можем дольше терпеть.

— Они и моих слов не слушают, умерший Дуюн-Баян говорил, что они разорят народ, но народится еще сын, который и будет управлять вами,—ответила мать.

Народ возрадовался от этих слов. Быстро весть пробежала, и все с нетерпением стали поджидать новорожденного.

Три старших сына Дуюн-Баяна услышали, что говорят в народе, и в сердцах пришли к матери:

— Мы слышали твои лживые слова.

— Ах, вы, злые люди, почему зовете слова мои лживыми?—закричала мать.

— Как не лживыми, раз ты говоришь, что у тебя сын зародился, народ обманываешь, а нас за детей не считаешь? С чего зародился у тебя ребенок,—не с воды ли, которую пьешь?! Уж не курица ли ты, которая в золе поваляется и носит яйца без петуха? Не мать ли ты Куа, которая покушала пены и оттого дитя носить стала? Твой муж умер вот уже несколько лет, а ты народ обманываешь своим ребенком. От кого? Не от мальчика ли Балена, купленного за заднюю ножку сайгачонка?..—допрашивали Алангу сыновья.

[Выборные от народа сторожат появление на свет чудесного сына Алангу]

Алангу стала спрашивать народ:

— Чьи это слова—народа или их (сыновей ее)?

Народ в один голос закричал с гневом:

— Это—слова твоих детей!

Алангу прибавила:

— Пожалуй, вы тоже мне не верите; поставьте-ка лучше стражу ко мне из трех; Дуюн-Баян предсказал, что перед новорожденным сначала появится светило, которое потом обратится в волка и уйдет.

Народ ничего не ответил, а тайком от Алангу приставил к ней для наблюдения трех стражей: Пшака, Еря и Одаша.

Стали они сторожить. Вот однажды с неба сошел свет; со страху они без чувств попадали, а когда немного погодя в себя пришли, стали спрашивать друг у друга:

— Куда девался этот свет?

Никто не знал.

— Будем сторожить внимательнее: должен же он выйти волком.

Вот, скоро ли, долго ли, вышел наружу серый волк величиною с лошадь, посмотрел назад и ушел в лес. Стражи хорошо видели серого волка и сказали сыновьям Алангу:

— Теперь сбудется все, что она предсказала.

[Рождение Чингис-хана]

Алангу никто уже не беспокоил.

Вот через некоторое время она родила сына. У него был золотой клочок волос на макушке, а на спине печать имени Джабраила²⁶; лицом он был так красив, так пригож, что всякий, кто раз его увидит, оторваться не может, готов все ему принести (в подарок), и коня и одежду²⁷.

[Чингис—лучший сын хана Дуюн-Баяна]

Вот так и начал расти Чингис. Быстро он возмужал. Был он справедливым к народу, по-

лезным во всем для него. Народ во всем его слушался, восхвалял его, называл лучшим сыном хана Дуюн-Баяна.

[Братья завидуют Чингису, пытаются его уничтожить, народ мешает братьям погубить Чингиса]

Стали завидовать братья Чингису и вслух говорить:

— Наши бии и народ почитают рожденного незаконно.

Уничтожим его: иначе нам не будет покоя²⁸.

Народ услышал эти слова и громко сказал:

— Не позволим трогать Чингиса:

больше вашего он достоин быть ханом;

лучше вы разделите-ка отцово наследство;

если по-нашему сделать не захотите,

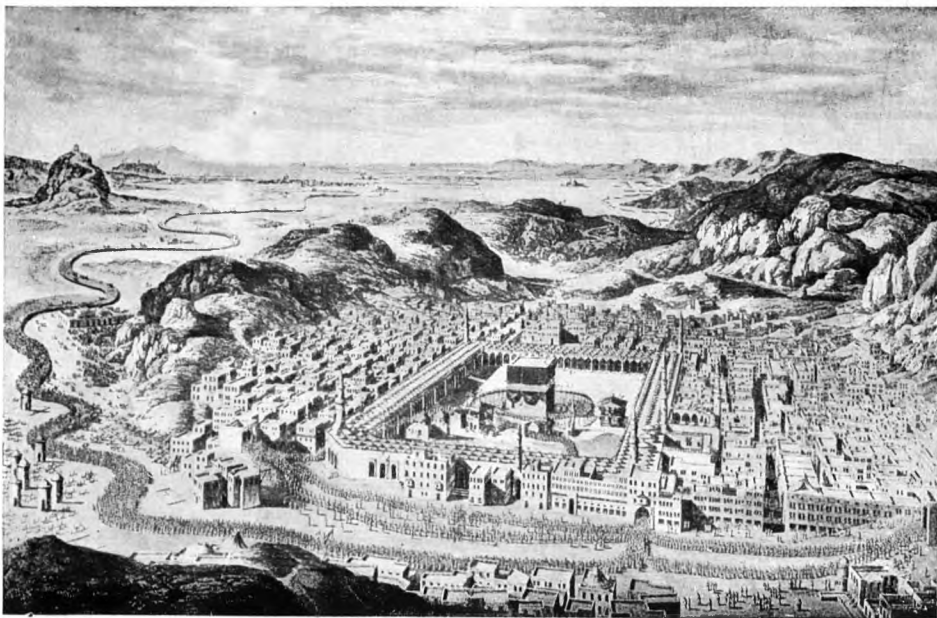
мы сами без вас разделим покойного хана добро.

После этого братья Чингиса не решались открыто убить Чингиса, потому что боялись народа, а задумали убить его втихомолку, тайком от народа.

[Сыновья Дуюн-Баяна делят отцово наследие. Драгоценный золотой лук]

Они поделили все отцово наследие, только разделить лука золотого драгоценного²⁹ не могли. Не могли они определить, какая цена этому луку; сговорились между собой пойти к своей матери Алангу; кто получит лук, тому она передаст и ханство.

Вид Мекки

По Ohsson. Tableau Général de l'Empire Ottoman. Paris 1790

— Мать! кому ты жалеючи присудишь ханство, тому пусть достанется и этот драгоценный золотой лук,—молвили сыновья Алангу.

— Дети! кто хулит свой народ, тот получит возмездие от других, а кто хулит свою мать, будет терпеть обиды от врагов. Лукавые! будете ли вы слушаться меня?—закричала гневно Алангу.

— Будем слушаться,—отвечали в один голос сыновья.

— В таком случае пусть каждый из вас выставит свой золотой пояс на солнце у окна; у кого свет пойдет от пояса, тот будет ханом, и тому золотой лук достанется.

*[Шелковый пояс Чингиса издает свет;
он получает драгоценный золотой лук]*

Братья согласились с матерью; сняли с себя пояса, на солнце их выставили; ни у кого из них пояс не светит.

Выставил Чингис свой шелковый пояс на солнце; глядь, от его пояса свет пошел³⁰. Увидели братья, удивились, изумились да говорят друг другу:

— Видно, наша мать—волшебница, колдунья³¹.

С дурными мыслями ушли они от матери и твердо порешили у себя в мыслях покончить, чего бы ни стоило, с Чингисом.

[Чингис с тремя сверстниками уходит от своих братьев к верховьям речки, где черная гора Куркурлен]

Чингис хорошо знал, что грозит ему от братьев беда неминуемая, стал он думать со

своими сверстниками, не уйти ли ему к киргизам. Приходит он раз с тремя сверстниками своими к матери своей Алангу и молвит:

— Матушка! ухожу я отсюда на верховья той речки, где черная гора Куркурлен, там я буду жить-поживать, тебе клочья птичьего пера посылать³², как увидишь—они по течению плывут, так и знай, что я там жив и здоров, я заставлю там медведей рычать, львов ушастых заставлю реветь³³; кто сыскать меня пожелает, пусть ко мне туда жалует³⁴.

Мать Алангу со слезами рассталась с Чингисом.

[Братья Чингиса обижают народ. Народ приходит к Алангу и просит дать весточку о Чингисе]

На другой день пришел народ Чингиса повидать, а его уже след простыл. Плачут все, пришли к Алангу, ее спрашивают:

— Где наш хан Чингис?

— Ваш хан Чингис к киргизам ушел,—отвечает им мать Алангу.

Как ушел Чингис, братья его Боденджар, Кенджар, Сальджут опять своевольничать стали да народ обижать.

Разобиделся народ, вынести не мог обиды горькой да напрасной, плачет навзрыд, к Алангу идет с жалобой, с вопросом горьким:

— Ах, зачем ты Чингис-хана нам показала, а потом отпустила нивесть куда; уж ты лучше бы нам совсем его не казала!..

[Алангу указывает народу, как ему найти Чингиса]

Алангу молвила народу:

— Я скажу вам в таком случае, что ушел он от меня рано утречком.

— А куда он нас покинул, горьких сиротинушек?—молит народ, спрашивает.

— 'А вот идите к этой речке—Текелик—посмотрите на нее, скоро весть получите.

Побежал народ к речке Текелик, ничего не видит там, кроме пуха птичьего; идет он, возвращается опять к Алангу.

— Что вы видели там в быстрой речке Текелик?—спрашивает их Алангу.

— Ничего не видали, только птичий пух там плывет вниз по реченьке.

Говорит им Алангу, мать Чингиса:

— Этот пух— весточка от сына моего Чингиса, идите, отправляйтесь его искать прямо по этой речке Текелик, к ее верховью, где гора черная стоит Куркурлен; шесть деревьев наверху горы; там живет и здравствует мой родимый сын Чингис, ловит птиц, а пух бросает в реку. А река та днем, каждый день разливается, из берегов выходит, а ночью убывает, в свои берега входит.

Вот идите на то место сказанное, моего сына родимого, любимого там ожидайте: придет он к вам, покажется.

А приметы его—родного: а лицо то прекрасное, прекрасное, шапка белая и одежда, драгоценный лук золотой, Джабраила печать и конь сивый; как ударит коня плетью, так с виду вашего и сгинет тотчас. Вот увидите

такого человека—это будет сын родимый мой,
Чингис.

*[Десять биев³⁵ отправляются на поиски
Чингиса]*

Майкы-бий,
Калдар-бий,
Урхеш-бий,
Кипчак-бий,
Тамиен-бий,
Керейт-бий,
Кунград-бий,
Темир-Котлу-бий,
Тулак-бий,
Туленгут-бий.

Вот эти-то десять биев и вознамерились ехать,
Чингиса искать.

Только четверо биев, а зовут их:

Кунград-бий,
Кытай-бий,
Санджут-бий,
Кыят-бий—

ехать за Чингисом отказались; из них три послед-
них имели большую власть в народе и не реша-
лись ехать за Чингисом, своих собственных ханов
боялись обидеть и искать хана где-то вдали.

Кунград-бий совсем не хотел ехать за Чин-
гисом, он сторону держал трех его братьев,
Боденджара, Кенджара и Сальджута, и нена-
видел Чингиса; остальные бии не обратили вни-
мания на его советы и поехали одни искать
Чингиса. Майкы-бий даже взял у матери Чин-
гиса, Алангу, перстень с печатью, а остальным
биям об этом ни слова не сказал.

*[Десять биев странствуют по горам
и отыскивают Чингиса]*³⁶

Дошли десять биев до мест, которое указала им мать Чингиса, Алангу, взобрались на гору, где шесть деревьев было, осмотрелись вокруг, видят вдалеке два дворца: белый и синий. В них они не вошли, остановились на черной горе Куркурлен. Тихо, мертво было кругом; никого не было; только неделю спустя услышали они голос, подобный карканью ворона и говору человека. Видят, что к ним на гору взбирается какой-то мужчина, но они ничего не говорили, а спокойно лежали на земле.

Наступило утро; где-то зарычал медведь, заревел лев... Вот бии наконец догадались, что здесь-то и живет Чингис. Побежали, видят: Чингис на сивом коне, в белой одежде и шапке, с драгоценным золотым луком, по красоте похож на Джабраила.

Чингис спросил:

— Что вы за люди и зачем преследуете меня?..

Чингис ударил коня сивого плетью и стал невидим. Заплакали горько бии и решили вернуться на старые места.

Настало другое утро, но теперь, помимо крика птичьего, они ничего не слышали. Так прождали они Чингиса на горе еще два-три дня.

[Чингис по перстню матери признает десять биев, называет их друзьями и задает пир]

Но вот однажды рано утром они услышали знакомые звуки: медведь рычал и лев ревел—то

Чингис опять выехал на охоту. Радостные они бросились к нему навстречу и снова увидели его.

Чингис счел их за воров:

— Кто вы? Что вы все время следите за мною? Что вам нужно от меня?—крикнул Чингис.

Горько заплакали бии.

Увидал их слезы Чингис, сам горько заплакал и молвил:

— Зачем вы приехали ко мне?

— Мы готовы за тебя умереть.

— Кто вас послал сюда ко мне?

— Мать твоя, Алангу, сжалилась над нами, сюда послала нас.

— А какой у вас знак, что она послала вас сюда?

Бии остановились, не зная, что отвечать Чингису. Один Майкы-бий вынул из кармана перстень матери Чингиса, Алангу, с печатью³⁷ и показал его Чингису. Тот поглядел, узнал свой родимый перстень—перстень матери Алангу, улыбнулся и молвил:

— Если я буду ханом, то будешь ты бегом, Майкы-бий.

Хорошо, что ты принес мне перстень матери, иначе я рассердился бы крепко на тебя и на всех вас: ни ты, Майкы-бий, ни вы все, бии, ничего не значили для меня; не обижайтесь теперь на меня за это! Теперь вы мои друзья, пойдемте в мою кибитку.

Чингис и десять биев вошли в „сарай“ и жили там целую неделю, пили напитки опьяняющие, разные яства кушали³⁸.

[Десять биев просят Чингиса взять власть над их родами]

На пиру молвил им Чингис такое слово:

— Послали вас люди искать меня, ханом сделать, а какого вы роду и сколько у вас родичей, чтобы мне помогать во всем и меня поддерживать, раз я ханом буду?

Вскочили бии на ноги, поклонились низко Чингису и говорят ему с робостью:

— Мы здесь старшие главари от десяти родов,

один только Калдар-бий от самого себя.

Твоя мать Алангу за нас и вместе с нами тебя просит ханом быть.

Один Кунград-бий против тебя был и остался у своих сородичей, отказался с нами ехать тебя искать и просить.

Мы все время твое лицо желали видеть, тебе подчиниться хотели.

Теперь наше желание исполнилось: мы и наш народ—твои отныне.

Чингис в ответ им молвил:

— Почтенные бии! с этого дня я—с вами и вы—со мною.

Бии обрадовались этим словам и поднесли ему в дар своих коней, а Чингис свое согласие дал принять эти подарки.

[Чингис с десятью биями возвращается в свой столичный город]

Чингис сказал им:

— Как вы повезете меня, куда уложите столько вещей?

Видите, как их много у меня?

Калдар-бий ему в ответ ответил:

— Я сделаю одну вещь; на нее мы все твоё и положим.

Калдар-бий сделал телегу. Если спросят, кто первый сделал телегу, знайте, что это сделал Калдар-бий Баленев.

Нагрузили бии на телегу все добро Чингиса, посадили на нее самого Чингиса и отправились домой³⁹.

Через несколько дней они добрались до стольного города и послали просить Алангу во дворец остановиться.

Бии знать не знали, спорили, кому из них первому во дворец идти вслед за Чингисом. Майкы-бий спросил других:

— Кто должен взойти—бык, который вез телегу, или хозяин, который им управлял?

Чингис ответил:

— Прилично ли быку взойти раньше хозяина?

И Майкы-бий взошел первым и занял место с правой стороны хана. Другие сели подле него⁴⁰.

[Бии сокрушают противников Чингиса]

На другой день десять биев напали на аулы, бии которых не поехали к Чингису, были большими врагами его: Боденжара, Кенджара, Сальджута и Кунграда; всех их они перебили вместе с их родичами.

[Сестра Кунград-бия, Бортакшин, скрывает детей четверых убитых биев]

Бортакшин была сестрою убитого Кунград-бия; она успела скрыть детей четырех убитых биев: Боденджара, Кенджара, Сальджута и Кунграда.

Народ проведал про то и сказал Чингис-хану. Одолея того гнев, кричит Чингис-хан:

— Идите, приведите этих детей!..

Явились к Бортакшин и говорят:

— Сам Чингис-хан требует тебя, иди скорее!

Та молвила в ответ:

— Хорошо, сейчас пойду к Чингис-хану.

[Бортакшин, писаная красавица]

Встала Бортакшин, накинула верхнюю одежду, на ноги—расшитые туфли, на голову—шапку чернубурой лисицы и взяла с собой четверых мальчиков: одному из них было десять лет, другому—одиннадцать, третьему—тринадцать, а четвертому—всего четыре года; все они были писаные красавцы.

Но сама Бортакшин была всех красивее: на всем белом свете не сыскать равных ей; косы ее сорокасаженные ⁴¹ две женщины носили позади на блюде золотом.

Народ говорил ей:

— Ах, Бортакшин, какая ты красавица писаная и на такое ты дело осмелилась: воровкой стала, этих мальчишек у себя спрятала.

Бортакшин в ответ молвила:

— Что вы зовете меня воровкой? Стала я воровкой только перед самим ханом!..

[Чингис-хан разговаривает с Бортакшии о детях, которых она утаила у себя⁴²]

Привели Бортакшин к самому Чингис-хану.

Удивился Чингис-хан, как увидел красоту ее неописанную и волосы сорокасаженные на золотом блюде, что две прислужницы за нею несли.

— Бортакшин, зачем ты стала воровкой в моих глазах, зачем ты скрыла этих мальчишек?

Та в ответ молвила:

— Я воровкой стала, тебя жалеючи.

Чингис-хан опять спросил ее:

— За что же ты меня жалеешь?

А Бортакшин ему в ответ:

— Я думала, что тебе трудно будет ответ держать за участь этих детей.

А Чингис-хан ее снова спрашивает:

— А почему ты думаешь—мне так трудно ответ держать перед Аллахом?

Говорит Бортакшин:

— Во времена Ноя Аллах послал неверным потоп: потопил их, уничтожил;

а чтобы не прекратился род людской, спас лишь тех, кто был в корабле Ноя.

А ты, хан, сам не раб ли Аллахов?

Вот лев бросается на сайгака, если перескочит его, то не возвращается больше к нему, и так дает ему свободу.

Ты—человек: поэтому освободи меня и этих детей.

Народ в гневе, не зная их рода, мог убить и тем самым прекратить их род⁴³;

вот, чтобы такого зла не вышло,

я и решила их спрятать, скрыть.

[Чингис-хан любит Бортакшин и делает ее своей женою]

И сказал тогда Чингис-хан:

— Ради слов твоих хороших, ради сердца твоего, по широте подобного морю⁴⁴, готов тебя избавить я от ста смертей⁴⁵.

Только дай свою любовь и от меня не уходи⁴⁶.

А Бортакшин ему в ответ:

— Если любишь меня—я твоя жена.

Услышал такие слова Чингис-хан и обрадовался. Крепко они полюбились друг другу, поженились, устроили пир, веселились.

Бортакшин родила Чингис-хану четырех сынов: Юши-хана, Джудай-хана, Керейт-хана и Таудей-хана.

[ЧИНГИС-ХАН ДАЕТ СВОИМ БИЯМ КАЖДОМУ ОТДЕЛЬНУЮ „ТАМГУ“, НАЗНАЧАЕТ ИМ ЛЮБИМЫЕ ДЕРЕВЬЯ И ПТИЦ]

Чингис-хан был справедливым и добрый правитель; он завоевал много орд и таким образом славу о себе распространил по всему свету.

Он указал всем биям, которые приезжали к нему на черную гору Куркурлен, а также и остальным биям особое место, дал каждому особую „тамгу“⁴⁷, особую птицу, особое дерево⁴⁸.

Чингис-хан сказал первому из них, Кыяту Боденджарову:

— Пусть твоим (любимым) деревом будет сосна,
птицей будет сокол,
„тамгой“ будет „верблюжье седло“.

Сепкилю Кунградову:

— Пусть твоим деревом будет яблоня,
птицей будет кречет,
„тамгой“ будет „полная луна“.

Майкы-бию:

— Пусть твоим деревом будет черное дерево,
птицей будет орел,
„тамгой“ будет „козел“.

Ордаш-бию сказал Чингис-хан:

— О ты, с тысячею стрел Ордаш-хан!!

С тех пор и осталось за ним это название: в бой он всегда выходил, вооруженный тысячею стрел.

Сказал Чингис-хан Ордаш-бию:

— Пусть твоим деревом будет береза,
птицей будет ястреб,
„тамгой“ будет „пара ребер“.

Тамиен-бию:

— Пусть твоим деревом будет ива,
птицей будет ворона,
„тамгой“ будет „крик“.

Кипчак-бию:

— Пусть твоим деревом будет осина,
птицей будет беркут,
„тамгой“ будет „гребень“.

Думарт-бию:

— Пусть твоим деревом будет вяз,
птицей будет пустельга,
„тамгой“ будут „вилы“.

Керейт-бию:

— Пусть твоим деревом будет липа,
птицей будет гусь,
„тамгой“ будет „глаз“.

Буржан-бию:

— Пусть твоим деревом будет дуб,
птицей будет журавль.

Буркут-бию:

— Пусть твоим деревом будет клен,
птицей будет „хөт-хөт“,
„тамгой“ будет арабская буква „аин“.

Калдар-бию:

— Пусть твоим деревом будет сандал,

птицей будет голубь,
„тамгой“ будет „половник“.

Темир-Котлу-бию:

— Пусть твоим деревом будет „шырык“,
птицей будет сорока,
„тамгой“ будет „половина гребня“.

Всех этих биев Чингис-хан назначил начальниками своих воинов и отправил их для завоевания орд по всему свету.

Когда выезжал Чингис-хан на охоту за сайгаками, то его начальники воинов выезжали вместе с ним со своими птицами, которые так назывались: у самого Чингис-хана — двуглавый „кур-кус“, у других биев — кречет, сокол, орел, ястреб, ворона, беркут, пустельга, гусь, журавль, дудак, голубь, сорока.

Деревом у самого Чингис-хана был „шынар“, у других — черное дерево, сосна, яблоня, береза, ива, осина, вяз, липа, дуб, клен, сандал, „шырык“.

„Тамгой“ у самого Чингис-хана была „голова птицы“, у других — „верблюжье седло“, „полная луна“, „козел“, „пара ребер“, „крюк“, „гребень“, „вилы“, „глаз“, „арабская буква „аин“, „половник“, „половина гребня“.

[Кольчуги биев Чингис-хана]

Каждому своему начальнику воинов Чингис-хан дал для боя особую кольчугу с отдельным названием:

- у Кыята — „город“;
- у Кунграда — „луна под мышкой“;
- у Ордаша — „материн глаз“;
- у Кайгака — „синий воротник“;

у Керейта—„справедливый мой“;
у Муйтака—„суровые брови“;
у Буржана—„счастливый“;
у Кытая—„шляпа из корня“;
у Калдара—„кусающийся“;
у Темир-Котлу—„телячья голова“.

[Чингис-хан с сыновьями и биями охотится за сайгаками]

Однажды Чингис-хан со своими сыновьями и начальниками воинов выехал на охоту; встретили они сайгака видом с тигра; прицелились все в него, выстрелили и не попали.

Тогда трое погнались за ним, догнали и пристрелили: сын Кунграда—Сепкиль, второй—Ордаш с тысячью стрел и третий—Тамиен-бий.

Убитого сайгака доставили Чингис-хану, тот дивился их храбрости, дал им в награду много денег, и когда собирался „курултай“, восхвалял их храбрость.

В другое время они опять выехали на охоту и увидели сайгака из породы „булан“. У Буржан-бия конь был скакун, на нем он догнал „булана“, схватил за хвост и притащил к самому Чингис-хану. Хан щедро наградил Буржан-бия.

Так забавлялись они охотою ежедневно.

[Чингис-хан посылает на охоту своих биев с охотничьими птицами]

Один раз Чингис-хан послал своих начальников воинов одних на охоту с охотничьими птицами. Каждый из них выехал со своей птицей.

Кыят-бий—своего „сокола“ пустил на лебедя;

Майкы-бий—своего „орла“—на утку;
 Ордаш-бий с тысячью стрел—своего „ястреба“ на гуся;
 Тамиен-бий—свою „ворону“—на перепелку.
 Каждый птицу, какую поймал, принес хану.
 Тот щедро их одарил.

[Чингис-хан делит свои улусы и добро между четырьмя сыновьями]

Чингис-хан разделил свои улусы и богатство между четырьмя сыновьями⁴⁹.

Старшему сыну, Юши-хану, надел свою шапку и поставил на свое место ханом;
 второго сына, Джудай-хана, назначил ханом в Индустан,

где жили различные народы;
 третьего сына, Керейт-хана, назначил ханом среди благородного народа

и надел на него шубу⁵⁰ героя;
 четвертого сына, Таулей-хана, поставил ханом в московскую орду,

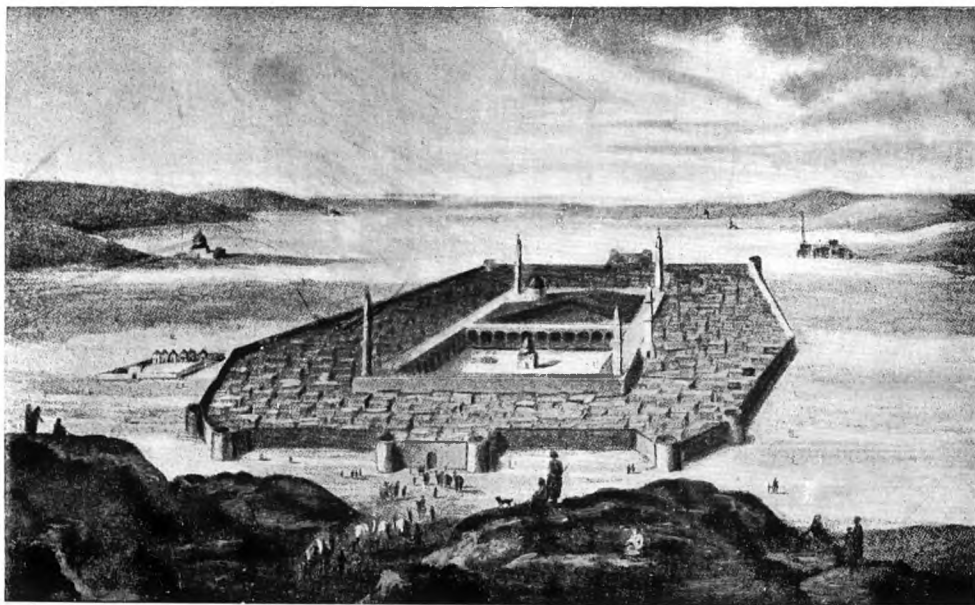
к народу милостивому и великому,
 надел на него шубу с атласным воротником.

Таким образом Чингис-хан поделил все свои орды между четырьмя сыновьями; все ханы в этих ордах ведут свое происхождение от Чингис-хана.

[Годы рождения и смерти Чингис-хана⁵¹]

Чингис-хан родился через пятьсот сорок девять лет после смерти Мухаммеда, в месяце зуль-хадж.

Он прожил семьдесят два года; десяти лет он был уже ханом и правил всего пятьдесят

Вид Медины

По Ohsson. Tableau Général de l'Empire Ottoman. Paris 1790

девять лет. Город, в котором он был ханом, назывался Китаем.

После семидесяти двух лет, вечером в пятнадцатый день месяца рамадана он умер в 621 году [хиджры].

ПРИМЕЧАНИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ ТИМУРА

¹ *Строение „Автобиографии Тимура“.*— По своему строению „Автобиография“ распадается на две части. Первая—меньшая по размерам—служит как бы *введением* к настоящей „Автобиографии“. В самом начале дан обширный трактат об идеальном правителе народа (двенадцать моральных принципов Тимура); потом следуют размышления о природе власти правителя; все остальное пространство первой части занимает блестящий спектр магических цветов, осеняющих голову Тимура, как идеального правителя, как человека, которому удивительными судьбами вручена непонятная власть над миром и бесчисленным множеством людей.

Вторая часть—собственно автобиография, погодный рассказ (по возрастным датам героя, начиная с семилетнего возраста и до тридцати девяти лет, где обрывается наша рукопись и наш рассказ) о событиях реальной жизни Тимура.

Здесь можно уловить такие группы важнейших событий:

- 1) Тимур получает образование.
- 2) Генеалогия Тимура.
- 3) Устройство хозяйства.
- 4) Тимур—вассал амира Казгана.
- 5) После смерти Казгана Тимур, как один из триумвиров-амиров, владеет Самаркандом и делает попытки приобрести весь Мавераннехр.

6) Нашествие хакана Туклук Тимура из Джете в Мавераннехр, подчинение ему Тимура. Туклук Тимур передает Тимуру власть над Мавераннехром.

7) Борьба Тимура с различными амирами Мавераннехра; для завершения борьбы Тимур призывает на помощь хакана Туклук Тимура, который истребляет сеньёров Мавераннехра.

8) Туклук Тимур передает завоеванную власть своему сыну Ильяс-Ходже. Опала на Тимура. Его бегство из Самарканда.

9) Приключения Тимура во время его скитаний у туркмен, в Кандагаре и Сеистане.

10) Тимур собирает военные силы своих союзников и вассалов в долине Арсаф для борьбы с Ильяс-Ходжей.

11) Борьба Тимура с амирами и богадурами Джете.

12) Борьба Тимура с амиром Хусайном, кончая примирением на „мазаре“ Али-ата.

На этом примирении Тимура с амиром Хусайном прерывается рукопись с его автобиографией. В противоположность первой части, морально-политическим трактатам и пестрой амальгаме магических рассказов, собственно автобиография насыщена трезвым содержанием изумительно богатой подвигами и приключениями жизни „великого амира“. Элементы мистики и магии, выделенные в первую часть, здесь даны в сравнительно скромных дозах: исчезает резкая диспропорция между обыденно-реальным и сказочным; живет и действует крупная реальная личность; ее подвиги—куда фантастичнее, чем сны и гадания.

² „Во имя Аллаха милостивого и милосердного!“— формула, предваряющая все „суры“ (главы) Корана (см. ниже „Коран“), кроме IX; этой формулой начинается и всякая книга „мусульман“ (правоверных);

³ В перечислении круга лиц, для которых назначена „Автобиография“ Тимура и в частности „Трактат об идеальном правителе“, на первом месте поставлены „дети“ и „родственники“, т. е. подчеркнута глубокая важность и нерушимость родственных уз; род был основной ячейкой, на которой держалось здание феодально-племенного общества в эпоху Тимура; родственные связи являлись основной скрепой,

цементом,— вот почему Тимур ставит на первое место родичей.

На втором месте стоят высшие амиры, крупные феодалы, наподобие планет окружавшие центральное светило великой политической системы, созданной Тимуром.

⁴ *Амир* (буквально: „вождь“, „полководец“) — в „Автобиографии“ употребляется для обозначения крупных феодалов, служивших Тимуром и другим сеньёрам в качестве предводителей отдельных отрядов, правителей-комендантов городов и крепостей, составлявших совет своего сеньёра, владельцев отдельных местностей и большого движимого имущества (рабов, коней, верблюдов, овец и т. д.).

⁵ *Визирь* (буквально: „носильщик тяжестей“) — носильщик тяжестей управления, первый министр.

⁶ *Трактат об идеальном правителе* („пастырь народа“). По существу не так уж важно, со слов ли Тимура написан трактат о правителе, или его составил потом какой-либо „улем“, ученый богослов „правовверных“. Интересен руководящий стержень вводного ко всей „Автобиографии“ эпизода, определяющего ее содержание.

Во главу угла положена идея очень высокой, очень большой власти; мелкие, раздробленные феодальные мирки с их интригами, мелкими распрями и войнами, мимолетными союзами, хрупкие, эфемерные—где-то очень далеко, под горизонтом, исчезли из настоящей и обязательной реальной жизни. Нужны очень крупные масштабы, какой-то большой фундамент, чтобы на нем выросла идея „пастыря народов“, идея подчинения ему всех частей мира.

Такая необъятная власть окружена в глазах массы магическим ореолом: как может один человек владеть всем миром, как могут подчиняться воле одного воли мириад? Вопрос требовал настойчивого разрешения у пытливых слоев общества, пораженных несказанным величием одного властелина.

У автора морально-магический подход к решению поставленной задачи. Тимур своим величием всецело обязан двенадцати присущим ему моральным качествам. Что это за качества?

Первое—*беспристрастное*, одинаковое отношение ко всем классам общества—„богатым и бедным“, говоря более реальным языком, *внеклассовый* и *надклассовый* характер власти правителя.

Второе—строгое, неуклонное хранение заветов ислама: правитель поддерживает ислам, а ислам поддерживает его.

Третье—милостыня бедным. Выдвинута идея широкой *государственной благотворительности* неимущим слоям населения, владыка мира—щедрый попечитель обделенных на жизненном пиру людей.

Четвертое—высший закон для правителя—общее благо: идея *просвещенного деспотизма*.

Пятое—примат религиозных дел над мирскими, житейскими. Своеобразное сочетание противоположностей, характерное для средневековья и западного, и восточного,—„презрения к миру“ и стремления к абсолютной власти над этим миром,—яркая восточная параллель к понтификату таких личностей, как Григорий VII и особенно Иннокентий III.

Шестое—правитель—духовный меч Аллахов, карающий всю людскую неправду, высший судья в человеческом обществе, опять-таки *внеклассовый* и *надклассовый* арбитр.

Седьмое—в противоположность коварству, лицемерию, обману мелких сеньёров, владыка мира—одицование правды, неуклонный хранитель своих обещаний, чести, своих слов, когда-либо и где-либо сказанных.

Восьмое—отсутствие корысти к имуществу подвластных людей, широкая щедрость владыки, не знающего пределов своим материальным ресурсам.

Девятое и десятое—вера и величие правителя рождены как бы из одного чрева; правитель, распротраивая ислам, тем самым увеличивает свое могущество; идея тесного союза владыки мира и ислама.

Одиннадцатое—духовные лица занимают первые места в верховном совете правителя мира; их совет—первый, главный момент в решениях правителя.

Двенадцатое—жизненный путь великого правителя освещен двумя светочами—беспристрастия и милости: „правда и милость да царствуют везде и всегда во владениях правителя мира“.

Кто владеет этими ключами, тому по праву принадлежит власть над целым миром, над мирядами людей, имя „Джехангира“.

⁷ *Коран* (буквально: „чтение“, собственно—инфинитив глагола, означающего „читать“) — собрание в форме одной цельной книги, священной для „правовверных“, откровений, данных в разное время в Мекке и Медине посланнику Аллаха Мухаммеду; повидимому, в устах самого Мухаммеда название „Коран“ имело тот смысл, что он был прочитан ему свыше. Мухаммед обыкновенно проводил месид рамадан в уединении на горе Гира близ Мекки. Однажды ночью (это было в декабре 610 или январе 611 г. христианской эры) Мухаммед, куда-то уходящий, вернулся и сказал своей жене Хадидже: „Я спал глубоким сном, когда мне явился во сне ангел, держа в руках исписанный кусок шелковой материи, и сказал: „Читай!“—„Что же я буду читать?“—спросил я. Он развернул кусок и повторил: „Читай“. Я повторил вопрос: „Что я буду читать?“

Ангел ответил:

„Читай во имя Господина твоего, который сотворил все. Который сотворил человека из огустевшей крови. Читай во имя Господина твоего, который всех щедрее. Это он научил человека пользоваться пером. Он научил человека тому, чего человек не знал“ (*Коран*, *ХСVI сура*, 1—5 *аят*).

Я произнес эти слова за ангелом, и он удалился. Когда я проснулся и пошел на скат горы, то услышал над своей головой слова: „О Мухаммед, ты послан Аллахом, а я Джабраил“. Я поднял глаза и увидел ангела; я стоял неподвижно с обращенным к нему взором, пока он не скрылся“. Так начались откровения Аллаха Мухаммеду.

Коран—собрание рассказов, поучений, законов и т. д. без всякого порядка, тем более хронологического. Откровения, занесенные в Коран, редко бывали длинны, чаще всего они состояли из нескольких стихов, которые записывались еще при жизни Мухаммеда или сохранялись просто в памяти, потому что современники Мухаммеда владели замечательной памятью, свойственной народам, пишущим мало.

Мухаммед всякое откровение, которое представляло собой целое, называл *сурой*. Сура—слово еврейское, означает „ряд камней в стене“, потом „строчка в письме или книге“; в Коране сура обозначает отдельную главу. Сура состоит из отдельных стихов „аят“: что буквально значит „знак“, „знак небесного предостережения“, „чудо“, потому что каждый стих Корана обозначает, как слово самого Аллаха, именно предостережение и чудо. В Коране всего 114 сур, из них 70, данных в Мекке, 44—в Медине; кроме первой суры („эль-фатига“), очень небольшой по объему, имеющей особо магическое значение для правоверных,—остальные суры расположены в Коране по своей величине в виде убывающей прогрессии от самых больших по размерам в начале до самых малых в конце.

Полного собрания стихов Корана во времена Мухаммеда не существовало. Впервые были собраны отрывки Корана в одно целое при первом халифе Абу-Бекре (632—634 г. н. э.) по настоянию Омара. В 11 году хиджры в ожесточенном бою при Акрабе с „джепророком“ Мосейлимой погибло более шестисот сподвижников Мухаммеда („азгабов“), знавших на память длинные отрывки из Корана. У Омара, ближайшего сподвижника Мухаммеда, впоследствии второго халифа (634—644 г. н. э.), явилось опасение, что скоро совсем не останется в живых людей, слышавших от самого Мухаммеда откровения Корана. Он подал совет Абу-Бекру собрать в одно целое все отрывки Корана. Абу-Бекр поручил собирание Корана ближайшему помощнику Мухаммеда, Зейд-ибн-Табигу.

Зейд-ибн-Табит нашел, что легче гору сдвинуть с места, чем выполнить такое поручение халифа. Под руководством Омара он собрал отрывки Корана, частью записанные на свитках бумаги или пергамента, на волокнистых черенках пальмовых листьев, на камешках или костях, а частью—и это самая большая часть—сохранявшихся в памяти тех или иных „правоверных“.

Запись Зейд-ибн-Табита была предназначена только для частного пользования Абу-Бекра и Омара.

Среди „правоверных“ обращались и другие варианты тех или иных отрывков Корана; на этой почве начались пререкания между войсками различных областей халифата. Третий халиф, Отман (644—656 гг.) решил ввести одну общую, официальную, обязательную для всех редакцию Корана. Зейд-ибн-Табиту было поручено составить и эту вторую редакцию. Вторая редакция Корана есть единственно признанная редакция, потому что все остальные редакции халиф Отман распорядился уничтожить.

Коран был предметом бесчисленных толкований. Комментаторы распадаются на ряд отдельных школ и направлений, между которыми идут постоянные споры. Коран, по Нельдеке,—наиболее читаемая в мире книга; ее читают не только в мечети во время службы, но и постоянно дома или в пути; она также служит предметом, по которому гадают о будущем.

⁸ См., между прочим, Коран, II сура, 28 аят: „Когда Аллах сказал ангелам: „Я на земле хочу поселить помощника себе“, ангелы ответили: „Поселишь ли ты на земле существо, которое произведет беспорядок и прольет кровь в то время, когда мы будем прославлять тебя валами и беспрепятственно воспевать и превозносить твою святость?“ Аллах ответил ангелам: „Я знаю то, чего не знаете вы“.

⁹ Ангелы, по словам Корана,—духи, вестники Аллаха, имеющие два, четыре, а иногда и множество пар крыльев (XXXV сура, 1 аят), носят престолы Аллахов (LXIX сура, 17 аят), являются заступниками за людей (XI сура, 7 аят), являются на помощь „правоверным“ (III сура, 120 аят); они — хранители каждого человека (VI сура, 6 аят); умрут, подобно людям, перед днем последнего, Страшного суда (XXXIX сура, 68 аят); последним должен умереть Азраил, ангел смерти; потом будут все воскрешены.

¹⁰ Амир Хусайн был родственником Тимура, который был женат на его сестре, Аль-Джой Туркан-ага, вучке амира Казгана. В „Автобиографии“ Хусайн появляется непрерывно то в качестве союзника, то врага Тимура.

¹¹ Шариа́т (буквально: „путь к спасению“) — религиозно-правовой кодекс „правоверных“; его осно-

вы: 1) *Коран*; 2) *Сонна* (собрание преданий о жизни Мухаммеда) и *хадисы* (отдельные сказания о Мухаммеде и его изречения, не вошедшие в Коран, записанные из уст людей, которые слышали их от современников или их потомков; имена лиц, преимущественно сохранивших хадисы, точно в них указаны); 3) *Иджма* — согласие старых духовных авторитетов; 4) *Кьяс* (буквально: „аналогия“) — логическая очевидность.

¹² *Муслимы* (буквально: „предавшие себя воле Аллаха“) — „правоверные“, служители религии, пошедшей со времен Мухаммеда, — ислама.

¹³ *Ислам* (буквально: „подчинение, предание воле другого“) — предание себя воле Аллаха. „Религия Аллаха есть ислам“ (*Коран*, III сура, 17 аят), — одна из мировых религий, ведущая начало со времен Мухаммеда (около 570—632 гг. н. э.).

I. *Пять столпов („рук“) ислама*: 1) *Исповедание веры*: „Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник его“. 2) *Пятикратная молитва* („салат“, „намаз“). 3) *Милостыня* („закят“). 4) *Пост* („саум“) в священном месяце рамадане. 5) *Паломничество* („хадж“) в Мекку.

II. *Двадцать „ветвей“ ислама*: 1) Строго соблюдать учение Корана. 2) Сообразоваться с преданием и устным учением посланника Аллаха, Мухаммеда. 3) Никогда не делать несправедливости. 4) Употреблять лишь дозволенную пищу. 5) Никогда не употреблять запрещенной пищи. 6) Наказывать злоумышленников, чтобы не усиливать злых путем снисходительности добрых. 7) Раскаиваться в своих дурных поступках. 8) Основательно изучать дело веры. 9) Делать добро даже и врагам. 10) Быть скромным в жизни. 11) Помогать служителям Аллаха. 12) Избегать перемен и нововведений. 13) Выказывать мужество в несчастии и твердость в испытаниях. 14) Прощать, когда мы сильны и властны. 15) Быть терпеливыми в несчастии. 16) Познавать Аллаха. 17) Познавать Мухаммеда, посланника Аллаха. 18) Противиться внушениям шейтана. 19) Противиться страстям и дурным побуждениям. 20) Предаться всецело служению Аллаху с полным доверием и полною покорностью.

III. Шесть благочестивых деяний: 1) молитва; 2) милостыня; 3) паломничество; 4) борьба против дурных побуждений; 5) борьба против всего, нарушающего Коран; 6) священная война („джихад“).

Двенадцать моральных качеств Тимура всецело основаны на „ветвях“ ислама; вся „Автобиография“ построена так, чтобы представить в реальном воплощении идеальные требования ислама.

¹⁴ Сайид (буквально: „начальник“, „господин“) — до Мухаммеда так назывались вожди отдельных арабских племен; после Мухаммеда — его потомки от дочери Фатимы; они составляли как бы обособленную касту среди остального населения, были освобождены от телесного наказания, имели право заступничества за обиженных перед властями, носили чалму зеленого цвета, любимого Мухаммедом. Обыкновенно сайиды не рождались с посторонними; монгольские ханы, женись на сайидках, обыкновенно сами принимали название сайидов.

¹⁵ Улемы (от alim — „ученый“) — ученые богословы, толкователи Корана, учителя Корана, знатоки религиозно-юридических норм Корана; из рядов улемов выбирались кади (судьи) и муфтии (знатоки права).

¹⁶ Шейх (буквально: „старец“) — до Мухаммеда так назывался вождь арабского племени, достигший полной зрелости возраста; после Мухаммеда — глава духовного ордена „правверных“, вообще духовный руководитель.

¹⁷ Константин — образ идеального царя, списанный, возможно, с Константина Великого, римского императора первой половины IV века н. э.; исторический образ Константина в „Автобиографии“ существенно изменен: Константин, конечно, не мог мыслить, как последователь шариата.

¹⁸ Рай — старинный город Персии в 10 километрах к юго-востоку от теперешнего Тегерана; захвачен арабами в 641 г. н. э. при Омаре; был резиденцией сельджукских султанов, Эль-Тогрула и Альп-Арслана; разрушен монголами при Чингис-хане в 1221 г.

¹⁹ Совет: а) племени; б) амиров; в) „пастыря народов“ Тимура. а) Совет племени слагался из ста-

рейших и именитых членов племени, зорко следивших за поведением „сайидов“ своего племени; „сайид“ должен был всегда волей-неволей считаться с родными и сторонниками прежних „сайидов“, с властью колдунов, гадалей и знахарей; военная доблесть „сайида“ была ограничена таким образом *родовыми* начальниками и служителями *магии*. б) *Совет амиров* — из всех вассалов крупного сеньёра, включая и крупнейших богадуров-рыцарей по *важнейшим*, преимущественно военным делам; советы происходили накануне длительных военных операций или же перед началом боя, перед решающим штурмом крепости. в) *Совет „пастыря народов“* состоял, помимо сыновей, внуков и других родных, из министров, подвластных султанов, сайидов и важнейших духовных лиц: шейхов и улемов. Вокруг трона сидели сыновья и другие родственники Тимура, по правую от трона руку — сайиды, шейхи, улемы, по левую — султаны и амиры, напротив — министры.

²⁰ *Хакан* — царь царей, великий хан; этот титул носил Чингис-хан и его преемники; в переносном смысле этот титул распространялся на всех выдающихся правителей.

²¹ *Юродивые* — люди, отрекшиеся от всяких земных благ и привязанностей, блаженные, нищие; пользовались великим уважением народных масс; перед ними занеживали и „пастыри народов“.

²² *Размышление о природе власти правителя* крайне интересно и самой постановкой вопроса, а также способами и формой его решения.

Как возможно, чтобы мириады людей беспрекословно и в точности повиновались воле одного человека, хотя этот один по внешности мало чем выделяется среди прочих людей?

Элементы проблемы таковы: 1) один выделяется среди бесчисленного множества в качестве „героя“ среди „толпы“, в качестве властного центра среди пассивно повинующейся периферии; 2) координация этих двух основных элементов жизни носит *безусловный* характер, воля одного — *causa efficiens*, поступки множества — неизбежный результат какого-то закона, равнозначного законам природы; одним словом, проблема вытекает из количественной и одновременно

качественной диспропорции между „одним“ и „множеством“.

В решение проблемы введен сверхъестественный момент: „один“, неизмеримо ничтожный количественно перед „многими“, неизмеримо велик качественно, как воплощение силы и воли Аллаха на земле, власть „одного“ над „многими“ своими последними корнями уходит в „мир тайн“; таким образом, проблема власти, исходя из противопоставления и координации „героя“ и „толпы“, находит свое решение исключительно в области магии.

²³ *Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади* (Тайабад — селение в Хорасане) — глава ордена „суфиев“, правоверных-отшельников, созерцателей и мистиков, духовный владыка, без которого даже такая провиденциальная личность, как Тимур, не решается сделать ни одного сколько-нибудь серьезного шага в своей сложной жизненной деятельности.

²⁴ *Препоясание поясом* — магический символ передачи дарований и способностей от высшего к низшему; пояс, замкнутый круг, символизирующий вечность, окружает тело человека и таким образом приобщает его к вечности.

²⁵ *Шапка, возложение шапки* — также магический символ передачи власти через голову, центр души, от высшего к низшему; так, Чингис-хан, надевая шапку на каждого из своих четырех сыновей, тем самым облакал их высшей властью хана в своих улусах.

²⁶ *Кольцо* — также магический символ передачи высоких дарований, приобщения к высшей власти. Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади передал Тимуру сразу три фетиша, пояс, шапку и кольцо, символизируя передачу ему очень больших и очень высоких дарований.

²⁷ *Наиб* (буквально: „наместник“) — заместитель посланника Аллаха (Мухаммеда) в мире, человек очень высоких духовных дарований. Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади называет Тимура „наибом“ Мухаммеда в знак его великого назначения — распространять ислам, как среди „людей писания“ (евреев и христиан), так и неверных — язычников.

²⁸ Совершенно неясно, где же кончается рассказ шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади и где возобновляется рассказ о подвигах Тимура. 806 г. хиджры связывает эпизод о подвигах Тимура с рассказом, датированным 805 г. хиджры, но отнесенным как будто к шейху Заин-эд-дину с его далекими воспоминаниями о покорении Рума. Это — явный абсурд; рассказ шейха не приведен совсем, а весь эпизод относится целиком к Тимуру, только не к раннему периоду его жизни (21 г.), а к предпоследнему (перед походом на Китай), после войн в Малой Азии (805—806 гг. хиджры как раз 1403—1404 гг. н. э., т. е. довольно точная датировка момента), когда Тимуру могло быть около семидесяти (семьдесят пять лет не так уже далеки от истины по отношению именно к Тимуру); весь эпизод следует озаглавить „Паломничество Тимура к „кутбу““. Такая неясность — вполне в стиле первой части „Автобиографии“, где при наличии общей тематики — постоянный переход от одного эпизода к другому.

²⁹ Эпизод интересен легендарно-сказочными мотивами: 1) легендарно-агиографический сюжет, который, как увидим ниже, несколько в иной форме разработан в эпизоде с шейхом Кулялем; 2) сказочные детали: таинственный ключ, число „три“, „кутб“ — конюх, внезапная смерть „кутба“; 3) сравнение веры с городом; 4) историческая несообразность в вопросах о „Руме“ и „Кайсаре“ (см. дальше — „Рум“ и „Кайсар“).

³⁰ *Рум* — искаженное турками-сельджуками название государства *Romaegum* (римлян), т. е. византийцев. Так же называлось и основанное самими турками-сельджуками государство в пределах Малой Азии. Вряд ли здесь может идти речь о столице Византии Константинополе; до 29 мая 1453 г., когда Константинополь был захвачен турками османскими под предводительством Мухаммеда II, ни один восточный владыка не захватывал этого важного города; или здесь может идти речь о столице сельджукского государства, что едва ли вероятно, потому что государство сельджуков к этому времени пере-

стало существовать; или под Румом и его столицей с большой натяжкой разумеется государство Баязиды Молниеносного, которого сокрушил Тимур под Ангорой в 1402 г.; или вообще весь этот эпизод окрашен в густые легендарные цвета.

³¹ *Кутб* (буквально: „звезда“, „глава“) — наименование у „правоверных“ лиц, прославившихся святой, подвижнической жизнью.

³² *Кутб-уль-Арифин* — буквально: „звезда (глава) знающих“.

³³ *Омовение* является ключом для молитвы, а ключом омовения — магическая формула: „во имя Аллаха милосердного и милостивого!“

Предписания Корана относительно омовения:

„О верующие! когда вы собираетесь совершать молитву, вымойте лицо и руки до локтя, вытрите голову и ноги до пяток; очищайтесь после совокупления с вашими женами, а когда вы больны или когда вы в дороге выполнили потребности природы или имели совокупление с женщинами, то, если не найдете воды, отрите лицо и руки мелким и чистым песком. Аллах не хочет налагать на вас никакого бремени, но хочет сделать вас чистыми“. (*Коран, V сура, 8 и 9 аят*).

Омовение, называемое „тайамум“ — очищение песком и пылью — допускается в семи случаях: 1) недостаток воды; 2) опасение истощить запас воды; 3) потребность в этой воде для питья; 4) опасение потерять часть ее при переноске; 5) болезни, не терпящие употребления воды; 6) переломы, требующие спокойствия для их сращения; 7) раны, к которым не следует прикасаться.

³⁴ *Молитва („салат“, „намаз“)* у правоверных — пятикратная, т. е. совершается пять раз в течение суток: 1) *полуденная* („зухр“), время которой наступает, когда солнце, достигнув высшей точки в своем течении, начинает клониться к закату, и продолжается до той поры, пока тень от предметов не станет равной их длине, присоединенной к длине тени предметов во время наступления молитвы; 2) *послеполуденная* („аср“) — между полуденной молитвой и заходом солнца; 3) *вечерняя* („магрш“) — совершается

тотчас после заката солнца; 4) *ночная* („иша“) — с исчезновением красной вечерней зари и до появления утренней на востоке и 5) *утренняя* („субх“) — с появлением зари и до восхода солнца. Время молитвы обыкновенно возвещается муэззипами с минаретов мечетей; молитва совершается там, где „правоверного“ застает „азан“ — возвещение. Молитва предполагает необходимые приготовления: 1) необходимо очистить свое тело установленными омовениями; 2) облечься в безукоризненно чистые одежды; 3) выбрать чистое место для молитвы; 4) закрыть часть тела между пупком и коленами; 5) иметь чистые намерения; 6) „кибдой“ (местом, куда обращаются на молитве) иметь Каабу, дом Аллаха, воздвигнутый в Мекке Ибрахимом (Авраамом).

³⁵ *Кутб-уль-актаб* — святой из святых, высший, недосыгаемый глава, шейх, достигший высшей степени в познании божества.

³⁶ *Баб-уль-абваб* — ворота ворот.

³⁷ *Кайсар* от *х цар* — Caesar — император (царь); здесь речь идет, повидимому, о византийском императоре; но Византии в ту пору, когда Тимур воевал в Передней Азии (конец XIV и начало XV века н. э.), можно сказать, почти не существовало; Тимуру приходилось бороться с грозным султаном османских турок, Баязидом Молниеносным, который железными руками охватывал жалкие обломки Византии около Константинополя. Перед нами или какая-то историческая несообразность, или подстановка Византии и Кайсара вместо Баязида Молниеносного и его державы к Европе и Азии, т. е. почти-тельная реминисценция Тимура о великой мировой державе прошлого; по понятиям Тимура, „джехангиру“ настоящего подобало бороться достойным образом только с „джехангиром“ прошлого или же с таким претендентом на владычество в мире, каким был султан Баязид Молниеносный. Едва ли поэтическую параллель Кайсару представляет Гээр-хан (тибетский Ке-сар), герой бурятской эпопеи, зародившейся, повидимому, в Тибете и теперь широко распространенной в Тибете, Лабахе, Амдо, Монголии, Манчжурии.

³⁸ *Масераннехр* (буквально: „то, что за рекою“) — страна за Сыр-Дарьей вплоть до Аму-Дарьи.

³⁹ *Узбеки* (буквально: „сами господа“) — название народа, населявшего страну Джете, т. е. Восточный Туркестан со включением Джунгарии и Семиречья.

⁴⁰ *Мечеть* первая устроена в Медине, когда Мухаммед переселился туда из Мекки; ее назначение было служить местом для молитвы „правоверных“, а также для собраний их общины; по образцу первой мединской стали устраиваться мечети в других центрах, захваченных арабами.

⁴¹ *Имам* (буквально: „стоящий впереди“) — духовный глава „правоверных“, обязанный направлять их к точному исполнению законов веры, глава религиозной школы.

⁴² *Минбар* — возвышенное место в мечети.

⁴³ *Хазрет* — почетный титул, прибавляемый к именам султанов, высших духовных лиц и т. д.

⁴⁴ В эпизоде с Убайдуллою Тимур выведен не как искусный военачальник, тонкий стратег, хитрый и цепкий дипломат, а как очень своеобразный философ-моралист. В первый раз в „Автобиографии“ (после трактата о справедливом и милостивом правителе, после размышлений о природе власти правителя) показаны отрицательные качества Тимура: он „кровожадный“, он „убил много народа“, „по его воле гибнет много людей“ — вот голос оппозиционных духовных кругов, которые возглавлял хазрет Убайдулла.

Тимур не отрицает фактов своей „кровожадности“, но хладнокровно компенсирует их фактами другого ряда: почтительным и внимательным отношением к потомкам Мухаммеда, сайидам; санкция этого „морального равновесия“ дается „Автобиографией“ обычным приемом — в форме вещего сна вождю оппозиции, хазрету Убайдулле.

Итак, моральная формула Тимура гласит:

Почтение к сайидам раз навсегда делает дозволимым, как бы сглаживает в нравственном отношении истребление целых мириад людей.

⁴⁵ 800 г. хиджры (1398 г. н. э.) — дата, когда Тимур воевал в Северном Индустане, в области Дели,

но не в Малой Азии — хронологическая ошибка автора „Автобиографии“.

⁴⁶ *Кербелла* — священный город шиитов (отвергающих „Сонну“, т. е. книгу, где собраны предания о жизни Мухаммеда) в Ираке-уль-Арабе; в десятый день (так называемый „день Ашура“) первого в году месяца мухаррема, в 61 г. хиджры (= 680 г. н. э.) в битве под Кербеллой был убит Хусайн, сын Али, четвертого халифа „правого пути“, и Фатимы, дочери Мухаммеда, т. е. внук самого Мухаммеда.

⁴⁷ *Неджеф* — священный город шиитов в Ираке-уль-Арабе, где погребено тело сына Али, Хусайна. Шииты покровительствуют „джехангиру“ так же, как и сонниты.

⁴⁸ *Белое знамя* („*лива*“) — знак большой милости Мухаммеда к вождю, которому белое знамя посылается или достается; оно — символ неперемнной победы над неверными.

⁴⁹ Как видно, при дворе Тимура велась „История подвигов“, откуда, надо полагать, и взят первоначальный материал для „Автобиографии“. Официальные летописцы и историографы — самое обычное явление при дворах владык Востока и Запада. Тимур, как великий *честолюбец*, желал жить и совершать подвиги для истории.

⁵⁰ Если под Румом здесь разуместь все-таки византийцев (греков), то, может быть, имеется в виду крайне неясный для толкователей Корана, допускающий многообразные комментарии, а потому и самое разнообразное применение, I аят XXX суры Корана: „Греки побеждены“.

⁵¹ В г. Туркестане находится древняя мечеть чтимого „правоверными“ святого хазрета Ясави; в мечети — знамена и гробница Ясави; гробница — древний предмет паломничества со всех сторон Туркестана.

⁵² *Гадание* на могиле чтимых шейхов — очень распространенный у „правоверных“ пережиток старинной магии, сильный не только в низах общества, но и у самого „джехангира“, быть может, самого *суеверного* из всех окружавших и подвластных ему людей.

⁵³ *Магическое четверостишие* — фетишизм слов и ритма слов; прежняя, до-мухаммеданская поэзия ара-

бов-бедуинов, орудие ядовитой сатиры, скепсиса, отрицания, после Мухаммеда покрывается густым слоем самой примитивной магии; в силу талисмана-четверостишия, автоматически повторяемого магическое число раз, слепо верит великий суевер Тимур. Четверостишие строго выдержано в стиле параллелистических антитез: ночь темная — день ясный; земля — цветник благоухающий: трудное — легкое, и дает динамику раскрытия потенциалов, заложенных в магическом субъекте.

⁵⁴ Снова ошибочная хронология „Автобиографии“ и спутанный порядок событий. В 801 г. хиджры (1399 г. н. э.) не мог появиться в Мавераннехре для его завоевания *давно умерший* хахан Джете Туклук Тимур; здесь перебежка, обычная в первой части „Автобиографии“, от очень позднего события в жизни Тимура к очень раннему; по невнимательности автор позабыл передвинуть назад и хронологию; здесь вероятнее всего нужно читать 761 г. хиджры (1360 г. н. э.).

⁵⁵ Всякий „правоверный“, совершивший „хадж“, священное паломничество в Мекку к Каабе (см. ниже „Хадж“), получал звание „хаджи“ и пользовался правом носить чалму.

⁵⁶ В оригинале „Автобиографии“ стоит Сайхун (Сыр-Дарья); конечно, по контексту нужно читать Джайхун (Аму-Дарья).

⁵⁷ *Хорасан* — северо-восточная провинция Персии.

⁵⁸ Ответ шейха построен на крайне интересном сравнении: Аллах — лучник (стрелок из лука), небо — лук, судьба — стрелы, выпущенные лучником из лука. Любопытна и форма сравнения и его глубокий философский смысл. Форма сравнения взята у знакомого тогдашнему воину оружия; она и привычна, и очень наглядна; Шейх знал, как лучше всего воздействовать на воображение воина. *Смысл* сравнения заключен в попытке решить проблему взаимоотношений между высшим существом и судьбою; вопрос решен здесь иначе, чем, например, в античном мире, где судьба ставится *над* высшим существом, где Зевс лишь путем весов узнает волю Мойры (судьбы); а тут, наоборот, Аллах посылает судьбу, его воля

и есть судьба. Здесь опять четвертый халиф Алп ассоциируется с Тимуром, как его патрон и духовный руководитель, опять подчеркивается близость шиитов к Тимуру.

⁵⁹ *Кипчакские улусы.*— Кипчаками писатели „правоверных“ называли народ, известный под именем половцов; степи киргизские, уральские, приволжские и придонские носили название Дешти Кипчак.

⁶⁰ *Сравнения и притчи „премудрого советника“* — как доказательство политических талантов Тимура.

Первое „сравнение“ основано на: 1) реальном образе „беды-опасности“, 2) апофеозе личной инициативы вождя и 3) количественной пропорции „бед-опасностей“; построено в форме своеобразного силлогизма, вывод из которого вытекает с железной необходимостью.

Вторая „притча“ дает композицию идеальных качеств правителя в форме устройства шатра, хорошо знакомого всякому воину того времени; конкретные образы кольев, столбов и веревок, поддерживающих шатер, символизируют справедливость, беспристрастие и правду — все, чем должен обладать правитель, особенно больших масштабов; притча осложняется дальше темой о спасающихся под сенью шатра-государства и погибающих вне его и заканчивается рядом практических советов правителю, как целесообразнее использовать для государственных задач духовенство, воинов и слуг, как поощрять (здесь социальная характеристика перебивается моральной) хороших людей и наказывать плохих.

Третье „сравнение“ дает ехидную характеристику турок, у которых ум такой же узкий, как и глаза: чтобы получить их преданность, необходимо насытить у них и то и другие.

⁶¹ *Граматы* — документы феодального права; в „Автобиографии“ можно насчитать до трех важнейших видов грамот. Одни грамоты символизируют передачу высшим лицом, сюзереном, части своих хозяйственных и политических прав какому-либо низшему лицу, вассалу, — это жалованные грамоты на ханское достоинство, на управление страной, на владение крепостью или каким-либо земельным феодем,

на командование отдельным отрядом войска и т. д. Другой вид грамот — с каким-либо требовавшим сюзерена, обращенным к вассалам: например, грамота Туклук Тимура трем важнейшим амирам Мавераннехра, — Тимуру, Хаджи-Барласу и Баязид-Джалаиру с требованием подчиниться ему. Третий вид грамот — письменные обращения вассалов к сюзерену с теми или иными просьбами и просто сообщениями различного политического характера.

⁶² *Семьдесят потомков*. — Семьдесят, как мы видели, магически-сказочное число. Многочисленность потомства особенно почиталась арабами, а потом вообще „правоверными“. Поэт Захейр (в книге „Столетники“) говорит: „В нем соединялись знаменитость аристократа и самое большое число потомков в лоне его племени“. Таким образом, Мухаммед обещает Тимуру самую почетную награду, какая только может выпасть на долю „правоверного“.

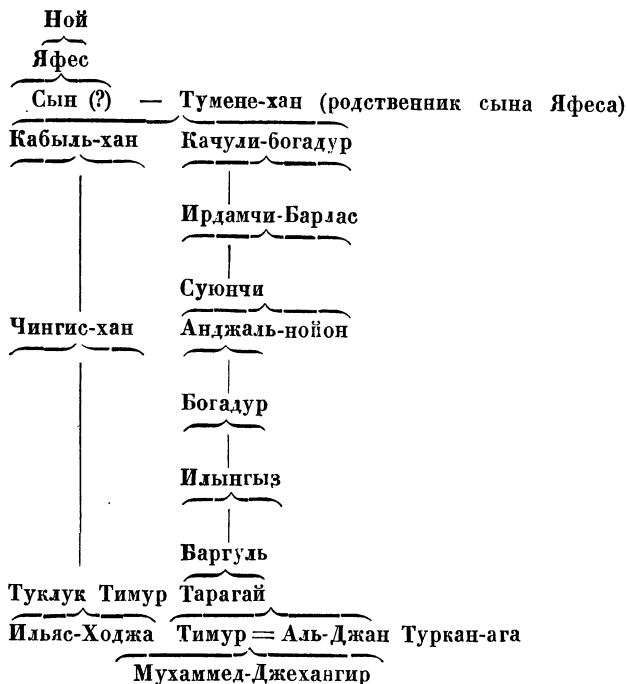
⁶³ 862 г. хиджры = 1458 г. н. э., т. е. 53 года спустя после смерти Тимура, — явно ошибочен; вероятно, нужно читать 752 г. хиджры = 1361 г. н. э.

⁶⁴ *Ходжа* (буквально: „старик“, „господин“, „хозяйин дома“) — название сословия, ведущего происхождение от четырех халифов „правого пути“ (от их детей, рожденных не дочерьми Мухаммеда, а другими женами).

⁶⁵ *Качули-богадур*, как видно из других генеалогий Тимура, в той же „Автобиографии“, был не дедом Тимура, а более отдаленным предком. Из других источников видно, что Тимур едва ли был в родстве с Чингис-ханом; вероятно, придворные генеалоги привязали искусственно „джехангира“ Тимура к родословному древу другого „джехангира“ — Чингис-хана.

Генеалогия Тимура в передаче его отца, амира Тарагая, производит и Кабыль-хафа и Качули-богадуря прямо от Ноя и сына его Яфеса (см. стр. 296).

⁶⁶ Фиксация важнейших документов на досках и плитах из особо прочного материала (сталь, камень и т. п.) особенно свойственна древности и средневековью; прочность материала соответствовала основной цели фиксации — сделать документ *κτῆρι ἐὶς ἀεί* (достоянием вечности).

⁶⁷ *Толкование сновидений* — одно из трех важнейших знаний, которыми обладали так называемые „познающие арабы“ еще до Мухаммеда и которые остались ценными и после него: 1) знание генеалогий и исторических преданий (после Мухаммеда — „хадисы“); 2) толкование снов; особенно славился своими толкованиями первый халиф Абу-Бекр; 3) звездочетство и связанные с ним прорицания и пророчества (астрология). В „Автобиографии“ широкой рукой разбросаны все три вида этих знаний. Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади к традиционному толкованию снов

прибавляет еще магическую обязанность: раскрывать перед Тимуром его провиденциальное назначение на земле в качестве „джехангира“.

⁶⁸ *Сабук-Тагин* — султан (977—997 н. э.) города Газны в Афганистане, отец знаменитого султана Махмуда (998—1030).

⁶⁹ *Бег, бий, бей* — тюркское слово, значит: „государь, господин мой“, употребляется для обозначения старшин рода, племени и феодалов средней руки.

⁷⁰ „*Фетва*“ — мнение, заключение обязательного юридически-морального характера со стороны мухамеданских законоведов.

⁷¹ *Факиры* (арабское *fukr*, персидское „дарвеш“, откуда название „дервиш“) — нищенствующие бродячие монахи „правоверных“.

⁷² *Страшный Суд, Последний Суд*, наполняет целый ряд сур Корана, является любимой и наиболее разработанной идеей ислама.

Вот наиболее важные места из Корана:

1. Когда солнце согнется;
2. Когда звезды упадут;
3. Когда горы приведутся в движение;
4. Когда самки верблюдов будут оставлены;
5. Когда дикие звери соберутся толпами;
6. Когда моря закипят;
7. Когда души совокупятся;
8. Когда спросят заживо погребенную девушку;
9. За какое преступление ее заставили умереть;
10. Когда лист книги развернется;
11. Когда небеса отложатся в сторону;
12. Когда пламень ада помешают кочергою, чтобы лучше горел;
13. Когда рай приблизится;
14. Тогда всякая душа узнает сделанное ею дело. (*LXXXI сура, 1—14 аят*)

1. Когда развернется небо;
2. Которое будет повиноваться Аллаху и постарается исполнить его повеление;
3. Когда земля будет распростерта ровным пластом;
4. Когда она выбросит из недра своего все, что содержала и оставляла нетронутым;

5. Когда она будет повиноваться Аллаху и постарается исполнить его повеления;

6. Тогда ты, о человек, желавший бы увидеть Аллаха твоего, увидишь его.

7. Кому дадут книгу его дел в правую руку,

8. Тот будет сужден с кротостью;

9. Он радуясь возвратится в свое семейство.

10. Кому дадут книгу его дел назад к спине,

11. Будет призывать смерть,

12. Когда будет гореть в огне.

13. На земле он веселился среди своего семейства,

14. Он воображал, что никогда не явится перед Аллахом;

15. Но Аллах видел все. (*LXXXIV сура, 1—15 аят*)

⁷³ *Четыре халифа „правого пути“*: 1) Абу-Бекр, 2) Омар, 3) Отман, 4) Али.

⁷⁴ 864 г. хиджры, соответствующий 1460 г. христианского летоисчисления, очевидно неверен; здесь скорее нужно читать 764 г. хиджры = 1363 г. н. э.

⁷⁵ *Хорезм* — область Хивы.

⁷⁶ *Авраам (Ибрагим)* — великий пророк „правоверных“, поставленный „имамом“ (см. выше прим. 41) для народов (*Коран, II сура, 118—119 аят*); разбивший свой стан в Мекке (*III сура, 89—91 аят*); сокрушитель идолов (*VI сура, 76, 83 аят*).

⁷⁷ *Примеры из жизни птиц, как материал для сравнения*, в четырех правилах шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади. Птицы имеют магическое значение в Коране: „Мы гадали по полету птиц“ (*XXXVI сура, 17 аят*); „Мы привязали к шее каждого человека птицу“ (*XVII сура, 14 аят*), т. е. дали каждому человеку определенную судьбу.

⁷⁸ *Астрология, звездочетство* — определение судьбы отдельных людей и целых народов по расположению небесных светил, третье из знаний „познающих арабов“; составление гороскопов у великих и мелких владык было постоянным обычаем и Востока, и Запада.

По данным арабской астрологии, влияют на судьбу людей, помимо Солнца и Луны: *Утаред* (Меркурий), *Зухрат* (Венера), *Меррих* (Марс), *Муштари* (Юпитер) и *Зухаль* (Сатурн).

Луна, холодная и влажная, имеет доброе влияние.
Зухаль, сухой и холодный,— влияние злое.
Муштари, горячий и влажный,— благотворное влияние.

Зухрат, умеренно теплый,— доброе влияние.

Утаред — то благотворное, то вредное влияние.

Меррих, горячий и влажный,— вредное влияние.

Неделя — день Солнца; когда год начинается с недели, это знак, что народам придется много страдать от тирании и притеснений их правителей; будет засуха, особенно плохо будет расти чечевица, виноград созреет; будут свирепые бои между владыками.

Понедельник — день Луны; когда год начинается с понедельника, это хорошее предзнаменование: будут обильные дожди, много зерна и винограда; но будет также чума; лен не вырастет, и хлопок будет плох; половина скота падет от болезней.

Вторник — день Меррих; если год начинается со вторника, то будут поражены смертью правители и владыки, зерно поднимется в цене, будет много дождей, мало рыбы; мед будет дешев; чечевица будет продаваться за бесценок; урожай ячменя; льняное семя будет в цене; прольется много крови; будет падеж на ослов, цена на них поднимется до крайности.

Среда — день Утаред; если год начинается со среды, это знаменует большие битвы на море; будет много гроз; дороговизна зерна, редьки и лука; эпидемия поражит маленьких детей.

Четверг — день Муштари; если год начинается с четверга, это знаменует согласие и мир между народами; справедливость среди правителей и визирей, неподкупность среди „кади“ (судей); будет много благодеяний для человечества: обилие дождей, плодов, хлеба, хлопка, льна, меда, винограда и рыбы.

Пятница — день Зухрат; если год начинается с пятницы, это знаменует обильные росы, весна будет хороша, народится много детей обоего пола, будет много огурцов, арбузов, тыкв, помидоров и земляных груш.

Суббота — день Зухаль; горе тому году, который начнется с субботы! Будет скудость неба и земли; голод последует за войной, болезнью — за голодом; жи-

тели Египта и Сирии будут стонать под игом своих правителей»

В темпераменте первого человека, Адама, Аллах соединил четыре стихии: воду, землю, огонь и воздух; *железный* темперамент получил природу огня, который горяч и сух; *нервный* темперамент — природу земли, которая суха и холодна; *лимфатический* темперамент — природу воды, которая холодна и сыра; *сангвинический* темперамент — природу воздуха, который горяч и влажен.

Между темпераментами и небесными светилами, таким образом, устанавливается определенное соотношение, которое и было положено в основу астрологии Востока и Запада; кроме описанных, у астрологов были и другие варианты для соотношения между светилами неба и темпераментами и судьбами людей и народов.

Арабы придерживались геоцентрических взглядов Клавдия Птолемея; около Земли вращалось семь небес: первое — Луны, второе — Утаред, третье — Зухрат, четвертое — Солнца, пятое — Меррих, шестое — Муштари, седьмое — Зухаль; плоскость эклиптики делилась на двенадцать „домов“ — знаков Зодиака, куда по порядку заходило Солнце и в самых разнообразных комбинациях планеты.

⁷⁹ *Джадда* — двенадцатый знак Зодиака — „Козерог“.

⁸⁰ Здесь — путаница: четвертый знак Зодиака не „Овен“, а „Телец“.

⁸¹ Пятый знак Зодиака — „Близнецы“.

⁸² *Меч* — главное оружие амиров и богадуров, символ мужской силы и власти; меч, освещающий блеском своего стального клинка весь мир, — перст Аллаха, указующий будущего владыку мира.

⁸³ *Tamurru* — „поколеблется“.

⁸⁴ *Джете* — название страны, включавшей Восточный Туркестан, Джунгарию и Семиречье.

⁸⁵ *Балх* — река в Северном Афганистане, на которой стоял „мать городов“ Балх, старинная цитадель, центр арабской науки, в 1220 г. разрушенный Чингис-ханом; вошел в состав Афганистана в XVIII веке.

⁸⁶ *Барлас* — название одного из четырех великих племен (кланов) Мавераннехра; наименование клана

присоединилось к именам амиров и остальных крупных феодалов, например, в данном случае — к имени амира Джагуа.

⁸⁷ *Каменный мост* существует и в наши дни по дороге из Самарканда в Ташкент, в двух днях пути от Самарканда.

⁸⁸ Не нужно смешивать *Руза*, шаха персидского, с *Шазрухом*, сыном Тимура.

⁸⁹ Тимур окончательно овладел *Хорасаном* в 783 г. хиджры (1383 г. н. э.).

⁹⁰ 837 г. хиджры — 1434 г. н. э., т. е. падает на момент времени после смерти Тимура; вернее всего здесь нужно читать 767 г. хиджры, т. е. 1366 г. н. э.

⁹¹ *Хызр* — великий святой „правоверных“, покровитель путников; незримый, он ходит постоянно по земле и выручает из беды. По казакскому преданию, каждый человек видит Хызра три раза в своей жизни, но не узнает его. Он является под видом или ничего или странника и т. п. Если узнать его в это время и попросить у него счастья, он осчастливит на всю жизнь, но это редко кому удается („Кызыр“—№ 21 из собрания казакских и алтайских сказок Г. Н. Потанина).

⁹² *Неприятные слова*, сказанные Хызром Тимуру, как и в эпизоде с Убайдуллой, — отзвук оппозиционных настроений против действий Тимура; нужно отдать справедливость Тимуру, он не замалчивает своих неприятностей, хотя и не говорит про них так много, как про удачи.

⁹³ Разрушение капища Тугуль-богадура — *вставочный эпизод*, характеризующий выполнение „джехангиром“ своей основной миссии во вселенной — распространять правую веру, ислам, вместо мрака язычества и идолопоклонства. По Корану, идолопоклонство — тяжкий грех, который никогда не простится Аллахом.

„Аллах не простит, что к нему присоединяют других богов, но он простит другие грехи, кому захочет; потому что, кто присоединяет к Аллаху его творения, тот совершает великий грех“. (*Коран*, IV сура, 51 аят)

⁹⁴ Бедность никогда не считалась добродетелью у арабов. Саалук Орв-ибн-аль-Вард писал:

„Пусти меня гнаться за богатством; я вижу, что самый несчастный из людей — это бедняк; Совет племени его отвергает; его жена издевается над ним; самый ничтожный его толкает; Он встречает богача, преисполненного такой важности, что его грудь готова лопнуть от гордости“.

Важнейший предмет богатства — это *золото*; наши произведения для „верхнего этажа“ средневековья Востока рисуют настоящее Эльдorado: золотые *сундуки, блюда, лук, венец, пояс*, золото в *монетах* и т. д. ⁹⁵ *Шейтан* (сатана), Эблис (дьявол) встречается уже в очень древних верованиях семитов, почти всегда ассоциируясь с рассказами о падении ангелов и человека. В Коране много раз упоминается под именем Эблиса в рассказе о сотворении человека, когда вопреки воле Аллаха он отказался поклониться человеку.

„71. Когда Аллах сказал ангелам: „Я сотворю человека из глины.

72. Когда я дам ему совершенный вид и брошу в него часть моего духа, то вы простритесь перед ним“.

73. Ангелы, сколько их было, все простерлись перед ним,

74. За исключением Эблиса. Он надулся гордостью и стал в числе неблагодарных.

75. „О Эблис! — воскликнул Аллах, — что помешало тебе простереться перед существом, которое я сотворил своими руками:

76. По гордости или потому, что ты выше?“

77. Эблис отвечал: „Я стою дороже его: ты создал меня из огня, а его из грязи“.

78. „Пошел вон, — закричал ему Аллах, — ты, побитый камнями!

79. Мои проклятия останутся на тебе до дня воздаяния“.

80. „О господин! — сказал Эблис, — дай мне отсрочку до дня, когда будут воскрешены люди!“

81. „Ты ее получишь, — отвечал Аллах, —

82. До дня предела, назначенного прежде“.

83. „Я клянусь твоим величием, — отвечал Эблис, — что оболещу всех их,

84. Кроме твоих искренних слуг“.

85. „Это будет так; а я говорю верно, что наполню геенну тобою и всеми теми, которые за тобою последуют“. (XXVIII сура, 71—85 аят)

В эпизоде с кашпцем Тугуль-богадур шейтан обладает способностью совокупления с бесчисленным количеством женщин, но ведь ангелы лишены органов воспроизведения и сексуальных порывов; рождаются и грешат только гении (джинны). В Коране (XVIII сура, 48 аят) Эблис назван одним из гениев; быть может, на основании этого места Корана ему приписано невероятное вождение к женщинам.

⁹⁶ *Амир Казган* выведен здесь как уже известное читателю лицо; в действительности о нем говорится в „Автобиографии“ значительно ниже.

⁹⁷ *Тохтамыш* — хан Золотой Орды, ставленник Тимура в 1376 г., человек незаурядных военных дарований и широких политических горизонтов; в половине 80-х гг. XIV века вступает в ожесточенную борьбу со своим патроном в благодарность за его милости. В союзе с узбеками, злейшими врагами Тимура, и Хорезмом он пытается во время блестящего похода в 1387 г. из приволжских степей нанести удар в самое сердце владений Тимура, в Мавераннехр. Тимур прерывает свой „трехлетний поход“ (см. Введение, стр. 23), бешено отгоняет Тохтамыша и расправляется с его союзниками. В 1391 г. Тимур делает возвратный удар: по степям к северу от Аральского моря доходит до приволжских степей и наносит удар Тохтамышу. Тохтамыш оказывается достойным соперником Тимура в борьбе за первенство в азиатском мире: он атакует Тимура в Закавказьи. Тимур двигается на север, в южную Россию, и в 1395 г. добивает Тохтамыша на р. Терек.

⁹⁸ *Поход на Ирак* во время так называемого „пятилетнего похода“ Тимура (см. Введение, стр. 23) падает на 1393 г. н. э.

⁹⁹ *Поход на Индустан* (область Дели и Ганга) относится к 1398—1399 гг.

¹⁰⁰ Здесь описан так называемый „семилетний поход“ Тимура (см. Введение, стр. 23). Вероятно, тут идет речь о борьбе с Баязидом Молниеносным, сул-

таном османских турок, грозным победителем европейских рыцарей при Никополе, (1396 г.) и его союзником, египетским султаном Фараджем, которому в то время принадлежала также и Сирия.

¹⁰¹ Неясно, о каком Кайсаре и о какой битве здесь идет речь.

¹⁰² *Батик* — холодное оружие, палка с металлическим шаром на конце.

¹⁰³ Притча о ветвистом дереве, символе чрезвычайной власти, очень распространена на Востоке.

¹⁰⁴ *Джинны — гении*. Горы и пустыни, где приходилось блуждать иногда по целым неделям, полны сушесть этого рода. Голод, жажда, чистый, светлый и свежий воздух пустынь настолько возбуждают деятельность нервов, испарения и преломление света в атмосфере пустынь настолько необычны, что кочевнику кажется, будто он слышит крики джиннов и видит их самих в самых разнообразных, причудливых и удивительных очертаниях. Как будто они составляют породу, подобную человеческой, плодятся и размножаются так же, как и люди; но тело у них не такое, как у человека: они состоят только из тонкого огня и воздуха (люди, сверх того, из земли и воды), и могут быть видимы простыми глазами лишь в исключительных случаях. Джинны могут причинять много зла людям, потому надо постоянно умилостивлять их; они живут в камнях, деревьях и идолах; они слушают Коран и дивятся ему (*Коран, XLVI сура, 28 аят*); они подслушивают, что происходит на небе (*XXVI сура, 212 аят*).

В символическом сна Тимура переданы все формы, в которых гении являются людям.

¹⁰⁵ *Прекрасный сад* — обычная символика райских наград. В Коране „фирдус“ (рай) и „дженнет“ (сад) употребляются безразлично для обозначения местопребывания праведных.

¹⁰⁶ *Раскаяние* — „Сам Аллах старается примириться с теми, которые согрешили по неведению и тотчас же раскаиваются; Аллах прощает их... Раскаяние совсем бесполезно тому, кто постоянно делает дурные дела и только при приближении смерти кричит: „Я раскаиваюсь“. Для тех нет пользы, кто умирает неверую-

щим; мы приготовили для них жестокое наказание“.
(Коран, IV сура, 21—22 аят)

¹⁰⁷ Речь идет о предсмертном походе Тимура в Китай в конце 1404 г. и начале 1405 г.

¹⁰⁸ Книга, в которой записываются все дела человеческие, неоднократно упоминается в Коране (см. XVII сура, 73 аят и др.).

¹⁰⁹ Шираз — город в Персии, родина знаменитых поэтов: Саади (Мушариф-эд-дина), автора „Гюлистана“ („Сада роз“) и Хафиза, знаменитого лирического поэта Персии XIV века.

¹¹⁰ Здесь кончается „до-история“ и начинается собственно „Автобиография“ с погодными датами от семи до семидесяти лет, причем наша рукопись обрывается на тридцать девятом году.

¹¹¹ Школьные успехи Тимура должны отвергнуть, по мысли автора, тезис, что Тимур был неграмотен и обладал лишь изумительной памятью, заменявшей ему образование. Высота образования определяется по „Автобиографии“ следующими признаками: знание Корана, постоянные письменные сообщения (грамматы и простые письма), счет семикратных и десятикратных чисел, знание мистически-сказочных цифр, знакомство с историческими аналогиями, особенно пригодное для хитроумной полемики с превышающим силы врагом.

¹¹² Тимур подчеркивает свое почтение к улемам с самого раннего детства. Преклоение перед наукой и ученым — одно из важных качеств „джехангира“.

¹¹³ Сверстники Тимура — одно из постоянных окружений Тимура, военных и политических; детские игры превращаются в военные подвиги и дальние походы вместе с ровестниками; сверстники-ровесники окружают „героев“ от колыбели до могилы — это остатки так называемых возрастных групп. Военские игры со сверстниками имеют много исторических аналогий.

¹¹⁴ Семь частей — магически-сказочное число; его родина — старинный Вавилон; „семь“ и кратные „семи“ числа пользуются особым уважением автора „Автобиографии“.

¹¹⁵ Тимур старается подчеркнуть свою половую воздержанность; эта тенденция не явно, без видимых эффектов, но настойчиво проходит через всю „Автобиографию“. Этот кровавый рыцарь представлен здесь в образе какого-то полумонаха. Эпизоды педерастии и насильственного совокупления с женщиной введены, чтобы подчеркнуть целомудрие Тимура в моменты полового созревания (14 и 15 лет).

¹¹⁶ Искренне или неискренне, Тимур выявляет здесь одну из характерных черт феодальной идеологии, черту, которую люди Запада метко назвали „contemptio mundi“ („Презрение к миру“ — трактат папы Иннокентия III). Два предмета особенно характеризуют мир — власть и золото, и о своем пренебрежении к двум важнейшим благам мира торжественно заявляет Тимур. Тимур противопоставляет власти и золоту — жизнь в мечети, но как выполнил Тимур свое обещание, видно из самой „Автобиографии“.

Скорпионы и змеи — обычная символика для отрицательных явлений в области морали.

О золоте см. выше прим. 94.

¹¹⁷ *Четыре заповеди амира Тарагая, отца Тимура*. Под шестнадцатым годом „Автобиографии“ вставлен новый „моральный трактат“ в виде завещания отца, уходящего из жизни, сыну, в эту жизнь вступающему. Завещание в новой форме повторяет хорошо знакомые, однообразные мотивы: 1) всегда помнить и чтить предков, 2) поступать по шариату и уважать сайидов, 3) следовать исламу, 4) строго соблюдать родственные узы, беречь их, как зеницу ока, быть щедрым, беспристрастным и милостивым.

Это завещание Тимур сделал девизом своей начинающей политической деятельности.

¹¹⁸ *Нойон* — у монголов обозначение владетельного князя.

¹¹⁹ Очень интересно сравнение людей с рабами, волею судьбы заключенными в жизнь под синим сводом неба. Пессимизм автора здесь так же ярок и силен, как и в предшествующем сравнении мира с золотым сундуком.

¹²⁰ Любопытное указание на хозяйство феодального сеньера на Востоке. Главное его богатство — скот и

рабы, к стадам которых с одинаковым правом применяется десятикратное исчисление; подробности организации хозяйства Тимура даются несколько ниже под двадцать первым годом его жизни, когда исполнилось совершеннолетие.

¹²¹ *Эпизод об амире Кулле* слагается из трех моментов: 1) откровения амира самому Тимуру, 2) его отцу Тарагаю и 3) матери Тимура; он полон агиографически-сказочных мотивов: 1) пророчеств, 2) символизации пророчеств, 3) магии чисел.

Предмет пророчеств однообразен: владычество над миром и многочисленность потомства — два великих дара Аллаха, какие только могут выпасть на долю „правоверному“. Семь лепешек символизируют семь частей света, составляющих весь мир; триста семьдесят ягод изюма и зерен пшеницы олицетворяют триста семьдесят потомков Тимура. Магия чисел сводится к пророческим предикатам таких чисел, как „семь“ и „семьдесят“.

Динамика рассказов слагается из моментов: 1) характеристики Тимура в форме антитезы, свойственной мистике всех времен и народов; 2) молчания прорицателя; 3) передачи таинственных символических предметов в определенном количестве заинтересованным лицам; 4) раскрытия символики, связанной с переданными предметами; 5) эмоции удивления, связанной с раскрытием символики.

¹²² *Охота* — школа войны, по меткому выражению Чингис-хана, суррогат войны, обычное занятие благородных сеньёров Востока, амиров и богадуров, в интервалах между военными действиями. Охотились обыкновенно верхом за сайгаками (степными антилопами), дикими козами, лебедями, гусями, утками, перепелками; охотились с охотничьими птицами, соколами, орлами, ястребами и т. д.

¹²³ *Эпизод с охотой на козу* окружает очень реальный момент из жизни Тимура, его необыкновенное личное удастье ореолом магии: Тимур совершает на охоте подвиг, которого не в состоянии совершить ни один из его товарищей-сверстников.

¹²⁴ Здесь дается новый вариант (см. прим. 65) генеалогии Тимура в изложении его отца, амира Тарагая:

между инородцами, превращали их как бы в сородичей.

¹²⁶ *Темучин*, по легенде, получает власть хана именно в силу своего происхождения от Кабыль-хана, к которому эта власть отошла по договору с братом, Качули-богадуром. Реальную историю Темучина см. во Введении стр. 17—19.

¹²⁷ Тимур жаждет *фактической* полноты власти, но поддерживает „легитимные“ отношения к потомкам Чингис-хана; всю свою долгую жизнь он остается только „великим амиром“, сохраняя в качестве призрачных ханов потомков Чингиса. Рассказ о стальной доске, где вырезан договор между двумя братьями, Кабыль-ханом и Качули-богадуром, приведен именно как доказательство этого строгого „легитимизма“ Тимура.

¹²⁸ *Джагатай-хан* — второй сын Чингис-хана.

¹²⁹ Рассказ об обращении Кара-Джар-нойона в ислам носит агнографическую окраску: 1) „герой“ ищет правой веры, пытливо расспрашивает всякого, знающего такую веру; 2) один сайид приводит веские доводы в пользу правоты ислама; 3) Кара-Джар-нойон размышляет над доводами сайида, просвещается верою; 4) произносит основную формулу исповедания ислама; 5) получает веру в Посланника Аллаха, в халифов „правого пути“; 6) начинает следовать шариату; 7) заботится об обращении своего народа в ислам. Легендарность рассказа доказывается обильными параллелями из жизни других народов; довольно близко к рассказу о Кара-Джар-нойоне подходит рассказ „Повести временных лет“ о крещении русского князя Владимира после предварительного испытания вер, после беседы с греческим философом.

¹³⁰ Теперь рождение Тимура датируется уже 730 г. хиджры, т. е. 1330 г. н. э.

¹³¹ Амир Куляль называет Тимура „турком“, тогда как один из предков зовется Кара-Джар-нойон — владетельный князь *монголов*); Тимур принадлежал к отуреченному монгольскому племени „барлас“.

¹³² *Год, кратный семи*, т. е. священному числу, считался счастливым, урожайным.

¹³³ Организация хозяйства Тимура, т. е. типичного восточного феодала. Здесь приводятся любопытные детали: рабы, кони, верблюды, бараны соединяются в числовые группы: рабы — в десятки, лошади — в косяки, верблюды — в десятки, бараны — в тысячи. Тимур выступает здесь в роли искусного организатора хозяйства. Десятикратное число, как принцип хозяйского распорядка, очень любопытно; оно говорит, что что любитель мистики и магии одновременно — очень практичный и точный хозяин.

Схема организации управления

Управляющий (особо доверенный раб)

Старшие рабы на	Рабы для ухода за конями на	Рабы для ухода за верблюдами на	Рабы для ухода за баранами на
каждый десяток рабов	каждые 10 косяков	каждый десяток верблюдов	каждую тысячу баранов
1 косяк = 20 лошадям			

¹³⁴ Жертвы — „Вы получите некогда за принесенных в жертву животных многочисленные выгоды в определенное время; потом место жертв будет в древнем доме (Кааба в Мекке)... Мы назначили верблюдов для служения при жертвенных обрядах; через это вы также получите другие выгоды. Так произнесите имя Аллаха над теми, которых вы будете закалывать; они должны стоять прямо на трех ногах привязанными за четвертую; когда жертва пала, ешьте ее и давайте ее тому, кто будет доволен тем, что ему дадут, а также тому, кто просит... Мясо и кровь жертв не идут к Аллаху, но восходит к нему ваше благочестие“. (Коран, XXII сура, 34, 37, 38 аят)

Жертва, по Корану, назначается только Аллаху; позднее ее стали приносить, по мере расширения магического круга, душе Мухаммеда и четырех халифов „правого пути“.

¹³⁵ Наконец-то „Автобиография“ отмечает „экономику“ — факт сильного вздорожания предметов первой необходимости в связи с опустошительными действиями войн и неблагоприятными метеорологическими условиями; факт показан в орнаменте филантропии просвещенного деспота, который исключительно печется о благе народа.

¹³⁶ По другим данным, амир Казган был очень жестокий правитель и погиб от заговора недовольных им амиров. Казган в „Автобиографии“ пропущен через призму личной приязни Тимура к Казгану, нарисован как милостивый и справедливый, хотя и слабый правитель.

¹³⁷ Военный слет товарищей-сверстников; корпорация военных заговорщиков здесь построена не только по возрастному признаку, но цементируется и совместным пребыванием в школе.

¹³⁸ Здесь разумеется совет амиров; см. прим. 19, 6.

¹³⁹ „Да будут над ним мир и молитвы“.

¹⁴⁰ Молитвенная формула носит ярко выраженную магическую окраску.

¹⁴¹ Любопытный прием умпротворения мятежников — одарить их подарками; вообще *подарки* — магический способ заручиться союзниками или содействием высших сил, своеобразный выкуп за это содействие со стороны других лиц.

¹⁴² Здесь Хорасан поставлен ошибочно вместо Герата.

¹⁴³ *Беспечный сон* в эпизоде с Бакырем характерен для людей той эпохи, коварных и беспечных одновременно; даже сам Тимур (см. стр. 166) не был иногда свободен от беспечности.

¹⁴⁴ *Углин* (буквально: „юноша“) — так назывались члены ханских семейств из липий, не восходивших на престол.

¹⁴⁵ 700 г. хиджры (1301 г. н. э.) здесь явно ошибочен.

¹⁴⁶ Фраза, разрывающая цельный рассказ о заговоре против амира Казгана, похожа на маргинальную заметку, внесенную в текст впоследствии.

¹⁴⁷ *Кольчуга* — металлическая одежда из колец для защиты от меча, стрел и копий — обычна для рыцар-

ского и воишского вооружения на Востоке так же, как и на Западе.

¹⁴⁸ Женщины — существа низшие, чем мужчины. Вот что говорит Коран:

1. „Мужья имеют степень выше своих жен“ (III сура, 228 аят).

2. Мужчины выше женщин по причине качеств, которыми Аллах возвысил их перед ними“ (IV сура, 38 аят).

Это существа несовершенные (XLIII сура, 17 аят), созданные для мужчин (XXX сура, 20 аят), но полные хитростей (XII сура, 28 аят).

Правила „Домостроя“, изложенные в Коране, говорят: „Мужчины свое имене употребляют на награждение женщин; добродетельные женщины послушны и покорны; они заботливо сохраняют во время отсутствия мужей то, что Аллах велел сохранять в целости (т. е. избегать совоуплений с другими мужчинами). Браните их, когда боитесь неповиновения, отдаляйте их от ложа, бейте их; но когда они вам повинуются, не думайте обижать их“ (IV сура, 38 аят). Несколько иное положение занимали женщины по „Богатырским сказаниям“; там изредка проявляется до некоторой степени властная, матриархальная роль женщины: таково положение матери-вдовы, красавицы невесты или жены, знающей себе цену, могущей смело, по-равному говорить с мужчинами. Такая женщина равноценна самой богатой военной и охотничьей добыче, манит какими-то таинственными неиспользованными возможностями; но и в „Сказаниях“ рождение мальчика — счастье, а девочки — великое горе.

¹⁴⁹ Развод по предписаниям Корана:

„Те из вас, кто отвергает своих жен, говоря, что будет смотреть на них, как на матерей, те произносят позорное слово и ложь.

Те, кто отвергает жен по обыкновенному разводу (говоря: „Да будет для меня твое приданое, как материнское“) и потом раскаивается в своем слове, пусть те освободят раба прежде, чем будет новое сожителство между разошедшимися супругами“. (LVIII сура, 2, 4 аят)

¹⁵⁰ *Хаджи-Барлас* — амир, дядя Тимура, будто бы один из триумфиров, вместе с Тимуром владевший Самаркандом; при нашествии хакана Туклук Тимура бежал в Хорасан; после ухода Туклук Тимура в Джете вернулся в Мавераннехр и стал во главе сеньёров, бунтовавших против великодержавных замашек Тимура; при втором нашествии Туклук Тимура бежал за Аму-Дарью в город Карша-Джуси в Хорасане; там был убит в борьбе с туземцами.

¹⁵¹ *Пьянство* и *вино* резко осуждены Кораном: „О верующие! вино, азартные игры, камни, где возливают масло, и гадание по стрелам — мерзости, придуманные шейтаном; удержитесь от них, и будете счастливы.

Шейтан желает возбудить между вами ненависть и недружелюбие через вино и игру и удалить вас от Аллаха; неужели вы не удержитесь?“ (*V сура, 92, 93 аят*)

Потому-то Тимур, как строгий „правоверный“, не щадит резких выражений по отношению к Баян-Сальдуру.

¹⁵² Здесь чрезвычайно отчетливо нарисовано феодальное раздробление Мавераннехра на ряд крупнейших сеньерий. Каждый названный здесь сеньёр очень похож на графов средневековой Франции или герцогов средневековой Германии, обладает фактически полным суверенитетом в пределах своих владений. Перед Тимуром, как перед всяким объединителем рассыпанной на феодальные куски страны, вставала задача: добиться своей цели искусным сочетанием прямого насилия и тонкой дипломатической игры. Когда нужно, Тимур хитер и набожен, как Людовик XI французский.

¹⁵³ Баязид-Джалаир — крупный сеньёр Мавераннехра, амир-правитель Ходжента; во время нашествия хакана Туклук Тимура немедленно подчинился ему и, повидимому, получил в лен Самарканд; независим от Тимура и враждебен ему: глава всех коалиций против Тимура. Во время второго нашествия в Мавераннехр Туклук Тимура был убит по его распоряжению; его дочь, Арза-Малик-ага, была женой амира Мусы.

¹⁵⁴ *Кай-Хисрау-Джиляны* — крупный сеньёр Мавераннехра, хан области Джилян до местности Хазрет-Имам, потом видный амир, служивший попеременно то амиру Хусайну, то Джете и наконец окончательно перешедший на сторону Тимура вместе с Баграм-Джалавром и семью тысячами вспомогательных войск от хана Джете. Кай-Хисрау был женат на дочери амира Туклук Тимура, а его дочь была сговорена за первенца Тимура, Мухаммед-Джехангира.

¹⁵⁵ *Хызр-Ясаури* — один из крупнейших сеньёров Мавераннехра, владевший Самаркандской областью до Сарыпуля, потом вассал Тимура, его любимец, главный амир его воинов; в конце концов изменил своему сюзерену и неудачно боролся с ним; впоследствии держал сторону амира Хусайна, выступал посредником между ним и Тимуром и скоро умер.

¹⁵⁶ *Схема политической игры Тимура* (см. схему на стр. 315).

¹⁵⁷ *Четыре стихии мира*, из которых состоит человек и все существующее в природе в различных комбинациях: 1) земля, 2) вода, 3) воздух, 4) огонь.

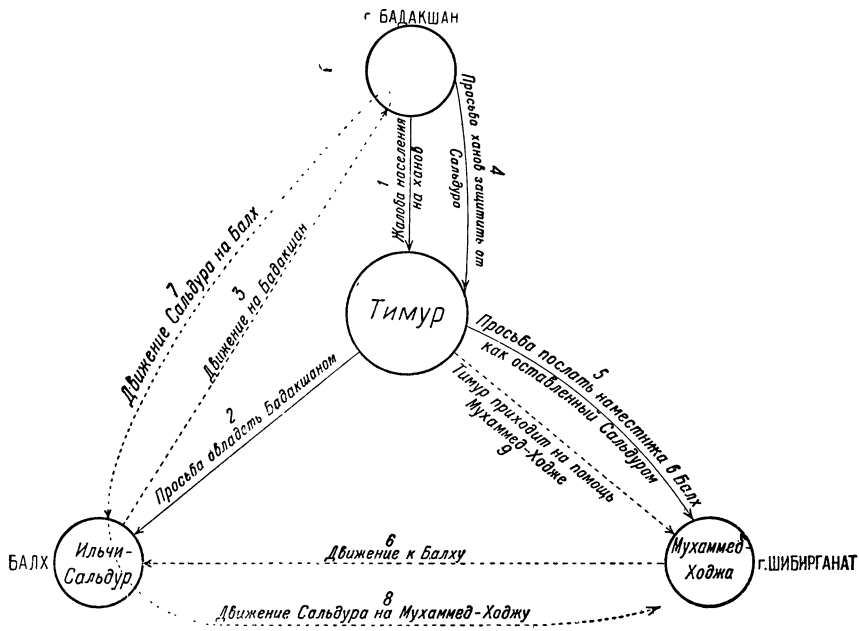
¹⁵⁸ То-есть находился под влиянием или Луны, или Муштари (Юпитер), или Зухрат (Венера).

¹⁵⁹ *Вставочный эпизод о рождении старшего сына Тимура*. Свою собственную генеалогию, от него пошедшую, Тимур начинает с рождения старшего сына в окружении счастливого астрологически года и начала своей экспансии; как великий вассал своего верховного сюзерена, Мухаммеда, он дает тождественное имя своему первенцу, а как символ восхождения к основной жизненной цели — великое имя Джехангира.

¹⁶⁰ *Джалаир*, как и Барлас, название одного из четырех великих племен (кланов) Мавераннехра, присоединяется к именам амиров, принадлежащих к этим кланам.

¹⁶¹ Новая расстановка феодальных сил в Мавераннехре: от Тимура независимы только два больших сеньёра — Баязид-Джалаир и Хаджи-Барлас; остальные сеньёры все подчиняются Тимуром.

¹⁶² Туклук Тимур — внук Чингис-хана: обычная манера генеалогий „Автобиографии“ — *сближать* „героя“ с великим родоначальником „джехангиром“.

¹⁶³ Хакан Туклук Тимур присылает свои повелительные грамоты только *трем* главнейшим сеньёрам Мавераннехра, совершенно не считаясь с другими: очень тонкое знание иерархии феодальных отношений и умелое практическое их оформление.

¹⁶⁴ Обычная повелительная формула сеньёра-конкистадора по отношению к вассалам завоевываемой страны на Востоке; характерно, что все население уместается в две рубрики: 1) *воины* (дружина, служилые люди, мелкие вассалы) — основной, главенствующий слой населения и 2) *народ* (не-военные, подданные).

¹⁶⁵ *Мазар* — кладбище, место погребения, место паломничества к гробницам особо чтимых шейхов и „кутбов“, место торжественных примирений и священных клятв.

¹⁶⁶ Начало очень хитро задуманной политической комбинации Тимура.

¹⁶⁷ *Шехри-Сабз* (зеленый город) или *Кешь* — город в Узбекистане, был столицею Тимура в первый период его владения Мавераннехром.

¹⁶⁸ Тимур словно забывает про договор Кабыльхана и Качули-богадура и принимает верховную власть над Мавераннехром.

¹⁶⁹ Здесь возобновляется эпизод об амире Хусайне, прерванный: 1) рассказом о рождении у Тимура первенца. Мухаммед-Джехангира, 2) большим рассказом о вторжении в Мавераннехр хакана Туклук Тимура. Первая, датированная фраза показывает манеру автора „Автобиографии“ отмечать разрыв вставочными эпизодами цельного рассказа.

¹⁷⁰ Здесь начинается большой эпизод о борьбе Тимура с крупными феодалами Мавераннехра, которые всеми правдами и неправдами пытаются вернуть от Тимура свои сеньёрии.

Враждебные коалиции против Тимура: 1) Баян-Сальдур; 2) Баян-Сальдур и амир Туклук Тимур; 3) Хаджи-Барлас и амир Баязид-Джалаир; 4) переход амиров Хызр-Ясаури и Джагуй-Барласа на сторону Хаджи-Барласа; 5) шейх Али-Джар-Джари.

Таким образом, против Тимура восстают и родственники (Барласы), и бывшие триумвиры, и пре-

данные амиры (Хызр-Ясаури и шейх Али-Джар-Джари), и обиженные прежние сеньёры Мавераннехра (Баязид-Джалаир); ничто не помогает: ни „священные“ родственные узы, ни магическая сила подарков, ни оказанные раньше услуги,— все „перелетают“ постоянно с одной стороны на другую — от Тимура к его врагам и обратно. Перед „перелетами“ бессильна сейчас даже прославленная хитрость Тимура.

¹⁷¹ Амира Туклук Тимура нужно резко отличать от хакана Джете, Туклук Тимура.

¹⁷² Железные ворота около Термеза, на правом берегу Аму-Дарьи.

¹⁷³ Обычное расположение воинов Тимура в отрядах до 12 000 включительно.

из отборных богадуров и воинов под командой самого Тимура

¹⁷⁴ Дальнейшая судьба амира Хызра, по „Автобиографии“, очень неясна; как будто он выступает впоследствии посредником между Тимуром и амиром Хусайном; потом отмечен как будто факт его смерти.

¹⁷⁵ 763 г. *хиджры* = 1362 г. н. э.— здесь приближается к истине, если учитывать данные других источников о Тимуре.

¹⁷⁶ Здесь начинается большой эпизод с *вторичным вторжением в Мавераннехр хакана Джете*.

¹⁷⁷ Тимур похож здесь на другого честолюбца, основателя ахейского союза в древней Элладе, Арата, который для сокрушения своих личных врагов призвал в Элладу македонцев.

Аргументация Тимура любопытна. Первая посылка — всякий его политический соперник — жестокий и несправедливый тиран; вторая посылка — истребить тиранов — необходимое условие, чтобы получить милость Аллаха и радости в раю после смерти; вывод — необходимо для умилоствления Аллаха истребить всех своих врагов.

¹⁷⁸ „Пир“ (буквально: „старец“) — название святого, духовного наставника и руководителя у „правоверных“. Здесь под „пиром“ разумеется шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади.

¹⁷⁹ Рассказ противоречит данным первой части „Автобиографии“, где спасительницей козленка названа мать Сабук-Тагина.

¹⁸⁰ *Хайвак* — Хива.

¹⁸¹ Эпизоды: 1) боя с Тугуль-богадуром, 2) странствий по степям Туркменистана и 3) пребывания в тюрьме у Али-бега Джаны-Курбаны заслуживают внимания своей композицией. *Первый* эпизод — единоборство шестидесяти головорезов с тысячным отрядом правителя Хорезма — полон эпических мотивов: 1) личное удалство Тимура, амира Хусайна, амиров Барласа и Сайф-эд-диша; 2) перерыв боя для памаза „аср“; 3) участие в бою женщин, жен Тимура и амира Хусайна. *Второй* эпизод, странствие по степям Туркменистана, построен на основе антитез: маленькое счастье сменяется большим несчастьем или, наоборот: 1) преследованье пятьюдесятью воинами Тугуль-богадура шайки из семи человек, 2) кража лошадей, 3) драка с туркменами и неожиданное спасение в самый опасный для Тимура миг в виде чудесного, провиденциального появления знакомого несчастью владыке Мавераннехра туркменца. *Третий* эпизод, тюрьма у Джаны-Курбаны, тоже строится на игре антитез: 1) ужасы ямы, наполненной насекомыми, 2) размышления Тимура, как выбраться на свет белый, 3) хитрость и лихое удалство Тимура, 4) чудесное появление письма от Мухаммед-бега Джаны-Курбаны как раз в момент освобождения Тимура из тюрьмы.

¹⁸² *Сайф-эд-дин Никудерийский* — амир, наиболее преданный вассал Тимура, лихой удалец; приходит к нему на помощь в долине Арсаф, выделен Тимуром

для важных военных операций под Самаркандом против войск Джете, в числе трехсот сорока богадуров сопровождает Тимура в лихом походе против амира Хусайна для отвоевания Карши.

¹⁸³ *Намаз* „аср“ — см. прим. 34.

¹⁸⁴ *Дильшат-ага*. „Ага“ значит „госпожа“, — почетный титул женщин высокого положения в феодальном обществе Востока.

¹⁸⁵ *Оружие*. — В „Автобиографии“ и в „Богатырских сказаниях“ нет указаний на огнестрельное оружие; зато постоянно упоминаются: 1) меч; 2) праща; 3) лук и стрелы; 4) пики; 5) палица; 6) батик. Нет никаких указаний на то, чтобы военная машина заслоняла и отдаляла воинов друг от друга, лишала возможности проявить личные качества — храбрость, хитрость, коварство, ловкость, переизбыток физической силы; совсем нет характерного для современной войны боя с невидимым и неведомым противником.

¹⁸⁶ *Длина пути* измеряется, как обычно в степи или пустыне, дневными переходами.

¹⁸⁷ Очень характерно подчеркнуто исключительно количественное различие между отрядом войска и шайкой разбойников.

¹⁸⁸ Таковы законы гостеприимства в родовом обществе; недавние враги делаются друзьями-кунаками, находятся под покровительством хозяев, пьют-едят вместе с ними, а совместная еда-питье символизирует дружбу и крепкую дружбу.

¹⁸⁹ *Юзбаш* — сотник.

¹⁹⁰ *Кальяндар* — персидское слово, значит „нищенствующий монах“; ходить в одежде „каляндара“ — лучший способ конспирации в те времена, а также лучшая манера для шпионов и лазутчиков; нищенствующие монахи, как и на феодальном Западе, очень чтились набожными феодалами Востока, амирами и богудурами.

¹⁹¹ *Выход навстречу* — магический символ установления и восстановления дружеских связей.

¹⁹² *Феодальное владение*, как и на Западе, означает не только военную власть, но и право на доходы с населения страны; *condominium*, конечно, вынужденное; с амиром Хусайном опять подчеркивает очень затруднительное положение Тимура.

¹⁹³ *Сеистан* — область на границе Афганистана и Персии.

¹⁹⁴ *Гурийцы* — племя в Афганистане.

¹⁹⁵ *Шир-Баграм-Джалаир* — яркая фигура амира-военачальника, советника и перелетчика от Тимура к амиру Хусайну и обратно.

¹⁹⁶ Вассал, как и на Западе, дает торжественное обещание всегда верно служить своему сюзерену.

¹⁹⁷ „Пошады! пошады!“

¹⁹⁸ *Каманд* — приспособление наподобие сети из веревок или цепочек, которым всадник в одиночном бою опутывал противника и стаскивал с лошади. При штурме крепостей осаждающие забрасывали „каманд“ на зубцы стен крепости и с его помощью вскарабкивались на стену.

¹⁹⁹ Схема расположения войск Тимура в битве с сеистанцами:

Левое крыло	Центр	Правое крыло
лучники	лучники	лучники
копейщики	копейщики	копейщики
	Тимур	амир Хусайн

²⁰⁰ *Долина Арсаф* — переломный пункт в раннюю (мавераннехрскую) эпоху жизни Тимура от крайнего унижения к большой славе, — окружена магией: счастливыми гаданиями и вещим голосом из „мира тайн“.

²⁰¹ *Припадать к стремени* — характерная символика феодального средневековья, знак радостного почтения вассала к сюзерену.

²⁰² *Кундуз* и *Бадакиан* — города в теперешнем Афганистане.

²⁰³ *Состав коалиции, созданной Тимуром против Джете:*

1) Тимур-Ходжа-Углан и амир Магди-бег; 2) Сиддык-Барлас; 3) Кыранджи-богадур; 4) Кутлук-Ходжа-Бар-

лас, амир Сайф-эд-дин Никудерийский и Тунг-богадур: 5) Шир-Баграм-Джалаир; 6) Хаджи-Барлас и амир Хусайн; 7) Али и Махмуд-шах-Кабули, владельцы Кундуза и Бадакшана; 8) амиры Сулейман, Джагуй-Барлас, Муса, Джедал-эд-дин и Хинду-шах.

Большинство союзников — представители клана Барлас, из которого происходил и сам Тимур, т. е. связаны с ним близкими или далекими родственными узами. Тимур как бы возглавляет Барласов в борьбе против тирании Джете в родном Мавераннхере.

²⁰⁴ *Схема военных операций Тимура против войск Джете.*

1. Концентрация союзников Тимура в долине *Арсакф*.

2. Отказ правителя крепости Дуладжун, Бугай-Сальдура, присоединиться к коалиции против Джете.

3. Неудачная рекогносцировка Тамук-богадура среди войск Джете.

4. Наступление войск Джете: три амира овладевают окрестностями *Термеза* и *Балха*.

5. Бой трех амиров Джете с Тимуром на берегу реки *Джайхун*; победа Тимура.

6. Удачный набег амиров Джете на стоянку Тимура у *Джайхуна*; Тимур переправляется на другой берег *Джайхуна*.

7. Месячная стоянка амиров Джете и Тимура по обеим сторонам *Джайхуна*; уход войск Джете. Тимур торжествует победу и переходит в местность *Хульм*.

8. Тимур захватывает *Кундуз* и *Бадакшан*; приход в область *Джиляны*, стоянка в местности *Кульмак*.

9. Нерешительный бой с Джете в *Кульмак*.

10. Победа над амирами Ильяс-Ходжи в местности *Кий*.

11. Движение Тимура к *Ходженту*; захват *Самарканда*.

12. Сражение с войсками Ильяс-Ходжи в местности *Бад*, неудачное для Тимура вследствие нерешительности амиров Хусайна.

13. Отступление Тимура после битвы при *Бале* к *Кеши*.

14. Поражение амиров Тимура; отступление Тимура в сторону *Балха* и остановка на берегу реки *Джайхуна*.

15. Военные операции около Самарканда...

16. [Уход войск Джете из Мавераннехра в улусы].

²⁰⁵ „Пасифизм“ Тимура — один из бесчисленных вариантов его хитрости; аргументация — очень интересна: весь род человеческий признается цельным организмом, война одной части людей против другой равносильна самоистреблению, самоубийству; следовательно, война не пужна.

²⁰⁶ Здесь дается цифра, уточненная сравнительно с прежней „тысячей всадников“; автор очень тонко отличает слухи от действительности.

²⁰⁷ „Помоги, Аллах!“

²⁰⁸ Эпизод, сходный со „стоянием“ на реке Угре в 1480 г. Ивана III Московского и Ахмата, хана Золотой Орды; совершенно одинакова психология Тимура и Ивана III, которые „перестояли“ противников и сочли себя победителями.

²⁰⁹ Хульм — город в северной части Афганистана, около Кундуза.

²¹⁰ Фарсанг — мера длины в один час езды малой рысью, т. е. около 6—7 километров.

²¹¹ Аль-фетар — арабское слово, значит: „бегство войска“.

²¹² Кий — местность по Заравшану, южнее Самарканда.

²¹³ Обычай *кровной мести*, характерный для племенного быта, полновластно царит в нравах эпохи Тимура.

²¹⁴ Расположение войск Тимура в сражении с Ильяс-Ходжой в местности Бад:

²¹⁵ *Шамс-эд-дин* значит собственно: „солнце веры“.

²¹⁶ „*Ядачи*“ — шаман, призыватель дождя заклинаниями; „реальность“ действий „ядачи“ (прекращение дождя после убийства „ядачи“) указывает, как твердо верили в силу магических заклинаний все люди Мавераннехра и Джете, включая самых высоких сеньёров.

²¹⁷ Здесь непонятный интервал между комплексом эпизодов борьбы с Джете и борьбы с амиром Хусайном; из „Автобиографии“ совсем не ясно, чем же кончилась борьба Тимура с хаканами Джете.

²¹⁸ *Кепек-хан-мазмурассы* значит: „город, построенный Кепек-ханом“, джагатайским ханом XIV века н. э.

²¹⁹ Тимур делает Карши своей столицей; он, искусный военачальник, заботится об укреплении города крепостными стенами, но он и, крупный строитель-художник, украшает свой город новыми зданиями; такую же деятельность Тимур развил впоследствии в своей главной столице, Самарканде.

²²⁰ *Силлогизмы Шир-Баграм-Джалаира* характерны для обстановки, в которой „великий амир“ вращался в ранний, мавераннехрский период своей деятельности, характерны своим *житейским рационализмом*, который как-то очень мирно уживался с магией и суеверием. Силлогизмы интересны не только по существу, но и своеобразной формой своих посылок, как образчик мышления той эпохи.

²²¹ *Каит* — город в восточной Персии.

²²² *Схема военных операций Тимура против амира Хусайна.*

1. Измены ряда амиров Тимуру и „перелет“ на сторону амира Хусайна; измена Тимуру правителя Самарканда, Кара-Хинду.

2. *Рекогносцировка* амира Сайф-эд-дина из Карши (основная база военных операций Тимура) в *Джехань*.

3. Бой Тимура с засадой эмира Хусайна в долине Кичик-бега.

4. Тимур идет к Санджарам, в это время амир Ху-

4. Тимур идет к Санджарам, в это время амир Хусайна, Хинду-шах, занимает столицу Тимура, Карши.

5. Тимур в *Шурабе* концентрирует свои силы против амира Хусайна.

6. Тимур, переправившись через Джайхун, проходит через местность Азсанат, город Саркенд по направлению к Карши.

7. Тимур после отчаянного сопротивления сына амира Мусы штурмом берет Карши.

8. Удачный для Тимура бой под стенами Карши; Тимур преследует разбитого амира Мусу до *Кизылтаг*.

9. Тимур возвращается на зимовку в Кешь, посылает отряд для операций в Бухару.

10. Бои: 1) близ Карши, 2) в степи Кузи, 3) с Чакыр-богадуром у Самарканда.

11. Разгром в *Джежан-шаге* воинов Малик-богадура.

12. Примирение с амиром Хусайном на „мазаре“ Али-ата.

²²³ *Клятва амиров на Коране и мече* равносильна клятве на кресте и мече у феодалов Запада, особенно у рыцарей-монахов эпохи крестовых походов.

²²⁴ *Исаак*, сын Авраама, — пророк „правоверных“.

²²⁵ *Эпизод с караваном* важен для характеристики торговли в эпоху Тимура: 1) торговля носила главным образом караванный характер на верблюдах; 2) большой караванный путь шел из Хорасана в Карши; 3) в условиях непрерывного военного времени, при постоянных разбойничьих шайках, торговые караваны страдают от двигающихся туда и сюда вооруженных людей и припуждены откупаться от них большими взятками, своего рода процентным отчислением со стоимости каравана; 4) при несовершенстве связи того времени караваны служили целям всеобщего осведомления всех встречных по пути людей о положении дел в странах, откуда караван вышел и через какие проходил.

²²⁶ Здесь игра слов: *Муайяд* — арабское слово, значит: „получивший помощь“; тут в тексте „Автобиографии“ ярко подчеркнута вера в магию имени.

²²⁷ Снова игра слов: *Теваккуль* — арабское слово, значит: „упование на Аллаха“; пишется так же, как и имя Тугуль; здесь опять вера в магию имени.

²²⁸ Среди феодалов Востока, как и на Западе, вра-

щались сказители древних былин, поэты и певцы; феодальному окружению Тимура хорошо знакомы и дологи образцы древних былинных богатырей, апшердцирующих подвиги двух современных богатырей из отрядов Тимура и амира Хусайна. Поединки выдающихся богадуров всегда привлекали внимание феодальной знати и порождали новую былинную и сказочную поэзию.

²²⁹ *Рустем* — славнейший персидский богатырь, герой поэмы в 17 000 стихов „Шах-намэ“ (буквально: „Книги о царях“), составленной в 957—978 гг. н. э. знаменитым поэтом Фирдоуси. Рустем принимает самое горячее участие в ожесточенной борьбе Ирана с Тураном. В первом же бою Рустем хватает царя Эфрасиаба за пояс, но пояс разрывается, царь убегает, и война затягивается до бесконечности.

²³⁰ *Исфендиар* — герой поэмы „Шах-Намэ“ (см. предыдущее прим.), один из главных борцов за религию Зороастра против нечестивого Турана; рядом изумительных подвигов он заканчивает безмерно затянувшуюся войну. Отец посылает его на бой с Рустемом. Тот с помощью волшебных сил поражает Исфендиара, но скоро гибнет и сам.

Сказом былин о Рустеме и Исфендиаре мекканский поэт Надр-ибн-Харис отвлекал слушателей от самого Мухаммеда.

²³¹ *Аталык* (буквально: „воспитатель“). — Новорожденного сына хана отдают в другую семью на воспитание. Аталык обязан вскормить ребенка, выучить верховой езде, стрельбе, перенесению голода, лишений и опасностей. При наступлении совершеннолетия аталык дарит своему питомцу коня, одежду и оружие и возвращает его в родительский дом. Семья аталыка считается родственной семье своего питомца.

²³² *Отнять пояс* на поле битвы — магический символ захвата власти, принадлежащей амиру, который владел раньше этим поясом.

²³³ *Могольское знамя* — знамя Джете.

²³⁴ *Коран* здесь служит могучим магическим талисманом, храня в себе невидимые следы клятвы, принесенной на нем в другом месте.

СКАЗАНИЕ ОБ АКСАК-ТЕМИРЕ (ХРОМЦЕ ЖЕЛЕЗНОМ)

¹ Сюжетное строение „Богатырского сказания об Аксак-Темире (Хромце Железном)“.

1. Сон Джудая, хана Индустанского, и его толкование.

2. Попытки истребить Темира в чреве матери.

3. Детство Темира.

4. Хромой и слепой муравей.

5. Игры с мальчишками-сверстниками.

6. Темир—атаман шайки разбойников-сверстников.

7. Разбойники и Джудай, хан Индустанский.

8. Захват разбойниками Индустана.

9. Поход на Стамбул и осада.

10. Хитрость Темира и захват Стамбула.

11. Поход на Булгар.

12. Народ „бараж“.

13. Сыновья Джауши-бега.

14. Поход Темира на Москву.

15. Урочище Кыя.

16. Самарканд.

17. Послесловие автора.

² *Индустан* — здесь чисто сказочное название богатой, цветущей страны.

³ Вопрос о будущей судьбе — обычный для всех, кто прибегает к магии во всех ее видах. По данным арабской магии, пять вещей известны одному только

Аллаху, и нельзя о них спрашивать: 1) день смерти; 2) пойдет ли дождь; 3) пол ребенка в чреве матери; 4) события завтрашнего дня и 5) место, где должен умереть каждый человек.

⁴ *Генеалогия Тарагая* носит совершенно сказочный характер. Ср. ее с генеалогиями в „Автобиографии Тимура“ (стр. 101—102).

⁵ *Родимое пятно и бельмо* — две сказочные приметы героя.

⁶ *Судьба человека* — птица, привязанная Аллахом к шее всякого человека, стрелы, посылаемые лучником-Аллахом. Как можно, — думали правоверные, — сбросить с шеи птицу, уберечься от стрел Аллаха?

⁷ *Совет хана* здесь занят не военными делами, а магическими: как лучше предотвратить злую судьбу, грозящую хану?

⁸ Легендарная версия о происхождении хромоты Темира; реальную версию см. в „Автобиографии Тимура“ (стр. 158).

⁹ Знатное происхождение Темира устанавливается здесь очень искусственным приемом — по женской линии: такое родство ценилось у „правоверных“ только в отношении жен и дочерей Мухаммеда.

¹⁰ *Сверстники-мальчишки* — пережиток древних возрастных групп.

¹¹ *Эпизод с муравьем* одно киргизское предание относится к моменту скитаний Темира по степям Хорезма и Хорасана. Около кустарника Темир увидел большую букашку, которая пыталась взобраться наверх стебля; ветер качал стебель и сбрасывал букашку вниз; букашка снова и снова повторяла свои попытки, и каждый раз ветер сбрасывал ее вниз; наконец она все-таки добилась своей цели — уселась наверху стебля. Темир сказал своим спутникам: „Это маленькое насекомое должно служить примером терпения и настойчивости; несмотря на все превратности судьбы, мы не должны унывать и падать духом; нужно всегда надеяться, что с терпением и постоянным стремлением к хорошо обдуманной, намеченной цели мы непременно достигнем ее“. Слепота и хромота муравья символизируют здесь Темира, пока еще слепого к путям судьбы и хромого по велению судьбы.

¹² „Богатырское сказание“, так же как и „Автобиография“, приписывает Темиру очень ранние честолюбивые мечтания.

¹³ *Игры* тесно сплетаются с серьезными делами, игра переходит в бой, а бой часто бывает в форме игры у жителей степей и пустынь; игра в разбойники незаметно переходит в настоящий разбой. Тут игры — не только школа жизни, но имеют для Темира и глубоко провиденциальное значение; он обнаруживает большую умственную ловкость и преимущество перед своими сверстниками-мальчишками и уже среди детских игр волей судьбы выдвигается в ханы.

¹⁴ *Разбойники* — социальная группа, особенно характерная для феодального средневековья. Разбойники успешно конкурируют и борются с войсками местного хана, их казна богаче ханской казны, у разбойников служить выгоднее, чем в войсках хана, воины хана быстро переходят и растворяются в шайке разбойников; часто сами разбойники передеваются купцами, отправляются с караванами, втираются в купеческую среду, чтобы легче получить богатую добычу. *Разбойники-купцы-конквистадоры* (захватчики городов и земель) — прекрасная аналогия с норманами в Западной Европе и на Руси, с испанцами и португальцами в Новом Свете.

¹⁵ *Троекратное посольство* Джудай-хана Индустанского к атаману шайки, Аксак-Темиру, — обильный вариантami сказочный мотив.

¹⁶ *Злато-серебро* — не только сказочный мотив, но и очень реальное отражение Эльдорадо феодальных верхов Востока, о котором уже подробно говорилось в „Автобиографии Тимура“.

¹⁷ Первая из „хитростей“ Аксак-Темира, характерных для всего „Богатырского сказания“.

¹⁸ Очень реальный штрих, освещающий характер торговли той эпохи. Торговля стимулирует разбой и сама питается разбоем; „тамга“ — первая робкая попытка внести некоторую урегулированность в симбиоз торговли с бушующей военной стихией феодализма.

¹⁹ *Спор о принципах морали у Темира с Джудай-ханом Индустанским*,

Джудай определенно держится „морали рабов“, принципа большей ценности добра, чем зла, а яркий „сверхчеловек“ Темир становится по „ту сторону добра и зла“, приравнивает добро к „беспечности“ (злу) и самого Джудая обвиняет в „зле“, которое он причинил ему.

²⁰ Сказочное отражение первых успехов в политической карьере Темира — овладения Мавераннехром.

²¹ *Силлогизм автора о морали Темира:*

Первая посылка: Темир завладел Индустаном при помощи Аллаха.

Вторая посылка: Темир завладел Индустаном в нарушение обычных норм морали, т. е. при помощи „зла“.

Вывод: „зло“ исходит от Аллаха так же, как и общепринятая норма морали, т. е. добро.

²² *Итинерарий Аксак-Темира* по „Богатырскому сказанию“:

1) *Индустан*; 2) поход на *Стамбул*; 3) по пути в *Стамбул* захват *Мисра (Каира)*; 4) взятие *Стамбула*; 5) захват *Ашдархана (Астрахани)*; 6) поход на *Булгар* вверх по Волге; 7) захват народа „*бараж*“; 8) поход: *Булгар* — *Владимир* — *Москва*; 9) от *Владимира* обратный путь по направлению к *Бухаре*; 10) по пути к *Бухаре* захват урочища *Кыйа*; 11) поход по направлению к *Самарканду*; 12) захват *Самарканда* и жизнь там до самой смерти. Итинерарий носит фантастический характер, не считается с реальными фактами жизни и деятельности Аксак-Темира.

²³ *Имена сыновей Аксак-Темира* — совершенно фантастические, носят следы музыкального ритма сказителей и певцов былин об Аксак-Темире.

²⁴ Любопытная сказочная обработка сюжета — борьбы Темира с Баязидом Молниеносным.

1) Поход на *Стамбул* — сказочное прикрытие действительной цели похода Темира.

2) Очень реальные указания на слонов и верблюдов в дальнем походе на Баязида.

3) Образ трясущейся земли — сказочный.

4) Упоминание о *Мисре (Каире)* — важный намек на предварительный разгром египетского султана *Фараджа*, союзника Баязида, но исторически неточный: Темир никогда не воевал в Египте.

5) Продолжительная стоянка была как раз перед решительным наступлением Темира на Малую Азию для борьбы с Баязидом.

²⁵ *Стамбул и образ Шах-Султана* носят сказочный характер; только в бою между Аксак-Темиром и Шах-Султаном, быть может, следует усмотреть некоторый намек на битву при Ангоре; правда, результат битвы в „Сказании“ — другой: Шах-Султан не попадает в плен, а укрывается в Стамбуле.

²⁶ *Караушли* — разведчики воюющих стран; очень реальный намек на образцово поставленное разведочное дело в армии Аксак-Темира.

²⁷ *Многогодие* в „Богатырском сказании об Аксак-Темире“ — очень частое и богатое вариантами выражение.

1. Осада Стамбула длилась *пять* лет.

2. Аксак-Темир прожил в Стамбуле *несколько* лет.

3. Прожил в Ашдархане *пять-шесть* лет.

4. Осада Булгара продолжалась *семь* лет.

5. Прожил на урочище Кыйа *два* года.

Многогодие — поэтическое отражение „плапомерно“ задуманных походов Темира — „трехлетнего“, „пятилетнего“ и „семилетнего“ (подробнее об этих походах см. во Введении, стр. 23).

²⁸ *Хитрость* Темира в „Богатырском сказании“ — очень характерная для него черта; здесь она также дана в сказочной форме; ср. аналогичную хитрость Олега Вещего перед убийством Аскольда и Дира и захватом Киева.

²⁹ *Ашдархан* — Астрахань.

³⁰ 700 г. хиджры = 1301 г. н. э. здесь абсолютно неточен.

³¹ В рассказе о змее, возможно, есть некоторая доля реальности (здесь, вероятно, говорится об остатках допотопных чудовищ) и очень много фантастики. Народ получает название от змея, — это, может быть, очень отдаленные отзвуки *тотемизма*.

³² *Урал* — племенной и боевой клич.

³³ *Минарет* — вышка мечети, откуда муэдзины возглашали „правоверным“ время их пятикратной молитвы; отсюда же производились наблюдения над приближавшимся врагом.

³⁴ *Хызр* — см. прим. 91 к „Автобиографии Тимура“. Здесь подчеркнута, что Хызр непрерывно сопутствует Темису в качестве великого патрона его воинов.

³⁵ „Трактат о причинах бед и несчастий“ передан в форме рассказа о блужданиях Аксак-Темира среди народа баражцев и бесед с жителями наподобие мудрого халифа Гарун-Ал-Рашида и его великого везира Джаифара.

Первый вариант решения проблемы. Вся беда от Аксак-Темира, т. е. от злой воли (*causa efficiens*) определенного человека.

Второй вариант. Неизвестно отчего, но между появлением беды и приходом Аксак-Темира существует определенное временное соответствие, т. е. типичный *параллелистический дуализм*.

Третий вариант. Вся беда от собственных дурных дел баражцев: что бы мог сделать один Аксак-Темир? Он — только орудие возмездия в руках Аллаха.

Аксак-Темир принимает только третий вариант решения, жестоко расправляется со своими обвинителями и щедро награждает вдову, переложившую ответственность с Аксак-Темира на дурные дела других.

Моральный облик Аксак-Темира, по „Богатырскому сказанию“, будет нарисован полностью, если прибавить его „хитрость“ при убийстве Джудай-хана Индустанского и при захвате Стамбула, небрегование разбоем; а с другой стороны, ревностную пропаганду ислама, послушание Хызру и непреклонное упорство в достижении своих целей наподобие хромого и слепого муравья.

³⁶ *Кубня* — река Кубань.

³⁷ *Путь* Булгар — Владимир — Москва совершенно не точен; Тимур двигался не с востока, а с юга, с реки Терека, где он покончил с Тохтамыш-ханом, и дошел до Ельда, откуда повернул обратно.

³⁸ *Царь московский Михаил* — анахронизм; объясняется, вероятно, тем, что окончательная редакция „Богатырского сказания об Аксак-Темире“ относится к половине XVII века, когда царем в Москве был действительно Михаил (умер в 1645 г.). В эпоху нашествия Тимура в Россию великим князем московским был Василий I Дмитриевич (1389—1425 гг.),

сын известного победителя татар на Куликовском поле, Дмитрия Донского.

³⁹ Автор „Богатырского сказания об Аксак-Темире“, как и древне-русские летописи, одинаково пытаются объяснить непонятный современникам уход Тимура от Ельца чудесным образом.

⁴⁰ *Подвиги Темира под Владимиром*, символика его сверхъестественных сил — чисто сказочный мотив.

⁴¹ Очень ценные указания на последовательные моменты *стодки кочевого племени*: 1) зарезана кобыла; 2) собран народ по родам; 3) ханы ставят вопрос об откочевке; 4) вместо решения вопроса по существу хвалят собаку, коня или жену; 5) едят мясо и расходятся, не решив дела.

⁴² Важное указание на *количественный* состав кочевых родов.

⁴³ Очень реальная картинка массового психоза страха у кочевников.

⁴⁴ *Конёк* — кожаное ведро, в которое доят кобыл.

⁴⁵ *Ад*. — Умерший прежде всего поступает к двум ангелам — Монкиру и Накиру, которые чинят ему допрос, взвешивают его поступки на огромных весах, потом проводят по тонкому, как волосок, мосту „сырат“ (буквально: „стезя“). По словам Сонны, праведники по мосту проходят прямо в рай, а грешники обрываются и падают в ад, который простирается на семь ярусов в глубину. Наказания в аду — самые утонченные. Самое обычное орудие муки — огонь в разных его применениях; полагается также глотать плоды особого адского дерева „заккум“ и других; самой слабой мукой считаются огненные башмаки.

⁴⁶ Дальше идут пять „столпов“ („рук“) ислама.

⁴⁷ *Исповедание веры* ислама — см. прим. 13 к „Автобиографии Тимура“.

⁴⁸ *Пятикратная молитва* — см. прим. 34 к „Автобиографии Тимура“.

⁴⁹ *Омовение* — см. прим. 33 к „Автобиографии Тимура“.

⁵⁰ *Пост Саум* в месяце рамадане, когда Мухаммед получил свое первое откровение от ангела Джабраила (Гавриила); продолжительность поста — с появления новой луны рамадана до появления новой луны

пшавала. Особое внимание обращено на точные моменты начала и конца поста, о чем духовные власти тщательно извещают народ. Пост продолжается с момента, когда утром можно отличить черную нитку от белой, и продолжается до вечера, когда нельзя уже отличить одной нитки от другой.

Пост заключается в воздержании от всякой пищи, питья, купанья, куренья, втягивания запаха пахучих веществ, удовлетворения половой страсти, от пустых речей и всякого рода чтения, за исключением Корана.

Пост нарушается, если случайно проглотить частичку пищи, оставшуюся в зубах с вечера, если она будет с горошину или более; если проглотить муху, снежинку или дождевую каплю; запрещается принимать лекарство не только через рот, но и другие входные (глаза, уши, нос) и выходные пути.

⁵¹ *Милостыня* — „закят“ (буквально: „очищение“) — уплата десятины доходов на благотворительно-религиозные цели.

„Они спросят тебя, как должно творить милостыню. Скажи им: должно помогать родным, ближним, сиротам, бедным, путешественникам.

Добро, которое вы сделаете, будет известно Аллаху“. (*Коран, II сура, 211 аят*)

„Закят“ можно выполнять четырнадцатью способами: уплачивать золотом, серебром, верблюдами, коровами, баранами, зерном, ячменем, просом, маисом, бобами горохом, рисом, изюмом и финиками.

Относительно золота: если владеешь суммой ниже двадцати мелких золотых драхм, то не платишь десятины; если владеешь большей суммой, то платишь три на сто; так же и для серебра, принимая во внимание сравнительную стоимость с золотом. Что касается скота, то владеющий двадцатью пятью верблюдами дает одного верблюда; из баранов дают одного на сорок и т. д.

⁵² *Хадж* — священное паломничество в Мекку, которое каждый „правоверный“ должен совершить по крайней мере раз в жизни по достижении зрелого возраста. Паломничество совершается в священном месяце зу-ль-хадж. Снимается обыкновенная одежда и надевается особая, назначенная для „хадж“, — „их-

рам“: два куска несшитой ткани — полотняной или шерстяной материи; один кусок обвязывает поясну, второй набрасывается на шею и плечи, так чтобы часть правой руки оставалась свободной; вместо башмаков надевают сандалии.

Праздник открывается в *седьмой* день месяца проповедью кади Мекки после полуденной молитвы.

В *восьмой* день идут медленным ходом два часа до долины Мина, а оттуда к горе Араф (шесть часов ходьбы от Мекки). Это самая священная гора в мире: здесь Джабраил учил Адама молиться, сюда Адам совершил „хадж“ с Цейлона, здесь во время „хаджа“ стояли все пророки и посланники Аллаха; здесь развалины мечети, где молился Адам.

В *девятый* день — великое Арафское празднество, длинная проповедь меккского кади от трех часов полудни до захода солнца. Если кто не прослушает этой проповеди, тот лишается прав на звание „хаджи“ (паломника к священным местам). Обыкновенно кади читает проповедь, сидя верхом на верблюде, останавливается через каждые пять минут, чтобы испросить благословение у Аллаха, причём слушатели машут полами своих одежд и кричат: „Готовы служить тебе, Аллах, готовы!“ проповедник и слушатели то-и-дело проливают обильные слезы. Когда солнце заходит за горы, проповедник закрывает книгу, и все взапуски бегут по направлению к Моздалифе. Ночью устраивается великолепная иллюминация.

Десятый день — „день жертвоприношения“ („Великий байрам“ турок). На заре кади Мекки опять говорит слово, только гораздо короче предыдущего; затем следует праздничная молитва, после чего идут в долину Мина. Там начинают кидать камешки величиною с сухой турецкий боб. Первые семь камешков надо бросить в каменный столб или жертвенник, сложенный из неотесанных камней, стоящий при входе в долину, посреди дороги; потом бросают семь других камешков в другой такой же столб посредине долины и наконец еще семь — на западной стороне долины в каменную стену, отгоня шейтана и его полчища. Затем закалывают животных в жертву Аллаху.

Одиннадцатый день — день отдыха.

На *двенадцатый* день в полдень в Мекке идут в Каабу, которая покрывается новой материей; здесь путешественник прочитывает молитвы, становится против черного камня в Каабе, прикасается правой рукой или целует его и затем начинает семь обходов вокруг Каабы и всякий раз по совершении обхода прикасается к камню или целует его, первые три раза — мелкой рысцой, двигая плечами вверх и вниз, последние четыре раза — медленным, степенным шагом. После обхода Каабы путешественник идет в „макаш Ибрахима“ („стоянка Авраама“), от туда к священному колодцу Замзям, где пьет воды столько, сколько примет душа. Затем семь раз пробегают между холмами Сафа и Марв в память Агри, жены Ибрахима, пробежавшей семь раз между холмами для сына своего Исмаила, родоначальника арабов (обряд „Сай“).

Выполнивший все эти обряды получает звание „хаджи“ и право носить чалму.

⁵³ *Завоевание Самарканда* переносится автором „Богатырского сказания“, вопреки историческим данным о деятельности Тимура, на самый конец жизненной карьеры Аксак-Темира.

СКАЗАНИЕ О ЧИНГИС-ХАНЕ

- ¹ Сюжетное строение „Богатырского сказания“.
1. Дети Ноя и происхождение народов.
  2. Генеалогия от Ноя до Бурхана.
  3. Писаная красавица Гулямалик-Курукти.
  4. Бодентай и Болектай.
  5. Предзнаменования и рождение Чингиса.
  6. Дележ золотого лука между сыновьями Алангу.
  7. Уход Чингиса на черную гору.
  8. Добывание Чингиса биями.
  9. Красавица Бортакшин — сорокасаженные косы.
  10. Сыновья Чингис-хана и его победы.
  11. Деревья, птицы, тамги и кольчуги биев Чингис-хана.
  12. Охота Чингис-хана, его сыновей и биев.
  13. Раздел улусов между сыновьями Чингис-хана.
  14. Хронология Чингис-хана.

Из четырнадцати основных сюжетов „Сказания“ реальные мотивы можно искать только в трех: 1) фрагменты генеалогии; 2) тамги и кольчуги биев Чингис-хана и 3) хронология; остальные эпизоды — сплошь былинно-сказочного характера.

² *Сказание о детях Ноя* — легенда в дополнительном легендарном предомлении:

а) Ной в качестве основы генеалогического древа введен здесь, как один из главных пророков „правовверных“.

б) Число сыновей и дочерей Ноя (четыре) определяется по числу четырех *стигий* мира (вода, земля,

воздух, огонь), четырех *темпераментов* человека, четырех *стран света* и т. д.; чтобы достигнуть желанной магической цифры „четыре“, прибавлен лишний, четвертый сын Ноя и добавлено четверо дочерей, о которых ничего не говорится в Библии.

в) Этнографическая характеристика сыновей Ноя расходится с общепринятой традицией: арабы по-чему-то произведены от Хама (традиционный взгляд на арабов, как на потомков Исмаила, сына Авраамова, потомка Сима), а персы — от Сама.

г) Яфеса, от которого произошли народы Рума, звали также Абульджа-хан; от этого Абульджа-хана через длинный ряд генеалогических звеньев произошел Чингис-хан; по логике автора „Богатырского сказания“, Чингис-хан и европейцы имеют одного и того же родоначальника!

³ *Вера русских* — вера христианская, которую Бурхан, кашимовский царевич, принял в 1653 г. при царе Алексее Михайловиче.

⁴ *Страны света* обозначались у монголов разными цветами: *север* — черный; *юг* — красный; *восток* — голубой; *запад* — белый.

Таким образом „*Белое море*“ означает море, лежащее к западу.

⁵ *Темный сорокасаженный дворец*, где воспитывалась дочь хана, — часто встречающийся сказочный мотив девицы, заключенной в терем, в башню, куда не может добраться добрый молодец; динамика сказочного мотива сводится к добыванию молодцом девицы-красавицы, осложненному беременностью ее от солнечного луча и плаваньем по белу морю в золотом корабле. *Сорок* — магически-сказочная цифра.

⁶ *Эпизод „Писаная красавица Гулямалик-Курукпи“* полон сказочного ритма и искусных параллелей:

взгляд — дерево — листья;

взгляд — земля голая — трава-мурава;

расчесывание — волосы — жемчуг;

плевки — земля — золото.

Первые два ряда полны *натуральных показателей* (листья и трава-мурава), последние два — *материально-ценностных* у верхов феодально-племенного общества. В основу морфологии положен твор-

чески-производительный процесс в магическом освещении.

⁷ *Подружки - прислужницы* Гулямалик - Курукти — пережиток возрастных групп, облеченный в сказочную оправу; яркая параллель к свертницам Гулямалик-Курукти — служанки царевны Навсикаи в „Одиссее“ Гомера.

⁸ *Проникновение луча света в темный дворец* — символика полового акта.

⁹ *Беременность без мужчины (самца)* — мотив восточных сказок и легенд; интересны варианты этого мотива:

- 1) курица — зола — яйца без петуха;
- 2) женщина — луч солнца — беременность без мужчины.

¹⁰ *Золотой корабль* без выхода, куда сажают и отправляют провинившуюся дочь хана, — сказочный мотив, аналогичный в „Сказке о царе Салтане“ герметически закупоренной бочке, куда была брошена провинившаяся царица с царевичем.

¹¹ *Сорок свертничков ханского сына Тумакул-мергена* — также пережиток старинных возрастных групп облеченный в сказочную оправу.

¹² *Караульчик* — разведчик на войне, здесь на охоте.

¹³ Эпизод со стрельбой в золотой корабль, где заперта красавица писаная, — любопытный вариант известного сказочного мотива о добывании невесты.

¹⁴ Обычное превосходство мальчиков (мужчин) над девочками (женщинами).

¹⁵ *Кулан* — один из видов диких ослов, водившихся в Монголии; предмет охоты у монголов.

¹⁶ *Семь* провожатых Бодента и Болектая, семь сыновей Алтын-хана; число „семь“ носит магически-сказочный характер вавилонского происхождения.

¹⁷ *Персонификация* народов: племя замещается своим родоначальником, славою.

¹⁸ Сказочный мотив *оборотня*.

¹⁹ *Сайгак* — степная антилопа.

²⁰ *Голод* был постоянным бичом средневековья как на Востоке, так и на Западе, показателем экономической неорганизованности той эпохи. Случаи продажи

детей в рабство — самое заурядное явление; продают *знатного* мальчика из голого расчета, что родовитость дороже ценится на рабском рынке.

²¹ *Миграции* — постоянное явление средневековья, когда все текло и двигалось вследствие экономических невзгод, лютых соседей, жестоких правителей, прикрывшись поисками праведной земли, распространения правой веры среди неверных, отвоевания священных земель.

²² *Наставления ханов Бодентая и Болектая своим племянникам* — любопытный „Домострой“ кочевников: организация народа — функция взаимоотношений между возрастными группами родового общества; народ устроен хорошо там, где младшие подчиняются старшим, и народ устроен плохо там, где, наоборот, верховодят младшие, а старшие не уважают.

²³ Подчеркивается презрительное отношение кочевников-аристократов к оседлым ремесленникам.

²⁴ Здесь перечислены важнейшие статьи богатства кочевников.

²⁵ „*Кости да кожа*“ — в данном случае символическое обозначение нищеты, бедности, хозяйственного упадка.

²⁶ *Джабраил* — ангел Гавриил, через которого Мухаммед получал откровения Аллаха, составившие потом Коран.

²⁷ *Здесь красота мужская* характеризуется отзвуками высшего, солнечного происхождения.

²⁸ Чингис-намэ дает здесь вариант: „Ханская дочка родила ребенка, которого назвала Тангри-берген (богом данный); от него родился Чингис; от нее родились еще двое: Бодоньчар и Кагинчар; эти двое, когда Тангри-берген умер, стали гнать Чингиса; Чингис удалился в горы“.

²⁹ *Раздел* отцовского золотого лука между сыновьями — обильный вариантами сказочный мотив; как обыкновенно в сказках, приз достается самому младшему, наиболее любимому матерью сыну.

³⁰ Опять подчеркнута, что Чингис — детище солнца; солнце покровительствует ему во всех затруднительных случаях жизни.

³¹ *Колдовство, волшебство* — самая популярная

форма веры в магические силы личности, характерная для феодально-племенного общества средневекового Востока и Запада.

³² *Птичий пух*, по реке плывущий,—весточка матушке родимой от сыночка любимого—обычный сказочный образ.

³³ Сказочный герой одарен высшими магическими силами, повелевает грозными представителями животного царства—медведями и львами.

³⁴ Герой скрывается в неведомую даль (за тридевять земель, в тридешатое царство), где его нужно добыть,—многовариантный сказочный мотив.

³⁵ *Бий*—глава рода, главный участник „курильта“ избравшего ханов; здесь ярко обрисована борьба разных родов при выборе Чингиса ханом.

³⁶ Приглашение Чингиса в ханы облечено в сказочную форму—добывания клада; клад то дается его искателям, то снова уходит из рук, пока не пущен в ход талисман, дающий полную власть над кладом.

³⁷ *Перстень с печатью* Алангу, матери Чингиса,—символ высшей политической власти, а одновременно и чудесный талисман для овладения кладом—самим Чингисом.

³⁸ Это—*куначество*, символика родового быта, принятие чужеродцев в пределы своего рода; вообще чужеродец ничего не значит для рода, но кого впускают в дом, кто живет вместе с родичами, ест, пьет с ними, тот становится как бы членом этого дома; совместная жизнь, еда и питье в пределах родового общества—символика установления родственно-дружеских связей с чужаками.

³⁹ Монгольское книжное сказание о Чингис-хане также знает телегу: тело Чингиса везли к месту погребения; телега завязла в песках; Кэлэ-гутей-богадур сказал слово, и телега двинулась дальше. Предания о телеге Чингис-хана напоминают западно-европейские представления о колеснице Водана или Карла Великого.

⁴⁰ Этот эпизод будет понятен, если привести отрывок сказания о Чингисе по Чингис-намэ: „Посадили Чингиса в телегу, чтобы везти, а одиннадцать биев впряглись в оглобли и повезли его на себе; двена-

ддатого, Калдар-бия, Чингис посадил с собой на телегу, так как он был хромым и не в состоянии был тащить телегу. Когда привезли телегу к юрте ханши, бии заспорили между собою, кому из них первому входить в юрту непосредственно вслед за Чингисом. Калдар-бий говорит: „Кто должен войти вперед — животное или человек? Вы везли телегу, следовательно вы были животными, а я сидел в телеге, следовательно я должен войти первым“. Одиннадцать биев принуждены были прекратить спор, и Калдар-бий вошел первым“.

⁴¹ *Сорокасаженные косы* — сказочная гипербола. Ср. сорокасаженные волосы девицы в золотом ящике в казакской сказке „Кран-каракшы“ (№ 30 из собрания Г. Н. Потанина), полностью кобылу сорока сажен длиной в казакской сказке „Ер-Тюстюк“ (№ 13 из собрания Потанина).

⁴² Эпизод с Бортакшин связан с моральным поучением, обращенным к грозному владыке; забываешь, что говорит красавица, слышишь словно голос шейха или „пира“, вхожего в „мир тайн“. Здесь перед нами как будто „мудрая Симпатия“ из „Тысячи и одной ночи“ невольница, соединявшая в себе с удивительной красотой всю мудрость своего века.

⁴³ *Насильственное прекращение рода* — величайшее преступление в рамках родового общества.

⁴⁴ *Море* — символ бесконечно большой величины для людей средневековья; сравнение чего-либо с морем — указание на безграничную ценность сравниваемого предмета.

⁴⁵ Сказочная гипербола.

⁴⁶ Прощение Чингис-ханом Бортакшин напоминает прощение Шахриаром Шахеразады в заключение „Тысячи и одной ночи“.

⁴⁷ „*Тамга*“ — клеймо, своего рода *герб* крупного феодала-кочевника в Монголии.

⁴⁸ Далее следует длинный перечень деревьев, птиц, тамг и кольчуг, присвоенных каждому биовоеначальнику Чингис-хана. Здесь перед нами — своеобразное сращение двух очень разнородных источников: 1) своеобразного „гербовника“ ближайших сотрудников Чингис-хана, своего рода маршалов Наполеона I и 2) обрывка какой-то большой эпической

поэмы, прославлявшей подвиги биев Чингиса; каждый бий — яркая, чеканная индивидуальность на сером фоне своих сородичей; он олицетворяет и замещает свой род — племя — народ во время непрерывных войн-перекочевков, в охотах Чингис-хана, в его „курлтайах“; их „тамгой“ (гербами) характеризуются главные подразделения бесчисленных орд „джехангира“.

⁴⁹ Раздел улусов между сыновьями Чингис-хана носит в сказании совершенно фантастический характер.

⁵⁰ Пожалование шубы с своего плеча — характерная символика восточной инвеституры, пожалование младшего высоким достоинством со стороны старшего.

⁵¹ *Хронология Чингис-хана*. Рождение Чингиса датировано 549 г. (1154 г. н. э.), смерть — 621 г. (1224 г. н. э.) По другим историческим данным, имеем твердую дату для смерти Чингис-хана — 1227 г.; следовательно наша дата на три года предваряет истинную; год рождения Чингиса известен только приблизительно, так что дату „Сказания“ трудно выверить, но, кажется, она приближается к истинной. Цифровая точность дат совершенно не гармонирует с былинно-сказочным характером всего „Богатырского сказания“; повидимому, даты впоследствии приставлены к концу „Сказания“ и заимствованы редактором „Сказания“ из какого-то надежного источника.

ХРОНОЛОГИЯ „АВТОБИОГРАФИИ“ ТИМУРА

Бегство (хиджра) Мухаммеда из Мекки в Ятриб (впоследствии Медина — город пророка) со времен Омара, второго халифа, считается отправным пунктом в летоисчислении „правоверных“ и обыкновенно относится к 16 июля 622 г. христианской эры. Летоисчисление — лунное; каждые 33 лунных года равняются 32 годам солнечным. Если нужно перевести летоисчисление „правоверных“ на летоисчисление христиан, следует сперва разделить дату на 33, полученное частное вычесть из цифры даты и, наконец, к разности прибавить 622; получится дата христианского летоисчисления; например, 805 г. хиджры; здесь 805 делим на 33; частное 24 вычитаем из даты — 805; получаем 781; к полученной разнице прибавляем 622 и получаем искомую дату христианского летоисчисления: $781 + 622 = 1403$ г. н. э.

*Хронологическая сеть первой части
„Автобиографии“ — до начала „погодной“ части*

¹ *Осада Эрзерума (приблизительно 803 г. хиджры = 1401 г. н. э.).*

² *Эпизод с шейхом Заин-эд-дин Абу-Бекром Тайабади (21-я годовщина Тимура = 1351 — 1354 г. н. э. = 752 — 754 г. хиджры).*

³ *Паломничество Тимура к „кутбу“ (805 г. хиджры = 1403 г. н. э.).*

⁴ *Тимур овладел Мавераннехром (806 г. хиджры =*

= 1404 г. н. э.— явная историческая несообразность: очень поздняя датировка очень раннего события из жизни Тимура).

⁵ *Эпизод с Убайдуллой* (относится, нужно думать, к последним годам деятельности Тимура в Самарканде перед походом на Китай).

⁶ *Поход по Ираку по направлению к Эрзеруму* (800 г. хиджры = 1398 г. н. э., т. е. дает неточность на три года назад или лет на семь вперед; захват Ирака с Багдадом падает на 1391 г., захват Сирии и разгром Грузии — на 1401 г.).

⁷ *Борьба с Кайсаром* (не датировано, но дано, как продолжение Эрзерума и борьбы с Румом, т. е. должно относиться приблизительно к 803 и 804 гг. хиджры = 1401—1402 гг. н. э.).

⁸ *Появление в Мавераннехре Туклук Тимура* (датировано 801 г. хиджры, следующим за 800 г.— походом по Ираку; опять явная историческая несообразность: Туклук Тимур умер задолго до движения Тимура по Ираку; возможен здесь 761 г. хиджры).

⁹ *Возвращение Туклук Тимура в Мавераннехр и передача им власти Ильяс-Ходже*. (датировано 862 г. хиджры = 1458 г. н. э.,— явная неточность: нужно, наверное, читать 762 г. хиджры = 1361 г. н. э.).

¹⁰ *Конфликт Тимура с Туклук Тимуром, бегство из Самарканда, скитания, тюрьма у Али-бега Джаны-Курбаны* (не датировано, но должно относиться к непосредственно следующим годам хиджры, т. е. приблизительно к 763—764 гг.).

¹¹ *Эпизод с астрологом* (не датировано).

¹² *Рассказ о сновидении амира Тарагая* (относится к молодости Тимура, т. е. до появления в Мавераннехре Туклук Тимура).

¹³ *Победа над Ильяс-Ходжей* (не датировано, но, как продолжение десятого эпизода, должно относиться приблизительно к следующим годам хиджры — 765—766).

¹⁴ *Поход на Персию* (не датировано, но, по другим источникам, должно относиться к 1381 г. н. э. = 782 г. хиджры).

¹⁵ *Эпизод с капищем Тугуль-богадура* (не датировано).

¹⁶ Сновидения, относящиеся к разным периодам жизни Тимура.

I. Появление Туклук Тимура в Мавераннехре (761 г. хиджры).

II. Борьба с амиром Хусайном.

III. Борьба с Тугуль-богадуром.

IV. Борьба с Мансур-шахом Персидским (782 г. хиджры).

V. Измена Тохтамыш-хана (789 г. хиджры).

VI. Ирак (приблизительно 793—794 гг. хиджры).

VII. Поход на Индустан (800 г. хиджры).

VIII. Бой с объединенными войсками Египта, Сирии и Турции.

IX. Сборы в поход на Китай (перед самой смертью Тимура).

X. Овладение Персией (792 г. хиджры).

XI. Сон амира Тарагая (перед рождением Тимура).

Таким образом, рассказы о поздних событиях в жизни Тимура, об его славных подвигах в Малой Азии, Сирии, Ираке, постоянно перебиваются воспоминаниями о неудачных эпизодах в борьбе с Туклук Тимуром; нужно думать, эти неудачы причинили такой удар по психике Тимура, что никакие его последующие успехи и подвиги не могли заслонить ранних неудач. Зато сновидения расположены как будто в *более* хронологическом порядке; они начинаются со злосчастных эпизодов с Туклук Тимуром, надоедливых эпизодов с амиром Хусайном, переходят к борьбе с персидскими шахами, Тохтамышем, Индустаном, Сирией и Кайсаром (быть может, Баязидом Молниеносным) и кончаются подготовкой к предсмертному походу на Китай.

СИМВОЛИКА СНОВИДЕНИЙ ТИМУРА

Символика

Расшифровка

I. Туклук-Тимур

1. *Птица-шакин (сокол)* подлетела и уселась на руку..

Могущество.

2. Пришло много коров, которых Тимур подоил.

Многие выгоды от присоединения к Туклук Тимуру.

II. Амир Хусайн

1. На серебряном блюде *поднесен меч.*

Переход могущества от амира Хусайна к Тимуру.

2. Клинок этого меча сплошь *облелен мухами.*

Смерть амира Хусайна.

III. Бегство из Самарканда

1. *Черный ворон* сел на плечо.

2. *Плач* Тимура.

3. Слетел *рой мух*, который Тимур *отогнал.*

Горе Тимура в его бегстве из Самарканда и странствии по степям Хорезма.

Многочисленные войска Тугдуй-богадура, *рассеянные* в бою.

IV. Бой с Мансур-шахом Персидским

1. Несколько сосудов для вина, которые разбиваются ударами одного сосуда по остальным.

Победа над Мансур-шахом Персидским.

2. *Изгубренный меч.*

Дурное предзнаменование, которое, впрочем, не исполнилось,

V. Столкновение с Тохтамыш-ханом

1. Луч света упал с востока на голову Тимура. Нападение Тохматыш-хана с востока на Тимура.
2. Луч потух и исчез. Полное его поражение и бегство.

VI. Поход на Ирак

- Пришло много львов и скорпионов. К Тимуру явилось множество амиров Ирака, с изъяснением покорности.

VII. Поход на Индустан

1. Роскошный сад, полный деревьев, обремененных плодами; там птицы свили множество гнезд. Индустан.
2. Пращей Тимур *разорил* гнезда. Тимур *разорил* много городов в Индустане.

VIII. Бой с объединенными войсками Египта, Сирии и Турции

1. Восхождение на высокую гору. Гора — столица Сирии, цель похода Тимура.
2. Свинцовые тучи и мгла тумана. Тучи и туман — *войска врагов*.
3. Тучи разразились *ливнем*. Ливень — *воины Тимура*.
4. Туман после дождя *рассеялся*. Вражеские войска будут рассеяны воинами Тимура.

IX. Размышления Тимура о потомстве

1. Дерево с развесистыми ветвями и обильными плодами. Дерево — *сам Тимур*; ветви с листьями — *его потомство*; плоды — *богатство и могущество Тимура*.
2. Птицы и насекомые *подают* плоды с деревьев. Поедающие плоды — *подвластные Тимуру народы*, которые пользуются от него великими и богатыми милостями.

X. Дурные дела Тимура

Ужасные многоборленные *Дурные дела* Тимура.
зени (джинны).

XI. Тимур кается в дурных делах

Великолепный сад, на- *Милость* Аллаха за рас-
 полненный фруктовыми каение Тимура в дурных
 деревьями, украшенный делах.
 всевозможными цветами;
 большие реки посреди сада
 и нежные звуки музыки.

XII. Сборы в поход на Китай—первый сон

1. С ветвей большого
 дерева Тимур *слезает* на
 землю.

2. Чашка с водой на го-
 лове Тимура *упала*, и вода
 разлилась.

3. Отец Тимура, амир
 Тарагай, взял коня из рук
 Тимура, увел в сад и там
 исчез.

Близкий *конец жизни* и
 могущества Тимура.
 (Тимур впрочем, наде-
 ясь на свою счастливую
 звезду, не верит дурно-
 му истолкованию сна.)

XIII. Сборы в поход на Китай—второй сон

Пустыня с дикими
 зверями, потом сад, пол-
 ный плодов и музыкаль-
 ных инструментов. В са-
 ду—громадный трон, вбли-
 зи трона—высокая башня,
 на вершине которой кэ-
 кие-то люди записывают
 в книги дела человеческие.

Близкий *переход* Тимура
 в иную жизнь.

XIV. Сон амира Тарагая

1. *Меч*, блеск которого
 озарил весь мир.

Сын Тарагая силою ору-
 жия подчинит себе мир.

2. Из рук Тарагая под-
 нялись пары, в воздухе
 обратившиеся в капли, ко-
 торые упали на землю
 дождем.

Потомки Тарагая будут
 владыками на земле.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Коран, XVIII сура, 63—73 аят. Фото- снимок с рукописи Корана XVI в. б. Королевской библиотеки в Бер- лине	56—57
Мечеть Омара. Фотоснимок Bonfils в Бейруте	64—65
Индусский сказочный ландшафт. Ми- ниатюра к Харири. Парижская ру- копись	80—81
Злые духи (джинны) пустыни угрожают путешественнику. Миниатюра одной персидской дежежной шкатулки. Ори- гинал в Этнографическом музее в Амстердаме	96—97
Внутренность мечети Scidi Оква в Кай- раване. По Monuments historiques de la Tunisie	112—113
Арабский всадник. Арабский папирус X века. Собрание папирусов эрцгер- цога Райнера в Вене	128—129
Арабский караван. Миниатюра к Ха- рири. Рукопись в Каире	144—145
Осада Самарканда монголами. Мини- атюра Джагатайской рукописи Бри- танского музея	160—161
Угедей, сын Чингис-хана. Миниатюра из собрания Гуарт в Париже	176—177
Чингис-хан на троне. Миниатюра Джа- гатайской рукописи Британского му- зея	192—193

Тимур на троне. Миниатюра б. Королевского этнографического музея в Берлине	208—209
Правоверные на молитве. По Lane. Manners and Customs	224—225
Мечеть в Мекке с Каабой. Миниатюра из одной персидской книги путешествий 1576 г. Частное собрание в Нью-Йорке	240—241
Рай. Миниатюра одной персидской денежной шкатулки. Оригинал в Этнографическом музее в Амстердаме . .	248—249
Вид Мекки. По Ohsson. Tableau Général de l'Empire Ottoman. Paris 1790 . . .	256—257
Вид Мекки. По Ohsson. Tableau Général de l'Empire Ottoman. Paris 1790 . .	272—273

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>От переводчика</i>	7
<i>В. Панов. Введение</i>	9

Автобиография Тимура	47
Сказание об Аксак-Темире	217
Сказание о Чингис-хане	241

П р и м е ч а н и я

Автобиография Тимура	277
Сказание об Аксак-Темире	326
Сказание о Чингис-хане	336
Хронология „Автобиографии Тимура“	343
Символика сновидений Тимура	346
Перечень иллюстраций	349

Ред. Л. Б. Каменев
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Лит.-техническ. наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Тех. ред. М. М. Дмитриев
Наблюдение на производстве
М. И. Козлов

☆☆☆

Сдано в набор 11.XI.33. Под-
писано в печать 20.III.34.
Тир. 5 300. Уполн. Главлита
Б—33795. Зак. тип. № 7460.
Зак. «Ас» № 67. Инд. А—2.
Бум. 74×105.⁴/₃₂. Пл. 11+16
вкл. Аwt. л. 14,75. Тип. зн.
на 1 бум. л. 94,568.

☆☆☆

Отпечатано на фабрике книги
«Красный пролетарий» изд.
ЦК ВКП(б) Партиздата. Мос-
ква, Краснопролетарская, 16.

Цена Р. 5

Переплет Р. 2

Новые русские переводы Автобиографии Тимура» и «Сказаний о Чингис-хане и Аксак-Темире» имеют задачей ознакомить советского читателя с легендами и сказаниями, связанными с великими историческими движениями, потрясавшими Азию и Восточную Европу в XIII-XIV-XV веках.

В этих легендах и песнях наша яркая и красочная отражение своеобразная эпоха истории Востока, надолго запавшая в память народов, двигавшихся между Монголией и Индией, Китаем и Каспием. Имена Чингис-хана и Тамерлана вошли в мировой оборот. Печатаемые легенды и песни рисуют изобразительный образ так как он отразился в сознании наиболее близкой и племенной и социальной среды.

Цена Р. 5

Переплет Р. 2

Вышли в свет:

ИВН ХАЗМ

Ожерелье любви

КНИГА 1001 НОЧИ

т. V

НАСИР-И ХУСРАУ

Книга путешествия

САИД ХАЙДАР БАХШ

ХАЙДАГИ

Сказки популярная

В печати:

ПЕРСИДСКИЕ СКАЗКИ

КНИГА 1001 НОЧИ

т. VI

Готовятся к печати:

СБОРНИК «ВОСТОК» I

Литература Японии и Китая

ЛЯО ЧЖАЙ

Рассказы о людях необычайных

ТУРЕЦКИЕ СКАЗКИ

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕМБИ

Путешествие

«А С А Д Е М И А»

Москва, Большой Вузовский, 1
Ленинград, Проспект 25 Октября

«Дом книги»